

ПУТЬ ТЕМНЫХ

16+

НАТАЛЬЯ РАЗБАЕВА

Наталья Евгеньевна Разбаева

Путь темных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65876401

SelfPub; 2021

Аннотация

Действие романа происходит в давние времена в вымышленном мире, населенном людьми и эльфами. Страна людей Кампанела враждует со страной эльфов Лавандиной. Но, помимо внешнего конфликта, обе страны терзают и внутренние недуги. Трон Кампанелы делят между собой наместник и принц, и оба не остановятся ни перед чем для достижения своей цели. В Лавандине происходит стремительная череда смертей среди членов королевской семьи. Что это? Проклятие, ниспосланное на головы Алых цветков, или чей-то хорошо продуманный план? И какую роль во всем этом играет загадочный советник короля, пользующийся его безграничным доверием, но которого до сих пор преследует его страшное темное прошлое?

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	90
Глава 8	109
Глава 9	129
Глава 10	136
Глава 11	142
Глава 12	155
Глава 13	167
Глава 14	179
Глава 15	188
Глава 16	194
Глава 17	204
Глава 18	217
Глава 19	228
Глава 20	232
Глава 21	243
Глава 22	249

Глава 23	257
Глава 24	265
Глава 25	280
Глава 26	288
Глава 27	298
Глава 28	311
Глава 29	319
Глава 30	335
Глава 31	341
Глава 32	352
Глава 33	369
Глава 34	375
Глава 35	386
Глава 36	391
Глава 37	411
Глава 38	416

Наталья Разбаева

Путь темных

Стремясь к одной лишь цели, он для ее достижения готов был пожертвовать не только собою – на это способны многие, – но и другими. Сомерсет Моэм "Луна и грош"

Предисловие

Эта война началась много лет назад, и была она долгой и кровопролитной. Но даже много веков спустя она не получила названия, наоборот, легко забылась и стала пережитком истории. Наверное, потому что у тех, кто оказался в центре событий, не осталось потомков, которые могли бы более подробно поведать об этой беде.

Войну начали две страны – Кампанела и Лавандина. Теперь уже и не вспомнить, кто сделал первый шаг к конфликту. Обе эти страны граничили с Истерским лесом, который считался ничейной территорией. И в один далеко не прекрасный день и Кампанела, и Лавандина захотели присоединить этот лес каждая к себе. Здесь их интересы и столкнулись.

Лес был важным в торговом отношении объектом. Он открывал выход к морю Элх, воды которого славились спокойным характером в течение круглого года и отсутствием в своих глубинах монстров и чудовищ. А это означало спокойное, безопасное и, как следствие, прибыльное судоходство. Море Элх открывало прекрасные возможности для торговли с тремя богатейшими странами на континенте, что сулило не просто большие деньги, а огромные.

И к началу моего повествования Истерский лес все еще оставался лакомым кусочком, так и не доставшимся никому.

Глава 1

– Ты – темный. И ты умрешь. Потому что все темные умирают, – звучал в его ушах неприятный хриплый голос с каркающими нотками, как будто прокуренный. Он был въедливым, настойчивым, не слушать его было невозможно.

– Нет! Ты ошибаешься! Я не темный и никогда им не буду! Ты лжешь! Ты нарочно пытаешься меня обмануть!

– Ты сам пытаешься себя обмануть. Все вокруг тебя говорит о том, что ты темный. Ты бы пригляделся повнимательнее. Неужели до сих пор не заметил?

– Что? О чем ты? Меня окружают исключительно достойные эльфы!

– Тебе так кажется. Я предоставлю тебе простые и неоспоримые доказательства. Но не сейчас, потому что мое время уходит. Уже рассвело. Увидимся следующей ночью. Ну, да ты знаешь...

Голос смолк, и Эруаль в ужасе проснулся. Его слегка лихорадило, но он быстро успокоился. Этот сон был не первым его кошмаром и далеко не последним. Где-то с месяц назад Эруаль стал слышать во сне этот странный голос. Он всю ночь напролет был вынужден разговаривать с ним. А голос угрожал... Каждую ночь он внушал Эруалю, что тот – темный эльф, что он есть порождение Зла, и что пока темные силы в нем дремлют, но скоро природа возьмет свое, и тогда

он будет причинять лишь боль и страдание тем, кого раньше любил. Голос запугивал его и подталкивал к самоубийству. Эруаль боялся засыпать, ему были невыносимы звуки этого голоса, он хотел бы не слушать его, но не мог: страшные слова назойливо лезли в уши и въедались под корку сознания, лишая покоя. Он ложился в постель глубоко за полночь, лишь бы сократить время для общения со своим мучителем, и все равно каждое утро просыпался в холодном поту. Голос методично сводил его с ума.

Кинув беспокойный взгляд на цветочные часы, на которых каждый распустившийся цветок служил обозначением часа, Эруаль определил, что сейчас шесть утра. И так всегда! Больше четырех часов ему давно уже не удавалось поспать. Да сны и не приносили облегчения. Каждое новое утро он вставал еще более усталым, чем ложился.

Эруаль поднялся с постели. Он принадлежал к династии Алых цветков, не первое столетие правившей Лавандиной, и был младшим сыном короля Элебрута. Их дворец по праву считался самым красивым среди всех резиденций правителей эльфийских стран. Он был построен из волшебного хрустала, что делало его прозрачным и хрупким на вид, но очень крепким внутри. На солнце стены быстро меняли цвета, отчего казалось, что на землю упал кусочек радуги, а в дождливую погоду, когда отражали безрадостную серость свинцового неба, превращали дворец в помутневший осколок стекла.

Комната Эруаля была отделана в серебристо-серых то-

нах. Он любил этот цвет, спокойный, излучающий мягкое сияние, холодный. Стены, пол, потолок – все было серебристо-серым. Кровать под балдахином, шкаф, пара уютных кресел и круглый низкий столик – белыми. Гобелены на стенах и ковер на полу также сочетали в себе все оттенки белого и серого цветов.

Чувствуя, как ноги утопают в ласковом ворсистом ковре, Эруаль подошел к зеркалу и подавил тяжелый вздох. Он выглядел ужасно. Его стройная красивая фигура подверглась за этот месяц безжалостной диете, продиктованной душевными мучениями хозяина. Выпирающие ребра, до костлявости худые руки и ноги, почти прозрачные пальцы – все это можно было спрятать от окружающих под дорогой материей костюмов. Но лицо... Лицо было не спрятать. Скулы слишком резко очертились, под огромными темно-синими глазами пролегли глубокие тени, на лбу появилась упрямая складка, нос заострился, а тонкие губы почти не видны на этой бледной в синеву физиономии.

Эльфы от природы красивы. Эльфы просто не могут быть такими!

Единственное, что осталось от прежнего Эруаля, это его прекрасные волосы. Прямые, длинные, гладкие, с редким пепельно-белым оттенком, они ровными прядями лежали на плечах, в былое время подчеркивая холодную, глянцевую красоту этого эльфа, а сейчас – только усугубляя его изможденный вид.

"Как хорошо, что у моего наставника какие-то очень важные дела, и он совсем не уделяет мне времени! – невольно подумалось Эруалью. – Если бы он только видел, в каком я состоянии! Оправданий было бы не избежать. А я не хочу, чтобы Витек знал о моих снах. Беспокоить его из-за таких пустяков – признак слабости. Я сам справлюсь с Голосом. Я найду силы убить его в себе – и все прекратится".

Эруаль был далеко не так уверен, как казалось, в обещаниях, данных самому себе. Но сегодня он просто должен был что-нибудь сказать зеркалу в оправдание за то, что заставил его отразить. Всегда говорил.

Нехотя принц потянулся за рубашкой и штанами. Сегодня служанка приготовила ему повседневную одежду, значит, никаких торжественных выездов не планируется, и к себе гостей Алые цветки тоже не ждут. Серая рубашка из приятной на ощупь шелковистой ткани с каймой в виде трилистников возле ворота и манжет и такие же штаны раньше очень пошли бы Эруалью. Раньше. Но не теперь. Сейчас они только подчеркивали нездоровый внешний вид принца.

Пока расчесывал волосы и заплетал пару мелких косичек из назойливо свисающих спереди прядей, боролся с искушением кинуть в зеркало что-нибудь тяжелое. Такого с ним раньше не бывало, но Эруаль уже просто не мог видеть свое лицо. Покончив с прической быстрее обычного, принц сдернул с круглого столика расшитую кремовую скатерть и накинул ее на раму зеркала.

В дверь тихонько постучали.

– Входи, Элиза! – крикнул Эруаль, отворачиваясь к окну.

Он знал, что в такую рань к нему приходит только его личная служанка, которая приносит завтрак. Напрасная трата ее драгоценного времени!

В комнату боком протиснулась хорошенькая курносая эльфийка со светлыми пушистыми волосами, забранными в хвост, ясными голубыми глазами и пухлыми детскими губками. Это чудо природы держало в руках поднос со стаканом чистой родниковой воды и куском пышного желтого ноздрястого омлета на тарелке.

– Доброе утро, ваше высочество! – звонким голосом пропела она, поставив поднос на столик. – У вас будут ко мне какие-нибудь распоряжения?

– Ты можешь быть свободна, Элиза, – не оборачиваясь, разрешил Эруаль.

Украдкой полюбовавшись красавцем-принцем со спины, девушка удалилась. Даже не удостоив еду взглядом, молодой эльф через пару минут вышел следом. Тихо ступая, он пошел по коридорам все еще погруженного в утреннюю дремоту дворца, машинально скользя взглядом по знакомым с детства картинам и гобеленам, развешанным на стенах. Он сам не знал, куда направлялся. Просто не хотел больше оставаться в замкнутом пространстве. Побродив по пустым коридорам, Эруаль вышел на парадное крыльцо и по хрустальным, совсем воздушным ступенькам спустился в сад. Давно

уже нежные ароматы и хрупкая красота цветов не трогали души молодого эльфа. Он привык к их разноцветному великолепию и просто не замечал его. Иногда Эруаль ловил себя на этом, и тогда ему становилось грустно и горько. Он помнил, как в далеком детстве любил этот сад и наивно верил в то, что на протяжении всей своей жизни не устанет им восхищаться. И вот, воспоминания о детских мечтах остались, а былые восторги – нет.

Не проявляя никакого интереса к окружающему, Эруаль направлялся в свой любимый уголок сада. Там находились шесть вертикально поставленных больших белых камней, которые образовывали так называемый "круг мага". Над кругом дерева так тесно сплели свои ветви, что шатер из зеленой листвы полностью закрывал собой синее небо. Здесь всегда было прохладно и горько пахло травами, а не сладкими ароматами цветов. Здесь Эруаль впервые встретил Витека. Уже позже он узнал, что новый знакомый будет его воспитателем и наставником.

В тот день Эруаль, бывший еще маленьким мальчиком, до ужаса смешным и ушастым, совершенно случайно забрел сюда. Раньше он никогда не уходил так далеко, предпочитая играть возле дворца. Тень и тишина, царившие в этой части сада, поразили мальчика. Ему показалось, что у этого места обязательно должна быть какая-то загадка, тщательно скрываемая тайна. Сначала мальчик не заметил, чтобы в круге мага кто-то был, поэтому осмелился подойти поближе

и осмотреться. Но едва он шагнул в круг, как сразу же заметил фигуру незнакомца.

Это был эльф. У него были длинные черные волосы, открывающие чистый высокий лоб, и мертвенно-бледная кожа, отдававшая то ли в синеву, то ли в светло-серый цвет. Узкие миндалевидные глаза были закрыты, длинные гуталиново-черные, как будто покрашенные ресницы слегка вздрагивали, словно от напряжения. Нос был прямым и острым, губы бесчувственными и тонкими, еще тоньше, чем у самого Эруаля. Стройная фигура незнакомца была облачена в черную рубаху, подпоясанную белым тонким пояском, и такого же цвета штаны, заправленные за голенища высоких кожаных сапог. Этот странный эльф прижимался спиной к одному из белых камней, его длинные изящные пальцы недвижимо покоились на гладкой поверхности.

Нетипичная для лесных эльфов внешность незнакомца, его пугающая неподвижность и королевская властность строгих черт притягательно некрасивого лица произвели ошеломляющее впечатление на маленького Эруаля. Принц застыл на месте, раскрыв рот и наблюдая за немой неподвижностью черноволосого эльфа.

"Когда-нибудь он должен будет пошевелиться!" – затаив дыхание, думал он.

В тот же миг незнакомец вздрогнул всем телом и открыл глаза. Ах, какие это были глаза! Черные-пречерные, но при этом ясные и чистые. Они светились какой-то внутренней

мистической энергией, в их зрачках, полностью сливавшихся по цвету с радужной оболочкой, отражались блики солнечного света. Даже по эльфийским меркам это были очень красивые глаза.

Незнакомец сразу заметил следившего за ним Эруаля, отстранился от камня и, сделав шаг навстречу мальчику, приветливо ему улыбнулся. И его непроницаемо черные глаза тоже приветливо улыбнулись.

– Здравствуй. А я тебя знаю, – каким-то некрасивым голосом произнес незнакомец. По крайней мере, Эруалю так показалось, потому что он никогда не слышал, чтобы его сородичи, лесные эльфы, говорили таким голосом. – Ты – принц, младший сын Элебрута. Кажется, твое имя Эруаль. Я прав?

– А откуда вы знаете? – заинтересовался удивленный мальчик.

– Я друг твоего отца. Он много рассказывал мне о своих детях. Вас всего трое. Старший – Элспет, первый претендент на престол, средний – Феликс и ты. Я прав?

Да. Вы, наверное, очень умный? – Эруаль смотрел на незнакомца во все глаза. Несмотря на то, что тот открыл ему нехитрую тайну своей осведомленности, слова, слетевшие с его губ, казались маленькому принцу чем-то сверхъестественным и удивительным.

Черноволосый эльф мягко рассмеялся в ответ на вопрос мальчика.

– Ум – понятие относительное. По сравнению с кем-то я

– мудрец, а потом найдется тот, кто назовет меня глупцом, и будет прав.

– Все равно, мне вы кажетесь очень умным. У вас глаза умные, – зачем-то добавил принц. – А как вас зовут?

– Витек.

– А вы будете со мной дружить? Мне бы очень хотелось иметь такого друга.

– Ну, если ты и в самом деле этого хочешь... – Витек снова рассмеялся.

Эруалью не нравился его смех. Он был такой же некрасивый, как и голос. Но его отчего-то тянуло к черноволосому эльфу, и он не мог противиться этому непонятному чувству.

– А почему вы такой... странный? – принц задумался, подбирая подходящее слово. – Вы эльф, но вы отличаетесь от нас. Я ни разу не видел во дворце кого-нибудь, похожего на вас. Такое ощущение, что в вас таится какая-то загадка.

– У нас у всех есть свои загадки, – улыбка не исчезла с лица Витека. – И мы, как правило, не хотим, чтобы о них узнали. Ты ведь тоже не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал о твоих маленьких секретах? Вот и я не хочу, чтобы кто-нибудь знал мои. Но тебе я их открою. Все до единого. Не сейчас, но со временем, когда ты будешь постарше.

– А сейчас? Неужели вы не можете открыть ни одного секрета сейчас? – заинтересовался Эруаль. – Я бы хотел узнать о вас побольше. Например, что вы делали в нашем саду? Я вас раньше здесь не видел.

– Я приехал в гости к твоему отцу. Здесь я медитировал в ожидании аудиенции.

– Ауд... енци... Чего? Какое сложное слово!

– Аудиенция, – снова мягко рассмеялся черноволосый эльф. – Я ждал, пока твой отец соизволит меня принять.

– Значит, вы медитировали... – задумчиво протянул принц. – А как это? Это страшно? – Это больно? А вы меня научите? Или это тоже секрет?

– Нет, это не секрет. И, если хочешь, я могу научить тебя этому. С первого раза у тебя вряд ли получится, но попробовать можно.

Эруаль прислонился спиной к камню и положил на него руки. Поверхность была теплой и гладкой. Мальчик сразу же почувствовал, как его клонит в сон.

– Закрой глаза и постарайся ни о чем не думать, – произнес Витек с теми же доброжелательными интонациями в голосе. – Расслабься и прекрати ожидать чуда. Ты должен быть абсолютно спокоен и умиротворен. Больше ничего делать не надо. Духи камня сами откликнутся на твой призыв.

Голос странного нового знакомого стих. Мальчик некоторое время стоял и честно пытался ни о чем не думать, но какие-то глупые мысли настойчиво лезли в голову. Отгоняя их, Эруаль вслушивался в пение птиц, в шелест листвы над головой и шепот травы под ногами и все пытался понять, кто такие эти духи камня, как они выглядят, что скажут ему, и вообще, зачем с ними нужно общаться. Но время шло, а

Эруаль так ничего и не почувствовал.

– Витек, духи не откликаются! – обиженно проронил принц.

– Ни у кого еще сразу не получалось, – услышал он рядом с собой голос нового знакомого. – Нужно искать в своей душе гармонию с природой. Сейчас ты не поймешь, что я тебе сказал. Но запомни мои слова. Придет время, и они тебе пригодятся...

"Ищи в своей душе гармонию с природой".

Даже сейчас, много лет спустя, Эруаль не забыл первого наставления своего учителя. С тех пор немало воды утекло. Витек оказался отличным наставником, маленький принц – талантливым учеником. Голос учителя уже не казался ему некрасивым, а облик – странным. Наоборот, теперь это серовато-белое лицо и далекие от звонких эльфийских нотки голоса стали ему ближе, чем лица и голоса членов семьи.

"Ищи в своей душе гармонию с природой, – Эруаль шагнул в круг и прислонился к одному из белых камней. – Может, попробовать? Может, это избавит меня от Голоса, мучающего меня по ночам?"

Принц закрыл глаза и отбросил тревожные мысли. Несмотря на то, что в его душе не было умиротворения, – только глухая ноющая боль и на самом дне – страх, – духи камня уже знали его и откликнулись почти сразу. Легкими прикосновениями они вселили в его сердце покой. Эруаль почувствовал, как его истерзанная душа успокаивается,

и мысленно благословил эти мгновения.

"Увы, это все, что мы можем сделать для тебя, – шепнули духи. – Твой таинственный Голос сильнее нас, он глубоко затронул твою душу".

И духи умолкли.

Эруаль открыл глаза и отошел от камня еще более встревоженный, чем был.

"Что же мне делать? Неужели никто не сможет мне помочь?" – молодой эльф лег на землю и, закрыв глаза, предался невеселым размышлениям.

Он не знал, сколько так пролежал. Из состояния оцепенения его вывел прозвучавший откуда-то сверху звонкий веселый голос брата:

– Только утро наступило, а ты опять валяешься, траву мнешь? Как тебе не стыдно, Эруаль!

Молодой эльф сразу же открыл глаза и поднялся.

– Феликс... – растерянно проронил он, не привыкший, чтобы кто-то другой, кроме Витека, беспокоил его здесь.

Несмотря на то, что Эруаль был младше, Феликс на целую голову был ниже его ростом. Он вообще отличался миниатюрностью. У него были хрупкие девичьи плечи, изящные женские руки, красивые стройные ноги. Лицо тоже было таким, что лучше бы подошло женщине, нежели мужчине. Кожа бархатистая, нежная, с россыпью мелких, едва заметных веснушек на носу, глаза большие, янтарно-оранжевые, с чуть приподнятыми вверх уголками, ресницы светлые, пушистые,

загнутые, взгляд с завораживающей поволокой. Длинные волосы густого золотисто-рыжего цвета в беспорядке падали ему на плечи рваными, торчащими во все стороны клочками (сколько себя помнил, Эруаль видел своего брата только с такой странной прической). Феликс был одет в белую шелковую рубашку, светлые штаны и короткие легкие, удобные для пеших прогулок сапоги.

Феликс чем-то напоминал маленькое солнышко, когда неожиданно приходил куда-нибудь: весь в белом и рыжий. И с неизменной чарующей улыбкой на губах. Эта привычка – постоянно улыбаться – очень нравилась Эруалю в его брате. Наверное, потому что этой самой улыбки так часто не хватало на лице самого младшего принца. С каждым годом он становился все молчаливее и печальнее, редко кто мог похвастаться, что видел улыбку этого эльфа.

– Я нужен отцу? – заглянув в самую глубь изумительных янтарных глаз брата, спросил Эруаль.

– Нет. Не застав тебя в комнате, я догадался, что ты здесь, и пришел тебя проведать, – улыбка Феликса стала чуть шире. Он смотрел на Эруалья снизу вверх из-под лохматой, криво подстриженной челки широко открытыми глазами – такими по-детски добрыми и доверчивыми! Войдя в круг мага и усевшись возле одного из камней в позе лотоса, Феликс продолжил свою речь: – Я заметил, ты часто ходишь сюда. Наверное, тебе одиноко и никого не хочется видеть. В последнее время с тобой творится что-то странное. Ты сильно

изменился и внешне, и внутренне. Я имею в виду характер. Такое ощущение, что тебя что-то гнетет. Я, конечно, не хочу лезть не в свое дело, но мне больно смотреть на то, как ты превращаешься в призрак. Если у тебя какие-то трудности, поделись со мной, может быть, я смогу помочь.

Эруаль молча смотрел в честные и добрые глаза брата и думал:

"Рассказать ему? Но Феликс слишком наивно воспринимает действительность. Он не поймет, если я стану говорить, что причина моего беспокойства – бестелесный голос, твердящий каждую ночь какие-то бредни. И стоит ли пугать Феликса таким словом, как "темный"? Его брат – темный эльф. Я не представляю, как это можно сказать ему. Конечно же, я не темный! Но... Одно это слово так легко сеет в душе сомнения и подозрения! Вдруг Феликс тоже станет беспокоиться? Он очень любит и меня, и Элспета. Не приведи боги, он превратится в такую же бледную тень, как и я. Нет, причины моей тревоги не для Феликса. Если кому-то и рассказывать о них, то только Витеку. И, пожалуй, я должен это сделать".

– Эруаль! – чувствуя, что брат колеблется, позвал его Феликс. – Что с тобой?

– Ничего. Все в порядке, – встряхнувшись, проронил младший принц. – Со мной ничего не происходит, тебе показалось. Просто... депрессия. Это пройдет.

– Ты нервничаешь. Ты врешь мне. Зачем? – уголки губ

Феликса досадливо опустили вниз, в доверчивые глаза за-
кралась тяжелая печаль.

– Поверь мне, не без причины, – нехотя выдавил из себя
младший принц. – Скажи, а ты не знаешь, где Витек?

– В тронном зале, с папой. Я не подслушивал, но, по-мо-
ему, они ссорятся. Ты сейчас пойдешь к нему?

– Да.

– Ты бросишь меня здесь одного? Скажи, почему ты так
равнодушен к нам, ко всем, в последнее время? Мы все тебя
любим и очень хотим помочь. Или мы тебя чем-то обидели?

Тяжелый вздох вырвался из груди Эруаля. Он опустился
на колени рядом со своим миниатюрным, совсем "игрушеч-
ным" средним братцем и, обхватив его за худенькие узкие
плечи, заглянул в глаза.

– Я тоже всех вас очень люблю, – сказал он. – Ведь вы моя
семья. Ни ты, ни кто-либо другой меня не обижали. И если я
сам вас чем-то обидел, простите. По-иному я сейчас не могу.

Поднявшись, младший принц вышел из круга мага и на-
правился во дворец.

Глава 2

– Как вы могли заключить такое соглашение за моей спиной?! – в это время бесновался в тронном зале наставник Эруаля достопочтимый Витек. Было немного странно видеть этого мрачного, обычно спокойного эльфа, всегда привыкшего держать себя в руках и не показывать подлинных чувств на людях, в таком гневе. Его черные глаза метали молнии, пальцы судорожно сжимались в кулаки, а с губ то и дело срывались какие-то проклятия на древнеэльфийском.

Королю Лавандины, сидевшему на троне, отлитом из чистого золота и увитом красными розами, с большим трудом удавалось удерживать гордую осанку, непроницаемую маску на лице и величие во взоре. В редкие минуты вспышек ярости Элебрут побаивался Витека, и сейчас ему больше всего хотелось вжать голову в плечи и, как маленькому мальчику, спрятаться за спинку собственного трона. Увы, в его положении это было невозможно, и королю в полной мере пришлось держать ответ за все те действия, которые он совершил без ведома Витека.

А дело было в том, что совсем недавно в руки к королю Элебруту попало по всем правилам оформленное прошение от главы одной из провинций враждебной Кампанелы, в котором говорилось, что эта самая провинция готова перейти на сторону Лавандины и активно поддерживать ее при про-

ведении военных действий. Решение о внезапной смене подданства мотивировалось тем, что правители Кампанелы стали слишком давить на жителей, заставляя их все больше работать на армию и оставляя все меньше времени на ведение сельского хозяйства и отдых. Голод подступал все ближе. И если бы народ Кампанелы не отличался высокой терпимостью, повсеместное восстание давно бы уже развалило страну изнутри, не дожидаясь окончания войны. Тем не менее, одна не обремененная патриотическими чувствами провинция в стане врага все-таки нашлась и со своим прошением стала прямо-таки яблоком раздора между королем и наставником его младшего сына.

Витек, как только узнал о прошении, сразу же высказался против, заподозрив обман, и пообещал раздобыть более подробную информацию о кампанельской провинции. Королю же предложение показалось заманчивым, но он, не желая идти на конфликт со своим единственным советником, согласился повременить. У Витека было много задач, и он долго находился в разъездах. Заманчивое предложение не выходило у Элебрута из головы, ему очень хотелось щелкнуть извечного врага по носу: в разгар войны, не пролив ни одной капли крови, отобрать у него территорию. И он подписал прошение, решив, что даже если что-то пойдет не так, бывшая кампанельская провинция все равно окажется в кольце врагов, и Лавандина ее уничтожит. Витек, до этого дня ни о чем не подозревавший, спокойно занимался своими делами,

а когда узнал, обрушил на голову правящего монарха громы и молнии.

Конечно, нельзя сказать, что Элебрут был ничего не смыслящей марионеткой в руках своего советника и что, по сути, второй управлял страной. Нет, все было не так. Им всегда было интересно оспаривать мнение друг друга по тому или иному вопросу, искать преимущества и недостатки в принимаемых законах, обсуждать плюсы и минусы поступивших предложений. И всегда находилось решение, в равной степени устраивающее обоих.

В этот раз Элебрут просто не захотел ждать. И теперь мучительно расплачивался за это.

– Я же просил вас... Мы договаривались, что вы будете ждать результатов расследования! А вы берете и подписываете прошение! Вот так, даже не разобравшись! – гневный голос Витека отрезвлял не хуже пощечины.

– Я – король! – напомнил Элебрут. – Я имею право самостоятельно принимать решения. Более того, обязан это делать! То, что я вопреки устоявшимся традициям сделал тебя своим советником, не дает тебе права в таком тоне разговаривать со мной!

– Извините, ваше величество! – сквозь зубы процедил Витек. – Осмелюсь возразить. Зачем вам нужен советник, если вы не собираетесь его слушать?

– Прекрати! Я всегда прислушивался к твоему мнению. Это был единственный раз, когда я с тобой не согласился. И

ты сразу же закусил удила!

– Если бы я не был уверен в своих подозрениях, я бы сейчас так не злился!

– Одних подозрений недостаточно. Нужны доказательства.

– А как же мое чутье? Раньше вы доверяли ему, как своему, – черные глаза Витека злобно сверкнули. – Теперь что-то изменилось?

– Все могут ошибаться.

– Смотря что вы считаете ошибкой! Мои предчувствия или подписанное вами прошение.

– А как ты сам думаешь?

– Так вы не раскаиваетесь?

Взгляды правителя и его советника схлестнулись. С минуту они без слов пытались объясниться друг с другом, но их зрительный поединок прервался стуком в дверь.

– Не впускайте никого!

– Войдите!

Они опять друг друга не поняли.

В тронную залу чинно вошел охранник и доложил:

– К вам гонец с докладом. Прикажете впустить?

– Пусть войдет.

Охранник удалился. Витек тоже направился было к выходу, но король остановил его протестующим возгласом.

– Разве информация, которая сейчас здесь прозвучит, предназначена для моих ушей? – резко обернувшись, с раз-

дражением спросил черноволосый эльф.

– Пока да. Но только пока, – король тактично дал понять советнику, что дальше беседа в таком тоне продолжаться не может.

Витек скрипнул зубами от злости, но остался. Вопреки обыкновению, он не приблизился к королевскому трону и не встал за его спинкой. Он остался стоять напротив, ясно давая понять, что сегодня они по разные стороны баррикад. Все то время, пока гонец добирался до тронного зала, Витек не сводил пристального взгляда с лица короля. Он как будто заново изучал давно знакомые черты узкого загорелого лица Элебрута, его продолговатые серо-голубые глаза и золотисто-рыжие волосы, густые и блестящие. Из всех его детей только Феликс был отдаленно похож на отца, остальные пошли даже не в мать – в далеких предков. В свое время Витек слышал, что все представители династии Алого цветка были очень красивыми эльфами, и, если судить по Элебруту и его отпрыскам, – это было действительно так.

Вошедший гонец нарушил гнетущую тишину. Поклонившись своему королю, он с его разрешения приступил к докладу, который ограничил одним предложением:

– Ваш последний приказ успешно выполнен.

И гонец, словно тень, скрылся за дверью. Витек заметил, что короля известие порадовало: у него засияли глаза, а на губах появилась легкая улыбка. Стараясь, чтобы в его голосе звучало как можно меньше недовольства и раздражения,

Витек обратился к Элебруту:

– Вы не желаете рассказать мне о последнем приказе? Как я догадываюсь, он также был отдан за моей спиной.

Король как-то сразу напрягся, видимо, уже успев пожалеть о том, что попросил советника остаться. Но отступить было поздно.

– Ты тогда был в отъезде, заключал новые торговые договора с Перцеей, а действовать нужно было немедленно. Я подумал, что ты не будешь против моего решения. Риск был минимален, а выгода – огромна...

– Поближе к делу, пожалуйста, – попросил Витек, чувствуя, как напряжение невольно сводит мускулы, а в сердце закрадывается нехорошее предчувствие.

– Нам представилась прекрасная возможность избавиться от обоих правителей Кампанелы сразу, – скороговоркой произнес Элебрут.

– Король Мацел и королева Лидия? – немеющими губами почти прошептал черноволосый эльф.

– Да. Они имели неосторожность отправиться в свою загородную резиденцию совсем одни, без охраны. Это было вчера ночью. Наши стрелки сделали все быстро и бесшумно.

– Это было так легко? Вы уверены, что король и королева были настоящими?

Абсолютно. Мертвые тела тщательно изучили знающие этих правителей эльфы, а сегодня над столицей Кампанелы висят траурные флаги.

– И чего вы этим добились?! – гневный голос Витека прозвучал неожиданно громко, ударился о сводчатые потолки и гулким эхом разлетелся по огромному тронному залу. Его брови сошлись на переносице, губы сжались в тонкую нитку, взгляд стал просто убийственным. В таком бешенстве наставника младшего сына короля еще никто не видел. – Стратегические цели, политические выгоды... Я все это понимаю. Но разве это стоит того, чтобы лишать родителей тринадцатилетнего ребенка? Или вы забыли, что у Мацела и Лидии есть сын, на плечи которого теперь ляжет бремя власти?! Вам плевать на то, как на нем скажется смерть родителей? Вам плевать на то, что уже в столь юном возрасте в его душе останется тяжелый осадок? Вам плевать на то, что потом всю оставшуюся жизнь этот человек будет считать всех эльфов жестокими убийцами, бездушными существами?! Вам плевать на то, что это может развязать еще более страшную и долгую войну, подпитываемую жаждой мести?! Вам плевать...

– Витек, мне действительно плевать! – резко прервал его страстный монолог король Лавандины. – Все те аргументы, которые ты сейчас приводишь, с политической точки зрения некорректны. О человеческих чувствах и гуманности на войне речи быть не может...

– Это вы так думаете!

– Сделай одолжение, не перебивай меня. Витек, ты стар и мудр, и ты многое понимаешь в жизни. Но сейчас ты ве-

дешь себя, как зарвавшийся мальчишка. Все эти патетические речи о чувствах ребенка, оставшегося без родителей, были здесь неуместны. Пожертвовать счастьем одного ради счастья многих – разве не так бы ты поступил на моем месте?

– Не так! – с болью в голосе выдохнул черноволосый эльф. – Война есть война, но мы не должны забывать понятия морали и нравственности. Если мы так безжалостно относимся к врагу, разве это не дает ему права точно так же поступить с нами?

– По-твоему, мы должны врагов жалеть? – неприкрытый цинизм прозвучал в словах короля.

– Война, основанная ни на чем, не требует таких жертв...

– Любая война требует жертв!

– Жили мы все это время без Истерского леса, – словно не слыша слов правителя, продолжал Витек, – и еще столько бы прожили. А теперь эта проклятая война достанется еще и потомкам потомков твоего младшего сына.

– Смерти Мацела и Лидии были нам выгодны, – дождавшись, пока советник закончит, произнес Элебрут.

– Вы думаете, это честно, воевать против неразумного подростка?! – снова завелся черноволосый эльф.

– Послушай меня, – мягко попросил король, но в голосе его против воли проскользнули угрожающие нотки. – Если бы все было так банально просто, мы бы сейчас не ссорились. После смерти официальных правителей Кампанела фактически остается ничьей. Принцу не так-то легко будет

занять свое законное место на троне. Насколько мне известно, ныне покойная чета де' Мортеро хотела переписать свое завещание. Старое они аннулировали, а новое составить не успели. Так как их сын несовершеннолетний, он не может управлять страной, следовательно, власть должна перейти в руки наместника, некого Варлама д' Аруэ (если верить донесениям моих шпионов – прескверная личность). Но д' Аруэ с маленьким принцем ненавидят друг друга, и не допустить противника к власти – дело чести для каждого из них. Нашими стараниями их интересы в этом вопросе очень скоро столкнутся. А значит, Кампанела на какое-то время остается без правителя и без единства. А значит, она становится намного уязвимее. Ну, Витек, как тебе мой план? Согласись, звучит поубедительнее твоих речей о гуманности и сострадания к врагу.

Советник некоторое время молчал, внимательно изучая взглядом плиты пола, а затем каким-то глухим голосом проронил:

– Я вижу, вы прекрасно обходитесь без меня, раз рискуете без моего ведома проводить такие серьезные операции. Что же, как вам будет угодно. Вы сделали свой выбор. Вы дали мне почувствовать себя ненужным. Если вам больше нет во мне необходимости, разрешите мне удалиться от двора.

– Ты волен идти, куда захочешь. Я тебя не держу, – уязвленный его словами, сказал Элебрут.

– С вашего позволения я отправлюсь в Истерский лес. Это

нейтральная территория, и там должно быть спокойно.

Поклонившись, Витек покинул тронный зал. Даже не взглянув в свою комнату, чтобы собрать вещи, он сразу направился к выходу и на крыльце столкнулся с Эруалем.

– Учитель! – был вынужден окликнуть его младший принц, потому что Витек прошел мимо, не заметив его.

Черноволоксий эльф замер на полушаге и нехотя обернулся. Его злые черные глаза встретились с полными участия глазами Эруаля, и он почувствовал, как ненависть исчезает из его души, сменяясь теплотой и мягкостью. Преданность во взгляде любимого ученика всегда оказывала благотворное влияние на Витека. За долгие годы обучения глаза Эруаля очень полюбили его наставнику. Видеть в них свет, ум и жажду знаний, а также безграничное доверие к тому, кто ему эти знания дает, стало для Витека смыслом жизни. Но сейчас он не хотел видеть эти глаза. Он не знал, как сможет сказать им, что они больше никогда не увидятся.

– Учитель, я искал вас, – проронил Эруаль.

Витек дернулся от его слов, как от удара.

– Послушай, мой мальчик, – черноволоксий эльф почти вплотную подошел к младшему принцу, – я должен тебе кое-что сказать. Я больше не смогу быть твоим учителем. Я навсегда покидаю двор Элебрута. Сюда я уже не вернусь.

– Но почему?! Вы поссорились? – страх мелькнул в расширившихся зрачках Эруаля.

– Да. Поссорились. Из-за чего – пусть отец сам тебе объ-

яснит. Я же больше ни минуты не желаю оставаться здесь.

Развернувшись, Витек зашагал прочь. На конюшне он оседлал своего любимого скакуна, черного, как ночь, и быстрого, как вспышка молнии, и, вскочив ему на спину, пустил легкой рысью. Конь мягко бежал по знакомым дорожкам сада, не подозревая о том, что, возможно, никогда не вернется сюда. Витек ласково гладил его гриву, что не мешало ему управлять конем, и предавался грустным размышлениям.

"Правильно ли я поступаю, уезжая? Уязвленная гордость помешала мне верно оценить ситуацию. Получается, что я бросаю Лавандину на произвол судьбы. Еще пара ошибок со стороны Элебрута, и эльфы запросто могут проиграть войну людям и целиком оказаться во власти врага. И вряд ли я спокойно смогу жить в Истерском лесу, осознавая, что большая часть вины за это ложится на меня. Однако, сказанного не воротишь. Правда... я еще могу попытаться помочь Лавандине. Способ, мягко сказать, странный, страшный и не совсем надежный. Но при определенном стечении обстоятельств у меня есть шансы на успех. По прибытии в Истерский лес нужно будет тщательно взвесить все "за" и "против". Кажется, Элебрут говорил что-то насчет принесения в жертву счастья кого-то одного ради счастья многих? Интересно, как бы он отнесся к тому, если бы жертва была взята с него?"

Витек уже выезжал за ворота сада, когда сзади его окликнули.

– Учитель, подождите!

– Эруаль? – черноволосый эльф обернулся и увидел, что к нему верхом на белоснежной лошади приближается его ученик.

– Учитель, отец разрешил мне отправиться вместе с вами в Истерский лес, – радостно выдохнул молодой эльф, осадив свою лошадь рядом с черным конем наставника, – чтобы я мог продолжить свое обучение у вас.

– И долго ты его упрашивал? – нарочито сухо спросил Витек, чтобы скрыть то, как он был счастлив услышать эту весть.

– Позвольте мне оставить эту информацию при себе, – улыбнулся принц.

Итак, учитель и ученик вдвоем покинули территорию дворца Алых цветков, а затем и самой Лавандины.

Глава 3

В королевском дворце Кампанелы – страны людей – это ясное солнечное утро тоже не обошлось без скандала.

Варлам д' Аруэ, первый заместитель правителей на троне, только что вернулся во дворец с церемонии похорон этих самых правителей. Мацел и Лидия де' Мортеро вчера ночью были убиты лавандинскими лучниками, но наместнику было ничуть не жалко своих покойных господ. На этот счет он думал примерно следующее:

"Сами виноваты! Понесло обоих куда-то на ночь глядя без охраны! Вот и результат. Как будто не знали, что идет война, обстановка везде беспокойная... Тут обычных людей убивают ни за что, что уж говорить о коронованных особах! Романтики им, что ли, захотелось? Впрочем, какая теперь разница... Что мне до них? Пора подумать о себе. Мне нужен трон. Для того, чтобы беспроблемно занять его, мне надо склонить на свою сторону этого убудка, сыночка моих покойных господ, который даже на траурную церемонию не соблаговолил явиться. Либо у него просто обострение паранойи, либо он хотел этим что-то сказать. Видимо, что-то нелицеприятное. Всем, конечно, давно известно, что у него не все дома, но не до такой же степени! С чем-то я сейчас столкнусь? Ох, вот уж не было печали..."

Примерно такие размышления терзали наместника Кам-

панелы, пока он шел по дворцовым коридорам, направляясь к комнате принца.

Наверное, помимо размышлений нужно сказать несколько слов и о его внешности. Это был крепкий высокий темноволосяй мужчина в промежутке лет от сорока до сорока пяти с волевыми суровыми чертами лица – идеальными для правителя, если рисовать с него портрет. При разговоре с собеседником он имел обыкновение недобро щурить свои темно-серые глаза. Варлам д' Аруэ не слишком жаловал черный цвет, но сегодня положение обязало его облачиться в траур. Камзол с высоким воротом, брюки, сапоги и даже плащ – все было черного цвета. Варлам чувствовал себя неуютно в этом костюме, и это добавляло жирный плюс к его отвратительному настроению.

"Как будто вся душа наружу!" – шутя, любил он называть наряды черного цвета.

Но сегодня наместнику было не до шуток. Он словно предчувствовал, что добром договориться с принцем не удастся. Понимая всю абсурдность и напрасность своего визита, Варлам все же остановился перед нужной ему дверью и постучал. Но разрешения войти не последовало. Чертыхнувшись про себя, наместник постучал еще раз. И снова с тем же результатом.

"Вот мелкий пакостник, он наверняка там! – раздраженно подумал Варлам д' Аруэ. – Он же целыми днями не вылезает из своей комнаты! Нарочно издевается! Ничего, недолго это-

му школяру проявлять самодурство. Мне бы только утвердить свои права на власть, и он у меня быстро научится хорошим манерам. Его показное сумасшествие ему не поможет".

Варлам решительно толкнул дверь.

Комната, в которую он вошел, была не большой, но и не маленькой, не очень светлой, но и не темной, обставленной с претензией на уют, но, в то же время, как-то безвкусно, бестолково. Все здесь было такое безликое, средненькое. Стены и пол – абсолютно голые, ни картин, ни гобеленов, из мебели только громоздкая кровать, шкаф и стол с тремя стульями. Окна узкие и зарешеченные, без занавесок. И никаких предметов роскоши. Больше всего комната принца походила на камеру в элитной тюрьме, и это ощущение всегда появлялось у Варлама д' Аруэ, когда он переступал порог.

– Ваше высочество? – позвал наместник, чтобы привлечь к себе внимание.

Высочество выползло откуда-то из-под кровати. Стоя на четвереньках и глядя на посетителя снизу вверх, оно заметило недовольным тоном:

– Ты вошел без разрешения!

Хевингем де' Мортеро, единственный отпрыск Мацела и Лидии, никогда и ни с кем не церемонился. Он наивно и свято полагал, что этот мир создан только для него и что все люди – его рабы. Он не знал обращения на "вы" и почтительно-го отношения к старшим, он думал только о себе и жил только для себя. К людям он относился, как к вещам. Его счи-

тали сумасшедшим, потому что зачастую он вел себя очень странно, пугая своим поведением слуг.

Красивой внешностью Хевингем тоже не отличался. Он был маленького роста с узким, серым, каким-то мышинным личиком, на котором выделялись вечно печальные мутно-зеленые глаза, вздернутый нос и капризные губы. Зато у него были прекрасные волосы – густые, шелковистые, темного каштаново-рыжего цвета. И те он запустил. Вместо того, чтобы сделать себе красивую прическу, которая бы скрыла недостатки лица, Хевингем позволял им торчать в разные стороны, смешно топорщась под разными углами. Когда Варлам смотрел на принца, ему невольно думалось о том, вспоминает ли тот когда-нибудь, что такое расческа. Так как Хевингема одевали слуги, то хотя бы одежда у него была в порядке. Нежного цвета голубая рубашка из дорогого шелка и светлые штаны несколько оживляли его невзрачный облик.

Еще у принца была дурацкая привычка никогда не смотреть людям прямо в глаза. Если он оставался с кем-нибудь наедине, то его взгляд сразу же начинал бегать по сторонам. И только на точках и знаках вопроса, символизирующих конец произнесенных им фраз, он на один короткий миг заглядывал в самую глубь зрачков собеседника, и снова принимался бегать взглядом по сторонам.

Варлама очень бесила постоянная отвлеченность принца от персоны того, кто с ним разговаривает, потому что он как раз привык во время беседы следить за глазами говоривше-

го. Ему приходилось постоянно ловить взгляд Хевингема, но он не успевал. Из-за чего наместника не покидало ощущение, что мальчишка его обманывает. Варлам начинал нервничать, раздражаться и, в конце концов, срывался. Таким образом, все попытки разговора между ними неминуемо перерастали в конфликт.

Итак, тайну личностей Варлама д' Аруэ и Хевингема де' Мортеро я вам немножко приоткрыла. Несмотря на разницу в возрасте, оба были алчными, эгоистичными, хитрыми и жестокими людьми. Король Элебрут был не так уж и не прав, отдавая приказ об убийстве официальных правителей Кампанелы, потому что с их смертью нахождения справедливых и честных людей у власти не предвиделось.

Ваше высочество, я вошел, потому что вы не откликнулись, – после секундного замешательства произнес Варлам д' Аруэ. Удивление от вида принца, выползающего из-под кровати, было настолько сильным, что наместник неожиданно для самого себя стал оправдываться.

– Я, может быть, потому и не откликнулся, что не захотел тебя видеть, – неприветливо буркнул Хевингем, поднимаясь на ноги.

Привычным грубым ответом принц вывел Варлама из состояния растерянности. Прикрыв за собой дверь и пройдя в глубь комнаты, наместник вперил изучающий взор в лицо мальчика и строгим голосом спросил:

– Почему вы не присутствовали на похоронах? Это про-

явление неуважения с вашей стороны по отношению к праху ваших благородных родителей!

– Ха! Да неужели ты заговорил об уважении и благородстве? Я думал, ты давно забыл эти слова! – принц откровенно посмеялся над своим оппонентом.

Варлам скрипнул зубами от злости, но стерпеть не смог:

– Я бы еще понял причину твоего хамства, если бы ты сам помнил, что такое благородство и уважение! А так... твои нападки целиком и полностью необоснованны!

Вот так легко взвинченный наместник сменил "вы" на "ты". Ему и раньше претило "выкать" этому несносному подростку, что уж говорить о теперешнем положении вещей, когда д' Аруэ получил немного больше свободы.

Вот, значит, как ты стал себя вести! – заметил перемену тона Варлама Хевингем. – – – Ты что же, уже возомнил себя королем Кампанелы?

– А что, на пути к этому есть какие-то препятствия? – брови наместника в притворном изумлении взлетели вверх. Казалось, он совсем забыл, что пришел сюда просить поддержки принца, то есть позволения для себя его одурачить.

– А ты считаешь, что все они позади? – вопросом на вопрос ответил принц.

Да, своим норовом эти двое не уступали друг другу. Они были достойными соперниками: оба наглые, уверенные в себе, хитрые, алчные, завистливые и упрямые... Они могли дать друг другу достойный отпор, и в своем стремлении к

власти были равны. В такие моменты даже их разница в возрасте не так бросалась в глаза.

– Неужели ты, мальчишка, всерьез полагаешь, что сможешь составить мне должную конкуренцию? – насмешка прозвучала в словах Варлама.

– Я уверен в этом, – спокойно откликнулся Хевингем. Сейчас он меньше всего походил на сумасшедшего. Его блуждающий от стенки к стенке взор был как никогда осмысленным, в глазах появился опасный блеск, как у хищника, выбравшегося на охоту. В осанке даже появилось подобие королевской стати. Но все это не произвело особого впечатления на наместника.

«Слишком мелковат хищничек, чтобы съесть меня, великого Варлама д' Аруэ!» – подумал он и расхохотался в лицо принцу.

– Ты уверен? Ты – уверен?! – громко смеялся наместник. – Ты добился своего: развеселил меня! Да что ты можешь мне противопоставить? Я – официальный заместитель Мацела и Лидии на троне, их правая рука, по сути занимавшая всеми проблемами в стране...

– Был, – улучил момент и тихонько вставил Хевингем.

Варлам сбился, обдумывая сказанное принцем слово, а затем продолжил:

– Ну да, был. А теперь ничто не помешает мне занять трон, чтобы продолжить заниматься делами, уже имея новый, более высокий статус!

– А как насчет того, чтобы взять в расчет прямого наследника Мацела и Лидии? Или для тебя это недостаточно весомый аргумент?

– Для меня это был бы весомый аргумент, если бы прямой наследник был совершеннолетним и не проявлял периодических неконтролируемых вспышек сумасшествия. В данном случае этого не наблюдается.

– Поэтому ты позволил себе успокоиться? Рановато. Потому что мне тоже нужен трон Кампанелы, и когда встанет вопрос о престолонаследии, я заявлю на него свои права.

– Это будет очень глупо с твоей стороны. Ты ничего не понимаешь в политике. Что ты будешь делать, когда в твоих руках окажется судьба целой страны?

– Можно подумать, что ты, заняв трон, будешь делать что-то другое, кроме как грабить население и транжирить деньги из казны!

– Можно подумать, что ты этого делать не будешь!

– Конечно, буду, – не отрицал Хевингем. – Но, согласишься, одно дело, когда казну разворовываю я, а другое дело – когда ты.

– Кто бы из нас первым ни добрался до власти, делиться все равно придется, – заметил Варлам. – Потому что второй ни за что просто так не сдастся.

– Я поделюсь с кем угодно, хоть с самим Сатаной, но только не с тобой, – с милой улыбкой, так не вяжущейся с характером беседы, сказал принц.

– Я рад, что наши чувства взаимны.

– А я, признаться, немного этим раздосадован.

– О! Так ты хочешь, чтобы я питал к тебе добрые чувства после всего того, что ты мне тут наговорил?!

– Я просто хочу, чтобы ты не мешался у меня под ногами, – сквозь зубы процедил Хевингем.

– Этого я тебе не обещаю. Как я уже говорил, после сегодняшней встречи это оказалось невозможным, – Варлам невозмутимо повел плечами. Пробив маску равнодушного превосходства, натянутую оппонентом, он почувствовал себя крайне довольным, и сам примерил такую же. – Раз мы друг друга так и не поняли и вряд ли уже когда-нибудь поймем, я думаю, наш спор бессмыслен. Разрешите откланяться, ваше высочество.

Наместник вложил в свою последнюю фразу как можно больше сарказма и яда и, отвесив пренебрежительный поклон принцу, направился к выходу.

– Не споткнись на пороге, – тихо обронил ему вслед Хевингем.

– Твоими молитвами, – Варлам услышал.

Он вышел из комнаты, хлопнув на прощание дверью. Возвращался теми же коридорами, и мысли его были еще более мрачными.

"Плохо дело. Вместо мирного договора получилась ссора. Теперь принц ни за что не отступится от своего права на престол. Придется бороться, и борьба будет нелегкой. Что

же, трон Кампанелы дорогого стоит. Конечно, если рассуждать с точки зрения не заинтересованного в этом деле лица, у Хевингема больше шансов получить власть. Он все-таки наследник, и наследник мужского пола. Тут не придется решаться. Но его детский возраст и несистематические сдвиги сильно ухудшают его положение. Я же за столько лет зарекомендовал себя как человек, нужный короне, который в курсе всех дел Кампанелы, и без моего участия давно уже не обходилось ни одно совещание короля и королевы. К моему мнению больше, чем прислушивались. В спорных вопросах оно всегда было решающим. Тогда как Хевингем совсем еще неопытен, и в его голове надолго не задерживается такое понятие, как "политика". Он думает, что воровать – это просто. Нет, воровать нужно с умом. Иначе Кампанела очень легко окажется на грани уничтожения, а мне это невыгодно. Рано или поздно один из нас все равно утопит ее, но вовсе не за чем идти к этому семимильными шагами. Нет, это нужно делать медленно и со вкусом. А главное, потом успеть вовремя скрыться. Вместе с украденным, разумеется.

Это несмышленное дитя не понимает, что в его руки нельзя отдавать такое сокровище, как Кампанела. Я вытяну из нее намного больше. Однако, я заметил, что мальчишка тоже нервничает. Ведет себя нарочито невежливо, опускается до простых грубостей. Значит, не так уж он уверен в своих силах. А значит, можно посеять в его душе зерна сомнения, заботливо взрастить их и со временем манипулировать

им. Главное, не допустить, чтобы Хевингему назначили опекуна. Тогда Кампанела, по сути, достанется этому незапланированному третьему лицу, которое и будет принимать решения от имени своего подопечного. Тогда пиши пропало, потому что, зная принца, тот быстро затрет своего опекуна, сделав из него марионетку. Боже, сколько всего нужно предусмотреть! Подкупить, что ли, представителей знатных родов Королевского Совета, чтобы не выносили этот вопрос на обсуждение?.. Конечно, есть еще один способ решения всех моих проблем. Он самый простой и самый надежный. Убить Хевингема. Сейчас полно профессионалов, которые делают все быстро и без лишнего шума. Только плати. Плати, плати... Всем нужны деньги! Так и разориться недолго! И отчего люди стали такие меркантильные?.. Но я, кажется, отвлекся от темы. Итак, убить или не убить? Подкупить или не подкупить? Это слишком сложные задачи, чтобы решать их в одиночку. Но к кому я могу обратиться за советом? Не к своим же союзникам при дворе! Они пьяницы и трепло! К тому же, среди них нет никого, кто бы мог дать толковый совет. Все они недалёковидны. Пойду-ка я, пожалуй, к Виолетте. На нее всегда можно положиться в трудную минуту".

Уже в гораздо более приподнятом настроении Варлам д'Аруэ покинул дворец.

Глава 4

В Кампанеле был известный на всю близлежащую округу бандитский квартал. Здесь постоянно ошивались воры, убийцы, мошенники, попрошайки и продажные девицы, – все те, кого считали низами общества, и кто подчас имел больше денег, чем знатные господа, представленные при дворе. Этот квартал охватывал несколько не самых коротких улиц в столице Кампанелы, а по сравнению с некоторыми считался просто огромным. Сюда часто отправлялись специальные отряды королевской стражи, но даже они ничего не могли сделать. Укоренившееся здесь беззаконие не то что прекратить – присмиреть на время было не заставить. Активное движение жизни здесь не прекращалось ни днем, ни ночью.

В самом центре квартала, в котором тесно лепились друг к другу маленькие одно- и двухэтажные домики, старые, разваливающиеся, но все еще пригодные для жилья, стояла башня. Низкая, широкая, с прочными толстыми стенами, выложенными тройной кладкой серого камня, и редкими узкими зарешеченными окнами, она напоминала укрепленный бастион, в любое время готовый отразить натиск вражеской армии. Плоскую крышу огораживала высокая зубчатая стена. Внутри было прохладно даже летом, а зимой, чтобы протопить все помещения, нужно было затратить немало труда.

Башня стояла на базарной площади. Место было шумное и людное, но толстые стены не пропускали ни звука, храня покой своей хозяйки.

Здесь и жила (относительно спокойно) Виолетта Старшайн – советчица, подруга и любовница Варлама д' Аруэ. Она была колдуньей и просто красивой женщиной. Ее бархатистая кожа имела теплый нежно-персиковый оттенок, на овальном личике выделялись полные бледно-розовые губы и большие выразительные орехово-карие глаза в обрамлении длинных черных ресниц. Крупные черные локоны волной падали на ее плечи, кокетливая челка прикрывала высокий лоб и левую бровь. В дополнение к этому Виолетте досталась прекрасная фигура: высокая грудь, широкие бедра и тонкая-претонкая талия. Одевалась она всегда просто: в длинные светлые платья без всяких украшений, дорогая тонкая ткань которых не стесняла движений и выгодно подчеркивала красоту ее тела.

Небрежно подобрав длинный подол, Виолетта целенаправленно шла по коридору к последней двери. Все коридоры в башне были похожи один на другой, как близнецы. Разве что их отличало количество факелов на стенах: где-то было потемнее, где-то посветлее. Этот коридор относился к числу самых темных. Сама Виолетта ходила здесь очень осторожно, периодически спотыкаясь, если забывала о неровностях пола. Но добавить сюда еще несколько факелов напрочь отказывалась.

Наконец, колдунья дошла до конца коридора. Она сняла с пояса связку ключей, и одним из них открыла дверь. Толкнув створку, вошла внутрь. Она очутилась в маленьком помещении с высоким потолком. Здесь не было ни мебели, ни ковров; голые стены выглядели неуютно и мрачно. В комнате царил арктический холод.

Выглянув в коридор, Виолетта взяла один из факелов и прикрепил его на стене в комнате. В широкий круг света, образовавшийся здесь с появлением огня, попала нарисованная на полу пентаграмма – странный чертеж из ломаных линий и наслаивающихся одна на другую геометрических фигур. В целом пентаграмма выглядела красиво и походила на чей-то герб. Посмотрев на пол и оценив дело рук своих, Виолетта почувствовала гордость. Когда-то давно она сильно намучалась, пока вычерчивала на гладком камне все эти линии, то и дело ошибаясь в их хитросплетениях и начиная по новой. Теперь же этот знак намертво въелся в плиты пола, и колдунья могла не беспокоиться, что он когда-нибудь сотрется.

Виолетта использовала эту пентаграмму для того, чтобы общаться с мужем.

На этом месте я позволю себе сделать отступление, так как личная жизнь Виолетты представляет собой нескучную историю.

С рождения она жила вместе с родителями в графском поместье на юге Кампанелы. За год до ее совершеннолетия

родители умерли. Одиночество Виолетту не напугало и не обескуражило. Уже тогда она меньше всего напоминала избалованное дитя богатых титулованных родителей и обладала такой смекалкой и жизненной хваткой, которым мог позавидовать теперешний Варлам. Когда девушке исполнилось восемнадцать, она, невзирая на войну, отправилась в Лавандину, чтобы поближе познакомиться с жизнью эльфов и лучше узнать, что это за народ. Так как въезд во вражескую страну был возможен только по пропуску, который Виолетте, узнав о цели ее визита, конечно же, никто бы не дал, то хитрой женщине пришлось ехать в Лавандину тайком, и поездка эта закончилась для нее весьма странно. В стране эльфов она познакомилась с одним всеми уважаемым стариком. Ему было около семидесяти лет, и он тоже был человеком. Его звали Клавелий Мудрейший, а за глаза называли Старым Сказочником. Он был очень сильным и умным колдуном, и это вызвало у Виолетты закономерный корыстный интерес. Пользуясь непосредственностью молодости и красотой дарованной ей внешности, она легко познакомилась с ним, и через полгода уже стала его женой, невзирая на разницу в возрасте более чем в полвека. Клавелий оказался очень удобным мужем. Он ничем не докучал Виолетте, выполнял все ее желания, не устраивал сцен, когда она без предупреждения пропадала на неделю-другую, не ревновал к ее любовникам, которых знал всех наперечет. Он же обучил Виолетту колдовству, даже не подозревая о том, что людское благо – по-

следняя вещь на земле, для которой его жена будет использовать полученные знания.

Так они прожили четыре года. Потом произошло восстание темных эльфов, и Виолетта оказалась одной из ключевых фигур, замешанных в нем, потому что одним их предводителей был ее очередной любовник – темный эльф Лэмар. Произошел переворот, и Лэмар оказался на троне Лавандины. Клавелий Мудрейший попал в тюрьму вместе со многими пытавшимися защитить законных правителей колдунами, а его шустрая жена стала женой нового короля. Но царствование темных эльфов не продлилось и пары лет. Оставшийся в живых потомок династии Алых цветков, принц Элебрут, который на момент захвата власти вместе с семьей находился в другой стране, сформировал вокруг себя общество единомышленников, с помощью которого тайком вернулся в Лавандину и покончил с диктатурой Лэмара. Все темные эльфы вместе с их подлым королем были заключены в пещеры, находящиеся глубоко под землей, а вход в них запечатали сильнейшим охранным заклинанием. Всех, кого Лэмар держал в тюрьме, выпустили на свободу. Среди них был и Клавелий Мудрейший, след которого сразу затерялся. Власть над Лавандиной досталась Элебруту и его трем сыновьям (его жена погибла в ходе восстания).

А что же Виолетта? Она выпуталась и из этой истории. Успела сбежать, пока все были заняты фигурой ее второго мужа. Прятаться ей пришлось в Кампанеле. Остаться в

стране эльфов после смены власти было чистым самоубийством. Кипучей Виолеттиной натуре пришлось залечь на дно в родовом поместье. Там, у всех на виду, оказалось очень неудобно практиковаться в магическом искусстве, и неудавшаяся королева купила для себя башню в бандитском квартале. Сначала она наведывалась туда тайком ото всех и только по вечерам, а потом, наплевав на приличия, поселилась совсем. Вскоре после этого свела знакомство с Варламом: он часто что-то покупал на базарной площади, там они впервые и увиделись. Ей очень хотелось добраться до королевской библиотеки, и д' Аруэ, как и многие до него очарованный красотой этой необыкновенной женщины, предоставил ей свободный доступ. Причина этой внезапной страсти к книгам объяснялась легко. Виолетта знала, что два колдуна могут общаться друг с другом на расстоянии, независимо от того, где каждый из них находится. Она очень хотела еще хоть раз услышать голос своего второго мужа. Ей повезло, и в одной из книг она нашла заклинание и эту пентаграмму.

Теперь, когда колдунья начинала скучать, она призывала в этой комнатке своего мужа, вытаскивая его из подземелья, в котором он до сих пор пребывал в заключении. Лэмар всегда появлялся целиком, не призраком, не духом, а живым эльфом из плоти и крови. Своим заклинанием она просто перемещала его из пещеры в центр пентаграммы, невзирая ни на какие защитные заклинания. Но сбежать из своей темницы навсегда Лэмар таким способом не мог. Свобода его

движений была ограничена краями пентаграммы. Любая попытка перешагнуть магическую черту возвращала его обратно, в пещеру.

Итак, Виолетта остановилась возле начерченного ею символа. Это был герб темных эльфов, знак власти Лэмара. Женщина тихонько стала читать напевное заклинание, и засиявшие алым светом ломаные линии пентаграммы отразились в ее расширившихся зрачках. В центр ударил красно-белый столб света и, постепенно расползаясь по краям клубящимся туманом, явил взору колдуньи ее второго мужа.

Только Виолетта с ее специфическими вкусами могла все еще любить этого эльфа. Наверное, если бы ему довелось родиться лесным эльфом, он был бы настоящим красавцем. Но Тьма сильно исказила его облик.

Лэмар постоянно кутался в черный плащ, но даже под ним было заметно, насколько худа и иссушена злым временем его фигура. При взгляде на него создавалось впечатление, что его кожа сразу натянута на кости. Тонкие жилистые руки Лэмара прятал в перчатках, потому что его узкие хрупкие кисти и непропорционально длинные, дистрофически худые пальцы повергали в ужас даже его сородичей, темных. Лицо его было треугольным и очень узким, с высоким лбом и острым подбородком, заострившимся носом и тонкими длинными губами. Глаза – две опасно поблескивающие щели – имели непроницаемо черный цвет. Лицо Лэмара обладало пепельно-серым цветом, даже не как у покойника – хуже. Какие-ли-

бо краски жизни на нем отсутствовали полностью. Настолько прогнившей, продавшейся злобе и ненависти была его душа – вместилище всех, без исключения, пороков, – что потихоньку разрушала тело хозяина. "Приятный" цвет лица Лэмар, как и руки, привык скрывать. Правда, не под капюшоном, а за водопадом густых черных блестящих волос, перехваченных тонким золотым обручем. Неровная челка падала на лицо, оставляя щели для глаз, и окружающим были видны только небольшие участки серой кожи да нижняя половина лица – и то, только когда Лэмар поднимал голову. Обычно он держал ее опущенной, пряча подбородок в высоком вороте плаща.

Увидев знакомую черную фигуру, Виолетта с трудом удержалась от позыва броситься в объятия мужа. Все-таки, несмотря ни на что, она его очень любила. Но в пентаграмму колдунье входить было нельзя, поэтому она ограничилась приветственным взмахом руки и воздушным поцелуем.

– Вио? – плащ в центре пентаграммы шевельнулся. Лэмар поднял голову, убирая с лица волосы, и взглянул своими страшными мертвыми глазами на колдунью. Она никогда не боялась его, поэтому он не считал нужным прятать от нее все недостатки, составлявшие его внешность.

Виолетта же с замиранием сердца смотрела на своего любимого мужчину, не сумев совладать со счастливой улыбкой, расцветшей на ее лице. Сейчас никто и предположить бы не смог, что эта обрадованная дурочка и есть хитрая бестия со

смекалкой и жизненной хваткой, в помощи которой так нуждался наместник Кампанелы.

– Вио, – еще раз повторил Лэмар, делая шаг ей навстречу. – Я так рад тебя видеть!

Голос... Еще одной отталкивающей особенностью темного эльфа был голос. Неприятный, хриплый, с каркающими нотками. Младший принц Лавандины из сотни других узнал бы этот голос, мучающий его по ночам. Но Эруаля здесь не было, и увидеть эту встречу ему было не суждено.

– Лэмар, как ты там, в своей пещере? Держишься? – взволнованно спросила Виолетта, и теплые искорки засветились в ее глазах.

– Приходится, – черты лица темного мгновенно посуровели. – Вокруг меня одни свои, им со мной не справиться, даже если вздумают. А ты как поживаешь? Позвала меня просто так или возникли трудности?

– Просто так. Соскучилась.

Они пошли друг другу навстречу и остановились на границе пентаграммы. Почти одновременно протянули руки, но прикосновения не последовало. Их ладони замерли одна напротив другой, разделенные всего лишь парой дюймов. Парой непреодолимых дюймов. С тяжелым вздохом Виолетта первой опустила руку и, заглянув в беспросветный мрак черных глаз мужа, спросила:

– Как продвигаются твои дела? Ты запугал своего эльфа?

– Не совсем, – досадливо поморщился Лэмар. – Он меня

боится, но все еще не верит в то, что он тоже темный. Как же Витеку удалось так ловко и основательно заморочить ему голову? У парня такая неколебимая вера в собственную святость и святость всех, кто его окружает! Из него получился бы идеальный образец вселенской любви и всепрощения!

– Брось ты это дело! Оно ненадежное, – сказала Виолетта. – Мальчик может никогда не поддаться, и мы только потеряем время. Давай лучше обрабатывать кого-нибудь поближе к нашей цели. К трону Лавандины. Например, старшего, Элспета. Разве тебе не хочется поквитаться с Элебрутом за свое поражение? Отцу должно быть очень больно однажды увидеть, что его сын продался Тьме.

– Элебрут мне не нужен. Витек – вот моя цель. Я хочу причинить боль ему, заставить его страдать. Если бы не он, Элебруту никогда бы не одержать победу. Ведь Витек – сам темный эльф, сбежавший темный эльф, предатель. Он, хорошо знакомый с нашими секретами, привычками и законами, сильно помог оставшимся в живых Алым цветкам. Что ж, посмотрим, поможет ли теперь что-нибудь ему. Пусть думает, что он, темный, так ничему хорошему и не смог научить своего ученика. Я сведу Эруаля в могилу сразу же после того, как он выполнит свое предназначение. Пусть Витек видит результат своих трудов. Видит и мучается... Он ничего не сможет сделать Эруалю, даже темному.

– Лэмар, а ты уверен, что принц не пожалуется на свои странные сны наставнику?

– Уверен. Парень слишком горд для того, чтобы признать свою слабость. Ох уж мне это Добро с его хваленым благородством! Между прочим, он мог бы спасти свою жизнь, пока не стало слишком поздно. Но он, увы, не захотел.

– Ты так самонадеянно говоришь о своей победе!

– Она очевидна. Хочешь, поспорим. Мальчишка будет моим, и очень скоро.

– Нет. Я не буду спорить. Я верю тебе. Если понадобится моя помощь, скажешь, – Виолетта улыбнулась. – Как знать, может, трон Лавандины снова окажется в наших руках. Послушай, а что мы будем делать с Истерским лесом? Продолжим войну? Или закончим?

– Пока не знаю. Продолжать, завершать... Все это слишком банально. Я уверен, что со временем придумаю что-нибудь поинтереснее и поизощреннее, – неожиданно Лэмар насторожился, кинул взгляд на дверь и проронил, еще не зная, как отнестись к сложившейся ситуации: – Вио, кажется, у тебя гости.

Колдунья обернулась и увидела в изумлении замершего на пороге Варлама д' Аруэ, своего любовника. Озадаченность промелькнула и на ее лице.

– Виолет? – удивленно проронил наместник Кампанелы, проходя в комнату. – Ты очень занята?

– Я... – женщина не знала, что ответить, и только переводила взор с мужа на любовника и обратно.

– Вио, я догадываюсь, кто это. Можешь представить нас

друг другу, – сказал Лэмар, чтобы облегчить положение своей жены. Заметив, что та лишь сильнее занервничала, он с кривой ухмылкой добавил: – Да не бойся ты так! Разве я когда-нибудь упрекал тебя за все твои связи на одну ночь? Я все понимаю. Ты не старуха, и тебе нужны развлечения.

– Но это не связь на одну ночь! – робко заметила Виолетта.

– Ой, ну значит, на несколько! Или на все оставшиеся без меня! Что, считать сейчас будем?

Обнадеженная беспечным тоном мужа, колдунья повернулась к наместнику Кампанелы:

– Варлам, знакомься, это мой второй муж Лэмар. Лэмар, это Варлам д' Аруэ, второе лицо в Кампанеле после короля и королевы. А теперь уже, наверное, первое, потому что они мертвы.

– Еще нет, – тихо сказал Варлам. – На пути к трону оказалась одна непреодолимая ступенька, о которую постоянно спотыкаешься. И эта ступенька зовется принцем Хевингемом. Но об этом я хотел бы поговорить с тобой наедине, Виолет.

– Нет-нет, я прошу вас остаться, – неожиданно оживился Лэмар. – Я бы тоже хотел поговорить с вами. С вами двоими. Все равно Виолет мне все расскажет. А твоя проблема мне кажется интересной.

Наместник слегка опешил от такой наглости, и Виолетта поспешила сгладить неловкость:

– Варлам, послушай Лэмара. Он очень умен и подчас на-

ходит даже лучшие решения, чем я.

– Ему можно доверять? – д' Аруэ терзали сомнения.

– Я бы сказала, что ему не с кем делиться полученной информацией, – обменявшись с мужем понимающими взглядами, колдунья рассказала наместнику свою историю. Завершив повествование, добавила: – Ну вот, теперь ты все знаешь о нас. А Лэмар давно все знает о тебе. Мы все связаны одной веревкой. Нам нечего скрываться и бояться друг друга.

– Так ты и в самом деле полагаешь, что он с его ограниченным кругом действий сможет мне помочь? – изумился Варлам. Его подозрения насчет темного эльфа не стали меньше.

– Я могу помочь советом, – вмешался Лэмар. – Иногда это даже лучше. К тому же, неужели тебе есть, чем рисковать?

– Тебе-то уже точно нечем! – ядовито заметил Варлам. – А у меня имя, уважение, положение в обществе...

– У меня тоже все это было, – прервал его веселым хмыканьем темный эльф. – Можешь поверить моему опыту, это не самое ценное, что можно потерять. А потерявши, никогда не поздно вернуть.

– Раз так... – сделал вид, что впечатлился, наместник Кампанелы. На самом деле слова этого подозрительного типа с землистым лицом ничуть не прибавили ему уверенности. – Хорошо. Я изложу суть проблемы вам обоим. Мацел и Лидия де' Мортеро мертвы. Это почти наверняка происки Лавандины. И претендентов на трон всего два: я как наместник и Хевингем как прямой наследник. У нас обоих есть и силь-

ные, и слабые места в борьбе за престол. Думаю, что могу их не перечислять, они и так очевидны. И это уравнивает наши права. И раз ни у кого из нас нет весомого преимущества, то трон получит тот, кто быстрее и эффективнее устранит соперника. Я, пока шел сюда, перебрал много вариантов, но так и не смог остановиться на чем-то конкретном.

– Вот это да! Давно судьба не делала мне таких подарков! – задумчиво пробормотал Лэмар и, попросив его пару минут не беспокоить, углубился в свои мысли.

– Почему бы тебе просто не убить мальчишку? – тем временем обратилась к наместнику Кампанелы Виолетта. – Самый простой и очевидный способ.

– В этом и заключается вся проблема: слишком очевидно и, увы, не только для нас с тобой, – покачал головой Варлам.

– Боишься, рано поймут, в чем дело, и быстро начнут копать под тебя? – смекнула колдунья.

– Не надо никого убивать, – вмешался очнувшийся Лэмар. – У меня есть идея получше. А главное, в ней заключена прямая выгода для обеих сторон, то есть, для нас с Виолеттой и для тебя, д' Аруэ. Послушайте меня. Занять трон, пройдясь по трупам Хевингема, легкий, но, может стать, ненадежный способ. Вокруг Варлама всегда будут роиться справедливые подозрения, что это дело его рук. Кому, как не нам знать, что власть – такая вещь, ради получения которой особо не церемонятся. В конце концов, кто-нибудь из сторонников принца поднимет восстание, и неизвестно, кто по-

сле этого останется в выигрыше. Но попробовать ликвидировать угрозу с его стороны можно. Этим займемся мы с Вио. Вио – красивая и общительная женщина, к тому же, входящая во дворец. Это делает ее незаменимой шпионкой. Она будет отслеживать все планы Хевингема и, руководствуясь моими советами, срывать их. Одна за другой неудачи обескуражат принца, он станет нервничать, ошибаться и постепенно сдаст тебе, д' Аруэ, одну позицию за другой. К тому же, я берусь дать тебе гарантии того, что когда ты станешь претворять в жизнь свои планы, Хевингем не будет мешаться у тебя под ногами. Мы с Вио позаботимся и об этом. Но пока мы будем заниматься твоим маленьким, но шустрым конкурентом, ты должен будешь уделить внимание войне с Лавандиной. Отдай подчиненным тебе военным отрядам приказ во время боя в первую очередь пытаться добраться до короля Элебрута и убить его. Во что бы то ни стало! Тогда в войну окажется втянут его старший сын. Он тоже должен умереть в ходе военных действий. Затем средний. Трон Лавандины должен достаться младшему, Эруалу. К тому времени, когда вся его семья будет перебита, он целиком и полностью будет находиться под моим влиянием. Если я внушу ему, что он темный, он постепенно отдалится от своих сородичей, лесных эльфов, и начнет искать поддержки у темных. А так как они все давно заточены в пещере и знаком он только со мной, то он окончательно окажется в моих руках. Когда он станет королем, я заставлю его подписать соглашение, по которому

Истерский лес перейдет к Кампанеле, но с одним условием: ее правителем должен стать ты, д' Аруэ. Истерский лес – лакомый кусок, конец войны, – несбыточные мечты и людей, и эльфов. Это очень много по сравнению с амбициями принца. Королевский Совет Кампанелы не упустит такой возможности и совершенно законно сделает тебя королем. Затем я заставлю Эруаля подписать приказ об освобождении темных эльфов, а себя навяжу ему в наместники. На этом роль Эруаля завершается, он тихонько умирает, и трон Лавандины достается мне. И Вио. А дальше все живут долго и счастливо.

– Потрясающе! – восхищенно выдохнула Виолетта.

Но Варлам, кажется, не разделял ее восторга. Он нахмурился и недовольно сказал, не сумев удержаться от подозрительности в голосе по отношению к словам Лэмара:

– Менястораживает один момент. Ты так легко согласился отдать Истерский лес Кампанеле! В самом ли деле ты собираешься выполнить этот пункт своего плана?

– Мне не нужен этот лес, – дернул костлявым плечом темный эльф. – В свое время я тоже воевал за него. Больше не хочется. Я буду завоевывать другие эльфийские страны. Дело верное и прибыльное, а, главное, не бесконечное.

– Ладно. Допустим, я тебе поверил. А как насчет принца Хевингема? В твоём плане ничего не говорится о том, что с ним делать.

– Когда ты станешь королем, делай с ним, что хочешь. А до этого – он моя проблема. И Вио. Еще есть вопросы?

На этом Варлам себя исчерпал. Он еще не решил, следует ли слепо полагаться на этого странного типа только лишь потому, что его хорошо знает Виолетта, но не мог не признать, что рассуждения у него более чем здравые. Вспомнив о времени, наместник заторопился во дворец, где у него была назначена пара деловых встреч. Договорившись встретиться втроем сегодня вечером, Виолетта отправила мужа обратно в тюрьму и пошла провожать любовника до выхода.

Глава 5

– Учитель, отец рассказал мне, из-за чего вы поссорились, – произнес Эруаль после долгого молчания, сохранявшегося между ним и Витеком на протяжении всего пути до Истерского леса.

Теперь же они вдвоем ехали бок о бок по одной из его тропинок, как некогда прежде не раз прогуливались по королевскому саду. Ах, как давно это было! В Истерском лесу был отстроен небольшой замок – одна из загородных резиденций Элебрута. Туда и направлялись мои герои.

Теоретически Истерский лес считался ничейной территорией, но на практике дела обстояли несколько иначе. И Кампанела, и Лавандина, нагулявшие неплохие аппетиты за долгие годы войны, стали считать этот лес каждая своим. Как следствие, он был наводнен разведывательными отрядами каждой из этих стран, и они даже стали основывать там небольшие поселения. Периодически между людьми и эльфами происходили стычки, но шаткость и опасность положения не помешала правителям Кампанелы и Лавандины отдать приказы о строительстве в лесу королевских резиденций. Каждый поставил замок ближе к своей границе, почти никогда в нем не бывал (слишком опасно), но отказаться от соблазна таким способом утвердить свое право хоть на маленький клочок вожаделенной территории не смог.

Вообще, сам по себе Истерский лес не представлял собой ничего особенного. Его недра не скрывали ценных ресурсов, здесь не водились хищные породы животных и не росли редкие растения. Это был совершенно обычный смешанный лес, осенью богатый на грибы, летом – на ягоды и дикие луговые цветы. Знающий травник мог насобирать здесь много лекарственных растений, опытный охотник – настрелять диких уток и зайцев.

Эруалу лес понравился сразу же, как только он очутился на широкой, усеянной хвоей и шишками тропинке. Сквозь нежную листву кудрявых берез и тонких осин на нее падали теплые яркие лучи полуденного солнца, отчего лес выглядел приветливым и светлым. По лицу Витека, наоборот, было не разобрать, впечатлила ли его здешняя природа. Несмотря на угрюмый вид учителя, принц все же осмелился завязать с ним разговор и затронуть события сегодняшнего утра. Как бы ни была неприятна Витеку эта тема, он нашел в себе силы не огрызаться и не отмалчиваться, а спокойно отвечать ученику:

– Я не сомневался в этом.

– Скажите, действительно есть основания для того, чтобы с таким категоричным отрицанием относиться к присоединению кампанельской провинции? Неужели это оказалось способно разлучить вас с моим отцом? Мне в это не верится.

– Дело не совсем в провинции, – глядя куда-то в сторону, мимо Эруаля, откликнулся Витек, подавляя тяжелый

вздых. – Здесь я сознаю свою вину, потому что она оказалась больше вины твоего отца. Я промедлил с доказательствами, а может, и правда оказался в плену предрассудков. Но не это окончательно повлияло на мое решение. Та жестокость, с которой твой отец распорядился дальнейшей судьбой принца Хевингема, тринадцатилетнего подростка, неприятно поразила меня. Пусть он враг, пусть! Но это все равно не давало Элебруту права так поступать с ним! Ведь в первую очередь он ребенок!.. Я надеюсь, ты понимаешь меня, Эруаль.

– Да, учитель. Я понимаю ваши чувства, – кивнул младший принц Лавандины, и печаль заплескалась на самом дне его синих глаз. – Но что, если это была необходимая тактика?

– Я не понимаю необходимости такой тактики! – решительно тряхнул гладкими прядями черноволосый эльф.

– Но неужели в Кампанеле не поступили бы точно так же, представься им такая возможность?

– Зачем нам равняться на Кампанелу? Я просто хочу, чтобы Лавандина не растеряла своей порядочности. Я на протяжении многих лет прилагал к этому все возможные усилия, пока в один далеко не прекрасный день не потерпел сокрушительное фиаско. Я ушел. Потому что я не хочу видеть, как погибнут в среде эльфов последние ростки благоразумия.

– Учитель, вы сдались? – что-то, похожее на удивление, смешанное с осуждением, мелькнуло в глазах принца. – Если вы знаете, что только в ваших руках ответственность за благородство и порядочность Лавандины, зачем вы ушли? Вы

бросили нашу страну на произвол судьбы! Кто, кроме вас, сможет направить моего отца по верному пути, если он сойдет в сторону?

– Я ушел, потому что этот тяжелый груз больше не принадлежит мне, – тихо сказал Витек. – Пока он ничей. Но, как это для тебя ни странно, скоро окажется на твоих плечах.

– Я с должным почтением приму его, но... только от вас.

Витек с нежностью посмотрел на своего ученика.

"Милый мальчик, – подумал он, – сколько же еще в тебе наивности и ненужной горячности! Сколько необдуманных решений и безрассудных поступков будет в твоей жизни! Сейчас тебе кажется, что ты знаешь все, и ты уверен в своих идеалах. Тебе не знакомы предательство, ложь, измена. И я не могу объяснить тебе этих вещей, не могу показать. Вот с такими пробелами ты останешься в нашем жестоком мире после моей смерти. Совсем один! Страшно, страшно тебе будет жить, Эруаль, с твоими принципами. Но я, как могу, постараюсь облегчить тебе эту задачу".

– О чем вы думаете, учитель? – спросил Эруаль, поймав на себе взгляд Витека.

– О тебе, – просто ответил тот. – Последний месяц я уделял тебе очень мало времени. Скажи, ничего не случилось? У тебя нет никаких проблем? Я заметил, ты плохо выглядишь. Такое чувство, что тебя что-то гнетет.

– С чего вы взяли? – занервничал принц.

– Страшнее всего на нашей внешности отражаются муче-

ния души.

Вот, казалось бы, и наступил момент истины, тот самый, когда Эруалию следовало бы рассказать учителю о терроризирующем его каждую ночь Голосе. Но этот упрямец промолчал, вновь посчитав недостойным забивать голову учителя такими пустяками. Принц предпочел ничего не отвечать.

– Ты уехал со мной. Зачем? – заметив, что его ученику не хочется раскрывать тайники души, Витек перевел разговор на другую тему.

– Потому что люблю вас! – брови Эруаля изумленно взлетели вверх. Вопрос очень удивил его.

А вот у черноволосого эльфа ответ его ученика вызвал легкую тень улыбки.

– Неужели ты любишь меня больше, чем отца и братьев?

– Просто... Вы мой наставник. Так вышло, что мы с вами лучше понимаем друг друга, лучше, чем самые близкие люди. К тому же, я должен продолжать обучение у вас. А в Лавандине во мне пока не очень нуждаются. Передо мной есть два претендента на престол, так что он вряд ли когда-то окажется в моих руках.

– А ты бы хотел?

– Мне кажется, я не смогу сейчас ответить на ваш вопрос. Когда я представляю себя королем, мне становится страшно. По сути дела, на твоих плечах лежит огромная ответственность за судьбы многих эльфов. Ты пытаешься сделать, как лучше, но у тебя не все получается. И каждый твой неверный

шаг чреват страшнейшими последствиями. Я так боюсь причинить кому-нибудь боль, так боюсь стать причиной чьих-либо несчастий! Но вместе с этим, я понимаю, что невозможно сделать так, чтобы все были счастливы. Из-за этого мне кажется, что я никогда не смогу стать хорошим королем, достойным своего народа.

– А мне кажется, из тебя бы получился добрый и справедливый правитель, – на губах Витека появилась теплая открытая улыбка.

Эруаль очень хорошо помнил эту улыбку как призрак своего далекого детства; он так редко видел ее в последнее время! Поэтому сейчас он очень удивился, увидев, что наставник улыбается ему так же, как прежде, как будто в их жизнях ничего не изменилось.

– Мне приятно, что вы обо мне такого хорошего мнения, – скромно потупился принц.

– А мне приятно, что ты так самокритичен, – серьезно откликнулся Витек. – Это важная черта для будущего правителя – не обольщаться на свой счет.

Какое-то время они ехали молча, предавшись каждый своим раздумьям. Эруаль вспомнил еще один интересующий его вопрос, но как-то не решался задать его наставнику. Искоса взглянув на серьезное и хмурое лицо Витека, принц, потупив взор, робко и тихо спросил:

– Учитель, почему вы ей тогда отказали?

Занятый своими невеселыми мыслями, черноволосый

эльф не сразу уловил суть вопроса.

– Прости, что ты спросил? – черные глаза впились в лицо Эруалья.

Тот смутился еще больше, но отступить было поздно.

– Вы ведь помните Лэттис? Вы любили ее. И она вас. Почему же вы ответили "нет", когда она просила вас взять ее в жены?

– С каких это пор моя маленькая история любви стала достоянием гласности? – легкое удивление и насмешка прозвучали в словах Витека. Но в них не было гнева и раздражения вопросом, и это приободрило его любопытного ученика.

– Совсем недавно Феликс мне рассказал о вашем романе, – признался младший принц Лавандины. – Эта история запала мне в душу. Ваше счастье было у вас в руках. Почему вы отвергли его?

– Потому что я давно отвык думать только о себе, – ответ прозвучал несколько резко и сухо, но наставник Эруалья справился со своим голосом. – Я отказал Лэттис, потому что твердо знал, что для нее так будет лучше.

– Но ведь и она любила вас! А что может быть лучше, чем возможность каждый день лицезреть рядом с собой того, кто тебе дорог!

– Ты ничего не знаешь. Я расскажу тебе, как все было на самом деле, и попытаюсь объяснить причины некоторых своих поступков. Может быть, тогда осуждение исчезнет из твоего взгляда.

– Лэттис была эльфийкой из благородной семьи, а я – сыном бедного мага-лесника. Отец обучил меня азам магического искусства, и я был талантливым учеником. Гордость и юношеские амбиции подсказали мне, что я могу добиться большего, чем мой отец, и еще до своего совершеннолетия я ушел из дома, чтобы, странствуя по свету, набираться знаний и опыта. Я долго путешествовал, и на своем пути повстречал много людей и эльфов, которые в обмен на какую-то работу чему-нибудь учили меня. Я не отказывался ни от чего. У меня никогда не было денег, я перебивался случайными заработками, и зачастую у меня на обед была пара ломтей сухого хлеба да вода из ручья. Но я не жаловался. Я мечтал о такой жизни, интересной, свободной от обязательств, законов и правил. Я занимался любимым делом – постигал магическое искусство, – и это стало для меня и хлебом, и водой.

Так я и жил, пока в один прекрасный день не очутился в Лавандине. Была зима, одна из самых холодных и морозных на моей памяти. Я шел в столицу, но по дороге на меня напали какие-то пьяные маги. Шутки ради они избили меня и отобрали мою куртку. Они обрекли меня на верную гибель. Была ночь, и я шел столько, на сколько хватило сил, а потом мне захотелось спать, и я просто упал в сугроб. Я понимал, что мне нельзя лежать, но подняться, чтобы идти дальше, уже не смог. Снег казался мне теплым и мягким, как пуховое одеяло. По-моему, я все же заснул или просто потерял сознание.

Очнулся я уже в просторной светлой теплой комнате. Я находился в поместье графа д' Урфа – одного из самых богатых и влиятельных эльфов в Лавандине. В ту ночь мне повезло: граф поздно возвращался домой и заметил лежащего посреди дороги эльфа. Он сжалился и подобрал меня. После того, как я пришел в сознание, граф подробно расспросил, кто я и чем занимаюсь. Я не счел необходимым лгать своему благодетелю и все рассказал. К тому же, скрывать все равно было нечего. После разговора с ним я, поблагодарив его за заботу, изъявил желание уйти. Но граф не пустил меня. Осмотревший меня лекарь сказал, что у меня сильное обморожение и что он опасается лихорадки, поэтому ближайший месяц мне следует провести в постели. На все это время граф любезно оставил меня своим гостем. Тогда я и познакомился с Лэттис. Она ухаживала за мной. Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда. Лэттис была очень красивой эльфийкой, а я всегда с подозрением относился к таким. Такие девушки очень хорошо сознавали силу своего обаяния и любили поиграть с мальчиками из простых семей. Потом для таких, как я, это плохо заканчивалось. Но Лэттис оказалась другой, очень доброй, отзывчивой и чуткой. За время моего выздоровления мы подружились. Лэттис мало рассказывала о себе, на балах и приемах в гостиных знатных эльфов ей было скучно. Зато она с интересом слушала рассказы о моих странствиях. И когда мне пришла пора уходить, она ушла со мной.

С тех пор мы бродили по свету вдвоем, и она наравне со мной бралась за любую работу и с тем же удовольствием и восторгом, что и я, постигала магическое искусство. Тогда я и понял, что люблю ее, и, по-моему, она сразу же догадалась об этом, хотя, можешь мне поверить, я всегда умел скрывать свои чувства. Нам никогда не было скучно вдвоем, мы никогда не ссорились и не мешали друг другу. Благодаря Лэттис я познакомился с Элебрутом (он тогда еще не был королем), и мы стали хорошими друзьями. Вдвоем мы путешествовали не один год, пока однажды все не изменилось.

Конец нашим странствиям положило известие о том, что отец Лэттис, достопочтимый граф д' Урф, умирает. Мы тогда были в Лавандине, помогали Элебруту вернуть власть. Граф пострадал в ходе восстания. Лэттис была вынуждена вернуться под родительский кров, ведь она была единственной дочерью и наследницей всего состояния д' Урфов. Меня же Элебрут не захотел отпускать и предложил мне остаться во дворце в качестве первого и единственного королевского советника и наставника его младшего сына. Тебя, Эрваль. Так мы с Лэттис и расстались.

Вскоре до меня стали долетать слухи, что сразу же после смерти графа д' Урфа к богатой и красивой наследнице его состояния стали поступать многочисленные предложения о замужестве, – и не только от знатных эльфов Лавандины, но и от королей соседних стран. Мне было очень больно об этом слышать. Я боялся и мучительно ждал, что в один недалекий

день до меня дойдет весть о ее свадьбе. Но она всех отвергла. Все это время она ждала предложения от меня. Первым истощилось терпение ее матери. Она стала давить на дочь, потому что не могла спокойно смотреть на то, как уплывают из их рук такие выгодные предложения. Лэттис оказалась загнанной в угол в стенах родного дома и осмелилась сделать последний шаг. Она сама пришла ко мне и предложила жениться на ней. А я ответил "нет". Знаешь, тогда она стояла передо мной, такая решительная и красивая, совсем не изменившаяся с момента нашей последней встречи... Это была все та же Лэттис, с которой плечом к плечу я прошел не одну сотню миль... Но я видел ее глаза. Это были совершенно новые глаза. Так, как в тот миг, она никогда на меня не смотрела. В них было много надежды и любви... нет, не любви, – слепого обожания... Но это были глаза королевы! Понимаешь? Я видел в ее лице лицо правительницы, эльфийки, которую судьба хочет поставить выше других, как наиболее достойную. А что мог дать ей я, кроме жалкого существования с бесприютным изгнанником, душа которого постоянно неспокойна? Я был недостоин ее, и в тот момент я как никогда хорошо понимал это. И если сама судьба предназначила ей быть королевой, то какое имею право я, ничтожный смертный, перечить ей? Как бы больно ни было мне и как бы больно ни было Лэттис, я сказал, что мы не можем быть вместе. По-моему, она не поняла и просто ушла, затаив обиду. Спустя месяц она вышла замуж за короля Эстефании.

С тех пор я никогда больше ее не видел.

– Вы были не правы! – выслушав историю учителя, горячо воскликнул Эруаль. – Неужели вы даже сейчас этого не понимаете? Да, судьба начертала Лэттис быть королевой, но тогда вы с полным на то основанием могли бросить ей вызов! Ведь сама Лэттис чувствовала себя королевой только рядом с вами! Она всегда знала, что вы – сын лесника, и ее никогда не смущало ваше происхождение! Она ведь однажды ушла вместе с вами и тоже долго скиталась! Она все вынесла и не бросила вас, потому что ей действительно было хорошо с вами! Лэттис всем шелкам и коронам предпочла бы такую жизнь, будь у нее право выбора! А вы так необдуманно, так жестоко разбили ее мечты!

– Зря я тебе рассказал, – горько вздохнул Витек, отводя взгляд в сторону. – Ты слишком молод для того, чтобы понять истинное положение вещей. Жизнь бродяги – не каждому по силам. И уж тем более она не для женщины. Лэттис была юна и наивна, ее легко увлекало все необыкновенное и полное приключений. Но этот восторг со временем проходит. А я не хотел, чтобы однажды она оглянулась и поняла, что сглупила, позаботившись о настоящем, а не о будущем. Ее признание в любви – проявление минутной слабости, внезапный порыв, возникший под давлением обстоятельств.

– Но с тех пор вы обосновались во дворце моего отца. Вы больше не путешествовали, – заметил Эруаль.

– Я настолько привык к присутствию рядом Лэттис, что

без нее это потеряло половину своей прелести. К тому же, появились другие, кому оказались нужны все мои знания. Элебрут и ты. Я не мог пренебречь этим.

– Скажите, а вы очень скучаете по Лэттис? Вы бы хотели ее еще раз увидеть?

– Иногда, когда нахлынут воспоминания, я тоскую. А так – я уже привык.

– Вы все еще любите Лэттис?

– Так же, как прежде. И ни капель меньше.

Витек не видел глаз Эруаля, а тот не мог отвести взгляда от фигуры учителя, кажущейся теперь такой жалкой и одинокой. Страдание и сочувствие смешались в зрачках младшего принца Лавандины.

"Настоящая любовь, – подумал он. – Учитель счастлив, по крайней мере, тем, что испытал ее. Интересно, полюблю ли я кого-нибудь так же сильно, как он? И не изменятся ли мои чувства под воздействием безжалостного времени?"

Глава 6

– Кошелек или жизнь?

Звонкий девичий крик отвлек двоих эльфов от их тягостных раздумий. Они находились недалеко от своего замка и, занятые каждый своими мыслями, не заметили, как быстро и методично их окружили обыкновенные лесные разбойники.

Сведя брови на переносице, Эруаль легко вынул из-за пояса отравленный эльфийский кинжал и, тронув поводья коня, прикрыл собой Витека.

– Какое право вы имеете останавливать добропорядочных путников! – крикнул он. – Где ваш главарь? Я хочу говорить с ним!

– Здесь главные мы! – от толпы отделились три фигуры.

Все трое были молоды и самоуверенны. Два парня и девушка, которая, по-видимому, и задала риторический вопрос. Пару минут эльфы разглядывали преградивших им дорогу людей, в ответ удостоившись не менее внимательных изучающих взглядов.

Один из молодых людей отличался высоким ростом и спортивным телосложением. У него было загорелое лицо с жесткими чертами и сине-зелеными глазами с хитрым прищуром. Одет он был в удобную коричневую куртку, из распахнутого ворота которой выглядывал край зеленой рубахи, и мягкие кожаные штаны со множеством карманов и ре-

мешков. Сильные руки молодого человека сжимали в ловких пальцах по кинжалу.

Второй разбойник, наоборот, был изящен, строен и невысок ростом. У него были спокойные серые глаза с открытым честным взглядом и темные волосы, собранные сзади в тонкий, гладко зачесанный хвост. На тонких подвижных губах цвела любезная полуулыбка, больше подошедшая какому-нибудь дворцовому служащему. Белый приталенный камзол, отглаженные брюки и отсутствие оружия в руках окончательно делали его похожим на кого угодно, только не на лесного грабителя.

Девушка, наоборот, целиком и полностью вписывалась в образ. У нее было миловидное узенькое, как у маленькой лисички, личико, на котором выделялись ярко покрашенные выразительные изумрудно-зеленые глаза, глядящие без страха и с вызовом. Нежные губы, покрытые безвкусной карминно-красной помадой, давали воистину необыкновенное сочетание с чистым цветом глаз и загорелой до бронзового оттенка кожей. Короткие ярко-рыжие волосы свободными волнами падали ей на плечи. Точеную изящную фигуру девушки скрывала тонкая мужская рубаша с сильно расстегнутым воротом и светлые хлопковые штаны, небрежно подвернутые чуть выше лодыжек.

Неожиданно Эруаль поймал себя на том, что смотрит на очаровательную разбойницу слишком долго для того, чтобы просто запомнить внешность незнакомки. Он поспешно от-

вел взгляд и посмотрел на Витека. Его учитель тоже почему-то не сводил взора с девушки, но, если судить по тому, насколько пусты и безразличны были в этот момент его черные глаза, думал он совсем не о ней. Решив, что вести переговоры придется все-таки самому, Эруаль был вынужден снова повернуться к разбойникам, вернее, к тем трем, что назвались главными. Но не успел он и рта раскрыть, как самый высокий из вышедшей вперед троицы опередил его.

– Деньги давай! – довольно грубо потребовал он.

– Венсан! – девушка, стоявшая рядом с ним, шаловливо пихнула его локтем, а в ее изумрудных глазах отразился наигранный укор. – Не видишь, что ли? Господа эльфы очень-очень-очень знатного рода. С ними надо быть повежливее и поласковее.

– По-моему, все эти ушастые твари на одно лицо!

– Поосторожнее со словами, молодой человек! – вспыхнул Эруаль. – Вы не имеете никакого права так обращаться с путниками! Тем более, если в их число входит принц и старец!

– Нормальные принцы без охраны не ездят, – вмешался доселе молчавший длинноволосый разбойник, и тон его был спокойным и совсем не наглым. – Или вы хотите сказать, что ваша охрана – этот почтенный старец?

Вот тут в его голосе открыто прозвучала насмешка. Но это все, что он себе позволил, когда как двое других его товарищей весело засмеялись, а вместе с ними и вся банда.

– Нет, я... – Эруаль сам не понял, от чего растерялся: то

ли от интеллигентного тона, которого никак не ожидал услышать от бандита, то ли от того, что в столь глупое положение ему попадать еще не приходилось.

Но пока принц раздумывал над достойным ответом, дружный гогот разбойников стих так резко, что тот даже вздрогнул от неожиданности. Оказалось, это Витек выпутался из плена своих мыслей. Он стремительно выпрямился в седле и, окинув трех названных главарей презрительным взглядом, бросил им под ноги кошелек с золотом. Монетки жалобно звякнули, ударившись о землю.

– Возьмите, – сквозь зубы проронил он. – И убирайтесь с дороги!

Но разбойники никуда не ушли. Даже к деньгам не притронулись. Рыжеволосая красавица отделилась от своих товарищей и легкой покачивающейся походкой подошла к коню Витека, ненавязчиво подхватив его под уздцы.

– И с каких это пор почтенные старцы так своенравно распоряжаются золотом, принадлежащим короне? – кокетливым голосочком пропела девушка, поедая белое лицо черноволосого эльфа пристальным взглядом своих жгучих зеленых глаз.

– По-моему, это не должно тебя интересовать! – Витек решительно выдернул узду своего коня из цепких пальцев разбойницы. – Ты, кажется, спрашивала нас, кошелек или жизнь? Мы сделали свой выбор. Теперь отпусти нас!

– Ишь ты, какой дерзкий! – с легким смешком девушка

отошла на пару шагов назад. – А что будет, если не отпущу?

– Тогда нам придется немножко подпортить твое красивое лицо и сократить численность твоей шайки!

– Да ты что?! – дьявольским зеленым огнем сверкнули глаза рыжей красавицы. – Давай посмотрим, кто кого!

В одну секунду в ее руках появилась пара кинжалов, которые она один за другим метнула в Витека. Тот даже глазом не моргнул. Легкое, едва уловимое движение его пальцев послало навстречу грозно летящему оружию черный огненный шар, в мгновение ока спаливший оба кинжала. Рыжая растерялась лишь на мгновение, а затем, быстро кувыркнувшись по земле, запрыгнула на круп коня Витека. Изыячно склонившись над эльфом, она хотела было приставить к его горлу оставшийся в запасе кинжал, но тот, догадавшись, что затевает противница, тронул поводья коня, заставляя его встряхнуться и сделать пару шагов вперед. Почувствовав, что опора под ногами движется, девушка потеряла баланс и упала в дорожную пыль, выронив свой кинжал. Повинуясь движению брови Витека, из воздуха потянулись цветочные побеги, опутавшие ноги и руки рыжей нахалки.

– Ребята! Он завалил нашу Ариадну! – возмутился высокий и грубый главарь, которого его подружка называла Венсаном. – Нельзя спустить ему это с рук!

И он первым кинулся на Витека. С обиженным ревом остальные разбойники последовали его примеру. И только длинноволосый интеллигент отошел в сторонку и, не прини-

мая участия в общей мешанине, с тоскливым вздохом про-
ронил, обращаясь к самому себе:

– Да... Сейчас явится настоящий главарь и покажет всем,
где раки зимуют.

Словно в подтверждение его слов, за его спиной послы-
шался стук лошадиных копыт, и громоподобный хриплый
голос проорал:

– Дети мои, что вы себе позволяете?! Немедленно прекра-
тите избивать наших потенциальных кормильцев!

"Дети", едва заслышав голос своей предводительницы,
прекратили попытки стащить эльфов на землю, но заключи-
ли их в плотное кольцо из человеческих тел и опасно поблес-
кивающих ножей и кинжалов. В ожидании дальнейших рас-
поряжений все устремили взоры на главаршу.

Это была низенькая кругленькая женщина преклонных
лет с копной рыжих с проседью волос и широким добродуш-
ным лицом, при взгляде на которое сразу привлекал внима-
ние крупный красный нос и временами нервически вздра-
гивающие губы. Ее маленькие глазки какого-то мутного, бо-
лотно-зеленого цвета подслеповато щурились, пытаясь рас-
смотреть "потенциальных кормильцев". Она была одета в
простую черную рубашку и черные широкие штаны. Из гор-
ла главарши то и дело вырывались странные хрипы, как буд-
то ей было тяжело дышать.

Однако, перед этой потрепанной жизнью и временем жен-
щиной благоговели все разбойники. Они любили свою гла-

варшу и уважали за добрый, но сильный характер и справедливое отношение к окружающим.

– С каких это пор мы, благородные разбойники, отбирающие деньги у богатых и раздающие их бедным, избиваем путников? – грозно спросила с высоты хребта своей старой одышливой кобылки главарь. – Так и знала, что вас ни на минуту одних оставить нельзя! Если бы я за вами следом не поехала, что бы вы с этими двоими сделали?!

– Но они обидели Ариадну! – осмелился возразить Венсан.

– Да, они угрожали вашей дочери! – вторили ему на разные голоса другие бандиты.

– Молчать! Наверняка Ари первая нарывалась! Так ей и надо. Я рада, что нашелся хоть кто-то, способный ее проучить.

Разбойники угрюмо молчали, огорчившись, что их повод для того, чтобы подраться с кем-нибудь, не сочли достаточно веским. А Витек, воспользовавшись заминкой, встрепенулся в седле своего коня и, помахав главарше рукой, крикнул:

– Гло! Гло Картер! Неужели ты не узнаешь меня?

Женщина еще сильнее прищурилась, отчего ее маленькие глазки стали совсем незаметны на слишком большом для них лице, однако, фигура эльфа все равно расплывалась. Пихнув каблуками бока своей ленивой кобылы, она заставила ее сделать несколько шагов вперед. Тут же глаза главарши удивленно расширились, а в зрачках промелькнула тень

узнавания.

– Бог мой! – прошептала Гло Картер. – Витек? Какими судьбами? Вот уж не думала, что еще раз когда-нибудь тебя увижу! Эй, дети мои, разойдитесь в стороны! Я хочу обнять своего старого друга.

Разбойники, тихонько ворча, отошли на обочину дороги. Они были раздосадованы тем, что не только не обобрали эльфов, но и тем, что эти самые эльфы не получают нагоняя и от предводительницы. Венсан сразу же бросился освобождать Ариадну, и они тихонько прошмыгнули к своему длинноволосому товарищу.

Витек соскочил с седла и подошел к своей подруге. Согнувшись в полупоклоне, поцеловал ее затянутую в перчатку пухлую руку.

– Да брось ты, приятель, эти церемонии! – хрипло рассмеялась Гло. – Я смотрю, во дворце тебя идеально выдрессировали. Помоги-ка мне лучше слезть. А то на этой кобыле сидеть одно мучение.

Витек позволил главарю банды опереться на него, и она очутилась рядом с ним. Парочка из них получилась отменная! Маленькая и толстая Гло не доставала высокому стройному эльфу даже до груди. Но то, с какой нежностью они смотрели друг на друга и какими бережными и аккуратными становились их движения при взаимодействии, ясно говорило о том, что никакие различия во внешности и социальном положении не разрушат священных уз их многолет-

ней дружбы.

– Витек, старина! Да ты совсем не изменился! – ввиду своего маленького роста Гло пришлось обнять эльфа за талию. – Какими судьбами в нашем лесу? Опять Элебрут прислал? Вообще-то, нет, не надо, не рассказывай. Не здесь и не сейчас! Ты ведь зайдешь ко мне в гости? Такую встречу нельзя не отпраздновать.

– У меня теперь много времени, – улыбнулся Витек, но грусть сквозила в его словах. – Мы успеем рассказать друг другу все-все!

– Вот и прекрасно! – Гло снова рассмеялась своим хриплым смехом, который совершенно неожиданно перешел в жуткий кашель, согнувший женщину почти пополам.

Витек присел рядом с ней на корточки и, скользнув острым взглядом по придорожной пыли, протянул руку и сорвал какое-то растение с мелкими синими цветками. Оборвав головки цветов, он протянул их на раскрытой ладони к лицу подруги.

– Понюхай, – мягко попросил он.

Безуспешно пытаясь унять кашель, Гло жадно заглатывала воздух, и вместе с ним в ее легкие проник тонкий аромат цветов. В тот же миг женщина почувствовала, что ей полегчало. Кашель утих, а затем совсем прекратился. Отдышавшись и вытерев выступившие на глазах слезы, Гло взглянула на черноволосого эльфа и виновато произнесла:

– Наверное, простудилась где-то. Со мной это давно.

И снова на его губах появилась мягкая улыбка.

– Гло, ты слишком много куришь, – с легким упреком произнес Витек. – Твои легкие больше не могут выдерживать этого.

– Да ну тебя! Мне доставляют высококачественную траву!

– В этом-то вся проблема. Ну, раз ты пришла в себя, позволь мне познакомить тебя с моим учеником. Эруаль, подойди сюда, – Витек жестом подозвал молодого эльфа. – Гло, знакомься. Это Эруаль, младший сын короля Элебрута, мой воспитанник. Эруаль, это Гло Картер, моя хорошая подруга.

– Мне очень приятно познакомиться с вами, – скромно потупился принц. – Если вы удостоились доверия моего учителя, то вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку и мое почтение.

– Ишь ты, какой вежливый! – хмыкнула Гло. – Чувствуется железная интеллигентность Витека. Так же пафосно ответить тебе не смогу. Скажу только, что рада видеть хоть одного безумца, осмелившегося пойти по стопам моего шубутного друга!

– Спасибо и на этом. Ваши слова согревают мне душу.

Гло улыбнулась теплой и приветливой улыбкой. Принц очень ей понравился.

"Очень милый и добрый мальчик, – подумала она. – Неужели Витек исполнил свою мечту и сделал своего ученика воплощением милосердия и справедливости? Хорошо, если бы это было действительно так".

– Гло, – привлек к себе внимание приятельницы черноволосый эльф, – я бы хотел, чтобы ты познакомила нас поближе вон с теми тремя "главарями".

– Они сказали тебе правду, Витек. Они и вправду здесь главные, – откликнулась Картер, подзывая к себе все трио. – После моей смерти банда достанется им, и я буду спокойна, потому что они достойные преемники. На них можно положиться в любом деле. Тот инцидент, что произошел с вами, – это редкость. Обычно...

Женщина не смогла договорить, прерванная приступом сильного кашля.

– Ее нужно срочно отправить домой! – заметил длиноволосый бандит-интеллигент. – Там есть лекари, они помогут. Эй, Джемс, Рэй! Подойдите сюда! Отвезите Гло на Развалины. Ей нельзя здесь оставаться. И заберите с собой банду. Нападение сорвалось. Мы последуем за вами чуть позже.

Увидев, что названные Джемс и Рэй, подхватив на руки Гло, направились к ее старой разваленной кляче, Витек протестующе воскликнул:

– Подождите! На этой лошаденке вы и к вечеру не доставите ее на Развалины. Берите наших коней. Они быстрые и сильные.

Пробурчав нечто неразборчивое вместо благодарности, бандиты воспользовались его предложением и, поудобнее устроив Гло поперек седла, умчались первыми, оставляя за собой клубы пыли. Вся орава разбойников с песнями и кри-

ками последовала за ними. Трое главных и эльфы пристроились в хвосте.

– Как давно вы дружите с Гло? – спросил длинноволосый бандит у Витека. Он решил, что время, которое уйдет на дорогу до Развалин, можно использовать для беседы с двумя незнакомцами, чтобы понять, что они из себя представляют, и следует ли перед ними извиняться за доставленные неудобства. Так как обычно после подобных сцен объясняться со всеми приходилось именно ему, то и сейчас длинноволосый интеллигент безропотно взял на себя эту обязанность.

– Очень давно, – откликнулся Витек. – Впервые мы встретились с ней, когда ей было двенадцать лет. К тому времени я был слишком стар для того, чтобы годиться ей в друзья, но я чем-то заинтересовал ее. Она первая сделала шаг к знакомству. Так, слово за слово, мы сблизились. Я оставался с ней до ее двадцатилетия. Тогда она стала главарем вашей банды, а я ушел. В то время я много странствовал, и на одном месте подолгу не задерживался.

– А теперь вы обосновались в Лавандине при дворе Элебрута?

– Нас многое с ним связывает.

– Какой у вас круг знакомств! – длинноволосый бандит переглянулся со своими товарищами, про себя прикидывая, что эти эльфы могут быть им очень полезны.

Простите, вы не могли бы представиться? – воспользовавшись тем, что парень на минуту замолчал, отстав со своими

вопросами, осведомился Витек. – А то вы нас знаете, а мы вас нет.

– Разумеется. Меня зовут Ник Бетт, – кивнул длинноволосый бандит. – На мне лежат организаторские обязанности. Я планирую наши нападения и узнаю, когда, кто и по какой дороге поедет в Истерском лесу. У меня повсюду связи. Конечно, все предусмотреть невозможно, но в большинстве случаев нам все удается. Помимо этого, я выполняю для Гло функции дворецкого: подай, принеси, напомни...

– А также – ведете переговоры, – улыбнувшись, перебил его Витек.

– Да, – Ник улыбнулся в ответ. – Хам, который так грубо с вами разговаривал, это Венсан Корвен. Он лучший грабитель из всей нашей банды. Обчистит карманы средь бела дня на глазах у большого количества людей, при этом честно глядя вам в глаза, и ни вы, ни другие ничего не заметят. К тому же, он превосходно владеет оружием. За это мы терпим его несносный характер...

– Ник, ротик закрой, – с угрожающей лаской посоветовал Венсан. – Я не просил тебя критиковать мое поведение.

– Но господа должны знать правду! – возразил тот.

– Если господам понадобится правда, я расскажу им, какой козел на самом деле ты!

Завязался спор. Тяжело вздохнув, рыжая разбойница, которая единственная осталась не представленной, взяла инициативу в свои руки.

– Меня зовут Ариадна Картер, – она протянула руку и уверенно сжала пальцами ладонь Витека, даже не спрашивая его разрешения. – Как вы уже поняли, я дочь Гло, главаря нашей банды. И не спрашивайте меня о том, что заставило меня связаться с парочкой этих дуралеев! Сама не знаю. Они драчуны и болваны, но... с ними здорово! Кстати, старичок, не думай, я на тебя не обижена за твою ловкую выходку. Мне понравилось, как запросто ты меня сделал! Практически на мысленном уровне! Вот только с растениями был перебор. Они такие противные!

– Это были побеги мягкой травы. Ты первая, кто назвал ее противной, – заметил Витек, стараясь, чтобы его голос не звучал сухо и отталкивающе. Рыжая нахалка ему совсем не нравилась. Нет, не такой он представлял себе дочь Гло Картер. Они совсем не похожи.

– Слушай, а ты мне нравишься! – неожиданно заливисто рассмеялась Ариадна. – С тобой интересно поболтать! Ты всегда находишь такие ответы, что потом долго думаешь, подбирая слова для достойного отпора. И драться мне с тобой понравилось. Все эти магические штучки и мгновенная реакция на каждое мое действие... Слушай, а ты бы не мог меня тоже научить паре подобных приемчиков?

– У меня уже есть один ученик, – попытался отвязаться от назойливой девицы Витек.

Я уверена, он не помешает, – нагло заявила та. – У него вид умного эльфа. Даже чересчур.

Ариадна хихикнула, не удержавшись.

– Почему он у тебя такой молчаливый? – задорно спросила она. – Или это ты его запугал? Шаг влево, шаг вправо – наказание, лишнее слово – казнь на месте?

– Я не тиран, – довольно резко откликнулся Витек, как-то сразу помрачнев лицом. Его голос прозвучал очень сурово, не так, как он хотел.

– А похож! – снова хихикнула Ариадна, не обратив внимания на перемену настроения своего собеседника.

После этого она еще пробовала доставать Витека своими нападками, но тот угрюмо отмалчивался. Поняв, что на сегодня ее задача выполнена, Ариадна принялась разнимать двух своих товарищей. Под их крики, ругань и смех мои герои добрались до Развалин.

Глава 7

Развалины представляли собой полуразрушенный каменный замок, по всему периметру заросший кустами дикого шиповника. С четырех сторон его охраняли четыре старых мощных дуба. От замка уцелело три башни: две высокие и одна широкая и маленькая с проломленной крышей. Центральная часть была выполнена очень скромно, без украшений и лепнины. Пара стрельчатых арок служила входом; внутри потрескавшиеся и обломанные мраморные колонны подпирали остатки потолка, несколько щербатых лестниц уводили на верхние этажи трех башен. Отсыревшие, местами поросшие мхом и несъедобными грибами стены изобиловали опасными разломами. Здесь было очень холодно. Тень от деревьев, полностью скрывавшая Развалины от проникновения солнечных лучей, создавала прохладу, которую долго удерживал в себе старый камень.

Место показалось Эруалу мрачным и унылым. Холод закрадывался под одежду, и принц пожалел о том, что утром не надел плащ. Покосившись на Витека, тоже одетого полетнему легко, и который, казалось, совсем не замечал холода, Эруаль подавил тяжелый вздох и решил, что ему не следует роптать.

Идемте в Каминный зал, – пригласил Ник, который после ссоры с товарищами переместился поближе к Эруалу и по-

дальше от них, – там теплее и уютнее. К тому же, скоро подадут обед. Вы, наверное, проголодались.

Эруаль почувствовал, как при слове "обед" тошнота подкатилась к горлу. Он давно ничего не ел и почти забыл, что это такое. Однако, молча проследовал вместе с учителем за тремя разбойниками. Те сразу направились к одной-единственной на весь так называемый "холл" двери. За ней оказалась огромная зала, стены которой были завешаны старенькими выцветшими коврами, а каменные полы чисто подметены. Здесь стоял большой камин, в котором жарко потрескивали поленья, наполняя воздух в зале теплом. Почти все свободное пространство здесь было занято рядами столов и лавок, судя по их ненадежному внешнему виду знававших не одну починку. Из залы наверх уводили две лестницы. Еще один выход загораживала маленькая тонкая дверца.

– Пойдемте к тому столу, что возле камина, – предложила Ариадна. – А то я смотрю, наш прекрасный принц совсем замерз. Не дай бог ему здесь заболеть, нам же потом в вину поставят. Он и так-то не выглядит шибко живучим.

Венсан весело фыркнул и первым направился к предложенному столу, Витек и Ник молча последовали за ним.

– За что вы со мной так? – Эруаль остановил Ариадну прикосновением пальцев к плечу. – Ведь я ничем вас не обидел.

– Я со всеми так. Привыкай! – девушка задорно улыбнулась и, стряхнув его руку, направилась к товарищам.

Не успели пятеро моих героев обустроиться за выбранным Ариадной столом, как зала стала заполняться разбойниками, которые рассаживались группами, каждый со своими приятелями. Мгновенно поднялся шум; смех и громкие радостные крики повисли в воздухе.

– У вас всегда так весело? – спросил Эруаль, протягивая руки к огню. Он сидел почти вплотную к камину и все равно мерз.

– Конечно! Мы же разбойники, вольные люди! Нам на роду написано веселье. Грусть и тоска были изобретены только для вас, принцев, – Ариадна не переставала заливисто смеяться. Любое слово, сказанное молодым эльфом, вызывало у нее ироничную усмешку. Она видела, что он чувствует себя неуютно в столь странной компании, и это тоже забавляло ее. Однако, ей больше нравилось подначивать Витека: он вел себя естественно и спокойно, как свой, и в то же время с достоинством, которое никого бы не могло заставить усомниться в его благородстве. Как несколько лет назад он привлек внимание матери, тогда еще бывшей двенадцатилетней девчонкой, точно так же он теперь будоражил воображение ее двадцатилетней дочери.

– Прекрати к нему цепляться! – не выдержал и вмешался Витек. – Не видишь, ты его смущаешь своей бестактностью!

– Ну да, конечно! Как я могла забыть! Мы же принцы, мы привыкли общаться только с воспитанными благородными принцессочками! – цинично произнесла Ариадна, не скры-

вая яркой белозубой улыбки. – Эй, принц, у тебя уже есть кто-нибудь на примете, а то, может быть, у меня еще есть шанс?

– О, боги! Ну и молодежь пошла! – Витек театрально уронил голову на руки. – Если бы я только знал, что застаю это время, попросил бы кого-нибудь убить меня еще полвека назад!

– А как же я? Я бы многое потеряла в жизни, не встретив тебя! – в притворном разочаровании воскликнула рыжая красавица и, пересев на лавку поближе к Витеку, шаловливо закинула руки ему на шею.

– Фу, Ари, как некрасиво! – недовольно поморщился Венсан. – На глазах у всего народа "клеить" эльфа! Не ты ли когда-то во всеулышание заявляла, что тебя раздражают их длинные уши?

– Такому эльфу они даже идут! – хихикнула девушка.

– Ты бы не могла убрать руки? – улучив момент, когда Ариадна не острила и не смеялась, попросил Витек.

– Ну вот, теперь мы будем играть в недотрогу, – притворно разочарованным голосом протянула разбойница, но руки все-таки убрала. – Ничего, зайка! Я уверена, мы столкнемся.

В это время принесли приборы и еду. Безусловно, она меньше всего походила на чудо кулинарии, – местами пригоревшая, местами недожаренная, и без всяких изысков, которыми изобиловали дворцовые блюда, – но эльфы этого даже

не заметили. Витек спокойно ел, потому что не привык брезговать никакой пищей, Эруаль же, наоборот, даже не притронулся. От витавших в зале запахов жареной курицы и вареной картошки его мутило и, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания, он маленькими глотками пил воду. Вода была родниковая, ледяная, чистая и очень вкусная.

Обед проходил под беспечный смех Ариадны и бандитские байки Венсана. Эруаль заметил, что Витек слушает его с большим интересом. Принц знал, что это и в самом деле волнует его учителя, потому что в свое время он очень живо интересовался бытом и традициями разных слоев населения в разных странах. Он вообще любил наблюдать за повседневной жизнью простого народа.

Не успел обед закончиться, как к столу, за которым разместились мои герои, подошел один из бандитов. Обратившись к Витеку, он произнес:

– Гло хотела бы тебя видеть, когда ты освободишься. Видишь вон ту маленькую дверь? Выйдешь через нее, дальше по коридору, последняя комната слева. Запомнил? Ну, тогда я пошел. Если будут какие-то проблемы, обращайся. Меня зовут Рэй. Бывай!

Бандит удалился в другой конец залы, и там присоединился к своим друзьям.

– Я должен идти! – Витек решительно встал, и на этот раз даже вечно смеющаяся Ариадна, любящая влезать всюду, куда не просят, не стала его останавливать.

Черноволосый эльф уверенным шагом направился к маленькой дверце, которую заприметил еще при входе в Каминную залу. Открыв ее, очутился в длинном коридоре, который, под стать другим помещениям, был холодным и сырым. Витек пошел вперед, и ступал он так тихо, что звуки его шагов не тревожили эхо. Он внимательным взором окидывал испещренные трещинами стены, крошащийся потолок, вот-вот готовый рухнуть на голову, и пол с просевшими шевелящимися под ногами плитами, которые грозили в любой момент провалиться под землю вместе с тем, кто имел неосторожность ступить на них. Витек помнил этот коридор – путь к комнате Гло. Несколько лет назад он часто ходил по нему, желая увидеться с подругой.

"Так мало с тех пор изменилось", – подумал эльф.

Увидев в одной из стен довольно большой разлом, Витек невольно остановился напротив. Затем аккуратно пролез в него и очутился в лесу. Пройдя несколько шагов вперед, эльф остановился рядом с высоким дубом, у подножия которого буйно разрослось растение с мелкими синими цветочками. Наклонившись, Витек сорвал несколько стебельков. Трава охотно давалась ему в руки, ласково обвивалась вокруг его пальцев и запястий, как будто не хотела, чтобы он уходил. Осторожно освободившись от ее ненавязчивой хватки, эльф с небольшим букетиком вернулся к разлому и снова проник в коридор. Пройдя его до конца, легонько толкнул левую дверь и вошел в комнату к подруге.

Помещение было маленьким и неудобным, в нем с трудом помещались кровать и два деревянных стула. Щели в стенах скрывали старые шелковые занавески, на полу лежал круглый узорчатый коврик. Окна с разбитыми стеклами были распахнуты настежь, в стылую комнату с любопытством залетал теплый летний ветерок.

Гло лежала на кровати поверх одеяла и бездумно смотрела в потолок. При виде вошедшего Витека ее губы растянулись в слабой улыбке.

– Почему о тебе как следует не позаботились? – с тревогой спросил эльф, подходя к ложу главарши.

– Как это не позаботились? Мои лекари дали мне какое-то снадобье, чтобы остановить кашель, – попыталась возражать Картер. – Они толковые ребята, хоть с виду полные бездари.

– Я не об этом. Они оставили тебя одну в холодном помещении. Здесь можно и в самом деле простудиться. А тебе нужно постоянно находиться в тепле. И неплохо было бы подумать о сиделке. Не дай бог, что-нибудь случится, а тебе и помочь будет некому.

– Неужели ты будешь моей сиделкой?

– Понадобится – буду. Раз уж ты не можешь заставить своих "детей" как следует позаботиться о тебе.

– Я просто не хочу, чтобы они видели меня слабой. Беспомощный командир быстро теряет авторитет, – Гло отвернулась к стенке, не желая больше выносить обвиняющего взгляда своего друга.

– По-твоему, лучше умереть, но с авторитетом? – недовольно буркнул Витек. На самом деле он не так сердился, как показывал. Он вообще не мог обижаться на эту женщину. Слишком многое их связывало. Слишком много места она занимала в его сердце. – Надеюсь, меня-то ты не стесняешься и позволишь сделать твою конуру немного уютнее. Во-первых, я принес тебе цветы. Тебе полезно вдыхать их аромат. Он не позволит твоей болезни прогрессировать и со временем остановит кашель. Во-вторых, нужно затопить камин. И в-третьих, у тебя всегда должна быть свежая и теплая вода. Она играет не последнюю роль в сохранении жизни и здоровья человека.

Витек оставил Гло цветы и удалился. Вернулся он с подносом, на котором стояли кувшин, чашка с чистой родниковой водой и миска горячего куриного бульона. За неимением в комнате стола, эльф поставил все это на один из стульев и тоном, не терпящим возражений, приказал:

– Ешь!

– Э, нет-нет-нет! – Гло ощутило занервничала. – Чего не хочу, того не хочу. У меня сегодня полное отсутствие аппетита. К тому же, может, похудею на килограммчик-другой. А то мне даже неудобно. Столько лет прошло, ты совсем не изменился, а я постарела, потолстела, пострашнела...

– Это неизбежно для вас, для людей! – резко оборвал ее причитания Витек. – И прекрати капризничать. Я тебя и такую люблю, твои бандиты – тоже. К тому же, вряд ли тебе

очень уж поможет этот сброшенный килограммчик!

– Не люблю я, когда ты такой... правый! – буркнула Гло и, усевшись поудобнее на кровати, принялась наворачивать суп.

Витек в это время взял с подноса кувшин и, поставив его на подоконник, поместил в него цветы. Затем, взяв с каминной полки свечку, от ее тихого пламени поджег поленья в камине.

Вскоре в комнате стало тепло и светло, а воздух пропитался дивным ароматом маленьких скромных синих цветов.

Друзья уютно расположились на кровати и решили, что наконец-то пришло время поговорить.

– Давно с тобой эти жуткие приступы? – спросил у подруги Витек. Его голос был мягок и нежен, а глаза светились состраданием.

"Раньше он никогда так на меня не смотрел и никогда со мной так не разговаривал, – невольно подумалось Гло. – Неужели так много с тех пор изменилось?"

Годков десять, не меньше, – тем не менее, отозвалась она, как всегда, бодрым тоном.

Вспышка боли мелькнула в черных глазах эльфа и тут же погасла. Но женщина заметила. Подумав, она спросила:

– Это плохо, да? Я вижу в твоём зоре смерть. Я скоро умру, да?

– Не говори так! Ты еще меня переживешь, – откликнулся Витек. – Если бы ты прекратила курить свою высококаче-

ственную траву...

– И что бы это дало? – цинично фыркнула старая разбойница. – Сохранило бы мне пару годков жизни про запас? Зачем? Богу хорошо известно, когда каждого из нас необходимо призвать на Небо. И моя судьба в его руках. Захочет, хоть завтра заберет, а захочет – хоть до ста лет мыкаться на этой грешной земле заставит. И тут кури – не кури, а ничего не попишешь.

– Возможно, – как-то механически произнес Витек. – Но ты бы могла облегчить жизнь окружающим. Все твои бандиты, каждый по-своему, беспокоятся о тебе. И твоя дочь, какой бы шубутной и беспечной она ни была, плачет по ночам в подушку, вымаливая у того же самого бога лишнюю пару-тройку деньков твоей жизни. А ты очень плохо выглядишь. Твой болезненный вид и стихийные приступы невольно наводят на них на всех мысли о смерти. И это, безусловно, омрачает их развеселую жизнь.

– Ха! Да что ты понимаешь в нашей жизни! Ты столько лет не видел моих разбойничков! Они совсем распоясались, и мне все чаще кажется, что лучше при жизни отдать руководство Ариадне, а самой тихонько уйти на покой. Кстати, раз уж ты о ней заикнулся. Советую не делать на эту лошадку ставок и быть с ней крайне осторожным. Откуда тебе знать, чем она занимается по ночам? А если скажу – ужаснешься. В ее постели, по-моему, побывал весь Истерский лес. И еще: держи своего мальчика от нее подальше. Не дай бог, она на

него глаз положит. Твой-то сразу в нее влюбился, на лице все написано. Но они друг другу не пара.

– Да знаю я, – Витек досадливо поморщился. – У Эруаля вечно были проблемные вкусы. Но в целом я им доволен.

– Витек, – в глазах Гло появилась тревога, – а ты уверен, что вырастил его добрым, что вложил в него лучшие стороны своей души? Он, конечно, очень скромен и еще так наивен, но его внешность... Я совсем не таким представляла себе младшего принца Эруаля, по которому сходят с ума все эльфийки Лавандины. Он такой худой, и лицо у него неестественно бледное... Витек, это твоя внешность, внешность темного!

– Я уверен в том, что доброта, милосердие и справедливость настолько прочно въелись под корку сознания Эруаля, что могли бы стать его вторыми именами, – решительно отозвался черноволосый эльф. – Я учил его только светлым искусствам. Он таких слов, как "ненависть", "злоба", "предательство" от меня никогда не слышал! Я полностью оградил его от себя как от темного и открыл ему только светлую сторону своей ничтожной души!

– Как ни смирай себя, того, что заложено природой, не изменишь, – почти прошептала Гло. На минуту ей стало страшно находиться рядом с этим эльфом. Его узкое серовато-белое лицо в отблесках каминного пламени казалось зловещей маской, черные блестящие глаза – глазами самого дьявола. Но женщина поспешно отогнала от себя эти недостойные пу-

гающие мысли. Витек давно принял сторону Света, Тьма никогда больше не будет властна над ним. К тому же, это ее друг, старый добрый знакомый. А это о чем-то да говорит.

Гло взглянула в глаза Витека, и ей показалось, что он знает, о чем она думает.

– Витек, – как бы извиняясь за собственное недоверие, тихо проронила она.

– Эрваль – это все, что осталось в моей жизни, – черноволосый эльф опустил голову, пробежав сумрачным взглядом по замысловатому узору на ковре. – Без него она потеряет смысл. Он единственный заставляет меня следовать путем Света, будит в моей душе доброту, отзывчивость и любовь. Если он когда-нибудь оставит меня и уйдет, я не справлюсь с собой. Темные стороны моего существа постоянно дают о себе знать, я снова попаду к ним в плен. А я больше не хочу приносить горе и никому не хочу причинять боль. Я не желаю снова стать темным. Наверное, я кончу жизнь самоубийством. Так будет лучше для всех.

– Неужели мальчик тебе настолько дорог? – удивляясь, прошептала Гло.

– Он мне как сын. Он рос на моих глазах. Ему я отдал все, что у меня было. Разве этого мало, чтобы стать смыслом жизни?

– А что с Лэттис? Вы ведь так любили друг друга!

– Неужели ты не слышала? В свое время об этом говорили на каждом углу.

– Но мы же живем в лесу! До нас может дойти слух о том, что подали на обед Элебруту, и мы можем никогда не узнать, что у него родился четвертый сын. К примеру.

– Мы с ней расстались, – Витек почувствовал, что второй раз за день заставляет кровоточить уже зарубцевавшиеся раны своей души. – Она вышла замуж за короля Эстефании, а я остался на службе у короля Элебрута.

– Как же так? Она предала вашу любовь? – Гло не верила своим ушам.

– Я предал. Я отказался жениться на ней. И не спрашивай меня, почему. Просто отказался. Значит, были причины.

– Хорошо. Если не хочешь об этом, поговорим на другую тему. Расскажи, что привело тебя в Истерский лес? Какое-нибудь важное поручение короля?

– Нет. В этот раз снова изгнание. Я отказался служить Элебруту и ушел из дворца. Эруаль просто увязался следом за мной.

– Почему ты вдруг решил оставить службу? Решил трянуть стариной и пуститься в странствия?

– Поздно уже, – грустно улыбнулся Витек и рассказал подруге о своей ссоре с правителем Лавандины.

– Опять твои проклятые гордость и спесь виноваты! – разгорячилась главарь банды. – Это же было теплое местечко при верном куске хлеба! И только из-за того, что тебя не устроило решение правителя – правителя! – ты покончил с нормальной жизнью! Скажи, тебе хоть есть, где жить?

– Да. Мы остановимся в замке Алых цветков, здесь, в Истерском лесу, – Витек предвидел реакцию своей подруги на его историю, поэтому не стал переживать, что спровоцировал ее гнев. Конечно, Гло нет никакого дела до вражеского принца, она свободна от всяких предрассудков. Да и ему, Витеку, по идее, тоже должно быть все равно, но он не мог остаться равнодушным. Потому что знал: если равнодушные поселятся еще и в его сердце, то Хевингем де' Мортеро, этот бедный ребенок, будет обречен.

– У нас, в лесу? – седые брови Гло взлетели вверх. – Значит, ты всегда будешь у меня под боком? Мои мечты исполняются. Может быть, ты останешься жить у нас, в Развалинах? Мы и принца твоего приедем.

– Боюсь, что Эруаль никогда не сможет привыкнуть к царящей здесь атмосфере, – покачал головой Витек. – А я не хочу его ничем беспокоить. Ты видела, какой он нервный и измученный. Лесной воздух должен пойти ему на пользу.

– Ну, тогда мы будем забегать к вам в гости. Мои ребятки вряд ли теперь так просто от вас отстанут, раз уж вами заинтересовалась Ариадна. Только держитесь! Эта рыжая бестия вас порядком растормошит. Надеюсь, вы не ищете здесь спокойной жизни?

– Уже нет. В любом случае, мы будем рады гостям.

Друзья обменялись улыбками. Печальные темы о смерти и расставаниях иссякли, пришла пора поговорить о приятном.

– У меня есть информация, которая тебя заинтересует, – с

засиявшими глазами неожиданно сообщила Гло и, дождав-шись, пока Витек приподнимет одну бровь, выражая удивле-ние, продолжила: – Ты после моего пятнадцатого дня рож-дения еще хоть раз видел Мариша?

– Этого оболтуса? – хмыкнул черноволосый эльф, но по-явившаяся на его тонких губах улыбка ясно свидетельство-вала о том, что ему было приятно услышать об этом челове-ке. – Я недавно вспоминал его.

– Но ты его видел? – настаивала на своем Гло.

– Лет двадцать-тридцать назад он заходил ко мне. И вид у него был абсолютно сумасшедший. Ему запало в голову из-речение древнего ученого о том, что родиной для благород-ной души служит вся вселенная* и, решив, что его душа до-статочно благородна, бросился скакать по всем странам, вы-искивая, кому бы помочь. Он ведь был солдатом, вот и по-думал, что раз вся вселенная – его родина, а родину нужно защищать, то он как никто подходит на эту роль.

– О! Это было очень давно! – отмахнулась главарша раз-бойников. – Со своей идеей, что весь мир – его Родина, нуж-дающаяся в помощи, он и ко мне прибежал. А я его видела со-всем недавно, месяца два-три назад. Витек, ты не поверишь, его не узнать! Из дерганого вертлявого мальчишки, никогда не сидящего на месте, везде сующего свой нос, и который не в силах совладать со своей обострившейся манией быть абсолютно всем полезным он превратился в такого важного степенного господина. Вид у него, прямо скажем, как у тво-

его короля Элебрута на коронации – такой же величественный и гордый!

– Вероятно, он исполнил свою мечту, раз позволил себе так расфрантиться? – предположил Витек, которого слова подруги и впрямь заинтриговали. В благоразумие Мариша он никогда не верил.

1

– Ты не дослушал, – терпеливо продолжала Гло. – Перемены в его характере и внешнем виде легко объясняются. А теперь держись за что-нибудь покрепче. Он стал главой легендарного Небесного Света!

– Невероятно! – конечно, держаться черноволосый эльф ни за что не стал, но новость действительно стала для него ошеломляющей.

Небесный Свет был самой странной и загадочной организацией в то время. Он появился не так давно и сразу произвел настоящий переполох во всех странах, но в первую очередь в тех, где были развязаны военные действия. Эта организация состояла из двух девушек (суда по слухам, обладавших божественной красотой), в руках которых была сосредоточена неземная, сокрушительная сила. Облаченные в сверхпрочные доспехи, сжимая в руках странного вида волшебные мечи, они с легкостью разделялись с любым противником, вдвоем заменяя собой многотысячное войско.

---

¹ Вольное цитирование высказывания Домокрита: "Мудрый чувствует себя как дома в каждой стране; отечеством для благородной души служит вся вселенная".

Они приносили с собой Победу. Они называли себя Небесный Свет, потому что всегда появлялись из воздуха, а уходили по едва заметной дорожке в небо, пока не скрывались за облаками.

Кто же был их противником? Да любой, кто не был угоден их заказчику. С ними можно было заключить договор, согласно которому они ровно на один бой присоединялись к воинам обратившегося и приносили ему Победу. Обратной стороной такого договора был долг этих необыкновенных девушек в ближайшем времени по собственной воле помочь и другой стороне. И до того момента, пока долг этот не будет исполнен, повторное обращение являлось невозможным. Эффект бумеранга делал сотрудничество с Небесным Светом весьма рискованной авантюрой, поэтому, как бы заманчиво это ни было, к их помощи прибегали крайне редко. Но бывали и такие случаи, когда риск этот себя полностью оправдывал.

И для Гло с Витеком, каждому в свое время, было одинаково странно узнать, что эти самостоятельные, сильные и смелые девушки взяли в свою команду их экспрессивного друга, который больше мешает, чем помогает, да еще сделали его своим командиром.

К поражающему действию этого обстоятельства добавилось еще и то, что Витек сегодня утром как раз вспоминал о Небесном Свете. Он сам хотел заключить с ними договор. Весьма необычного характера.

– Мариш действительно там главный?! – переспросил Витек. – И он приходил к тебе? Сам рассказал?

– Да. Если ты его когда-нибудь увидишь – просто не узнаешь! Он стал настоящим воином, воином с большой буквы, – покивала в ответ Гло.

– А... он не сказал тебе, как с ним связаться? – осторожно спросил черноволосый эльф. Своими планами относительно Небесного Света он не собирался делиться ни с кем, даже со старой верной подругой.

– Оставил где-то текст заклинания-призыва. Витек, а ты что, хочешь прибегнуть к его услугам? – женщина подозрительно посмотрела на товарища. – Я бы тебе не советовала. Ну поможет он с его дамочками Лавандине один разок. А вдруг Кампанела потом извлечет из этого больше выгоды?

– Да нет, я просто хочу поговорить с Маришем, хочу посмотреть, каким он стал и как устроился, – честно глядя в глаза Гло, соврал Витек. И она ему поверила. – Ты бы не могла на досуге поискать это заклинание-призыв? Я был бы тебе очень благодарен.

– Конечно, я поищу, – с готовностью согласилась главарша разбойников.

Она стала вспоминать еще каких-то общих знакомых, и Витек охотно поддерживал беседу. Но говорил он одно, а думал совершенно о другом. В его темной голове окончательно сформировался четкий, жестокий и непростой план. Хитрый и кровавый. И если Кампанела позволит себе попасться

в его, Витека, ловушку, она обречена. Шансов на возмездие у нее уже не будет.

"Пожертвовать малым ради достижения большего. Зря ты говорил мне об этом, Элебрут".

Глава 8

С уходом Витека Ариадна не очень огорчилась, потому что у нее остался второй эльф. Она придвинулась к нему поближе и игривым тоном осведомилась:

– Эруаль, почему ты такой скучный? С твоим учителем было веселее. Расскажи мне что-нибудь из своей дворцовой жизни.

– Что именно вам хочется услышать? – избегая смотреть ей в глаза, уныло уточнил принц.

Ему очень нравилась эта девушка, но он абсолютно не знал, как себя с ней вести. Своей нагловатой раскованностью она ставила его в тупик. На ее вопросы он не находил достойных ответов, если уж быть до конца честной, совсем никаких не находил, и уж тем более не мог так ловко уходить от темы, как это делал его учитель. Поэтому Эруаль предпочитал молчать, отдавшись во власть тяжелых раздумий. В этой комнате не было окон, но принц знал, что близится вечер, а за ним ночь. А значит, ему приснится новый кошмар. Опять он услышит этот страшный Голос.

"И почему его обладатель не хочет показаться мне? Я не знаком ни с одним темным эльфом и все равно его не узнаю. Хотя мне очень интересно, кто он", – досадливо думал Эруаль. Но Ариадна не дала ему надолго забыться.

– Расскажи мне, что привело столь высокопоставленных

особ в наш лес, – предложила девушка. – Или вы проездом в посольство Кампанелы? Мама говорила, что твой учитель не последний человек при дворе... Или про вас правильное говорить "эльф"?

– Все равно. А Витек действительно занимает высокое положение. Он ближайший друг и советник короля. Но... они не ладили, – Эрואлю отчего-то с трудом дались эти слова. Ему было неприятно говорить о дворцовых размолвках. Особенно, если они имели прямое отношение к его учителю. – Они не ладили, и Витек захотел уйти. Почему он выбрал Истерский лес, это его личное дело.

– А почему с ним ушел ты? Глядя на тебя, никогда не скажешь, что ты так легко можешь покинуть семью.

– Потому что я люблю Витека, – Эрואль впервые открыто взглянул в зеленые глаза собеседницы. – Потому что я должен продолжать свое обучение. Потому что без него я бы сошел с ума во дворце. Он, как никто, способен меня понять. Это удивительно, но он способен понять каждого, одновременно с этим не понимая никого.

– Не вижу в этом ничего удивительного! – вмешался Ник. – Ваш учитель производит впечатление эльфа, для которого естественно в одно и то же время заниматься двумя противоречащими друг другу делами. От него за версту веет необычностью и своеволием. Похоже, он знает свое место в жизни.

– Я бы сказал, что он его нашел, – впервые за этот вечер

улыбнулся Эруаль.

– Заметно, что тебе доставляет удовольствие говорить о Витеке, – произнес Венсан. – Он правда такой талантливый учитель?

– Он замечательный!

Трое бандитов переглянулись и рассмеялись.

– Такой наивный!

– Конечно, вам никогда этого не понять! – Эруаль решительно поднялся и, поблагодарив за обед, к которому он даже не притронулся, направился к выходу.

– Эй, ты что, обиделся? – с удивлением и ехидцей крикнула ему вслед Ариадна.

Но принц даже не обернулся. В открытую дверь он вышел в импровизированный "холл" Развалин. Спустившись по выщербленным ступеням, оказался на улице. Вечер уже окутал лес мягкими фиолетовыми сумерками. Тени удлинились, солнце почти полностью скрылось за верхушками деревьев. Эруаль с наслаждением вдохнул благоухающий горько-сладкими ароматами трав воздух. Захотелось спать, но принц поборол в себе это желание.

"А ведь у меня впереди еще полночи! – с тоской подумал молодой эльф. – Полночи жизни призрака. Я так ничего и не рассказал Витеку. Нет, я не должен его тревожить. Если учитель так стремился в этот лес, значит, он рассчитывал обрести здесь покой и душевное равновесие, и я никогда не прощу себе, если посмею их нарушить. Но что мне делать с

Голосом? Я прекрасно понимаю, что не справлюсь с ним в одиночку. Ах, если бы хоть кто-нибудь мог дать мне совет!"

Эльф уселся на нижней ступеньке и, подобрав с земли палочку, стал чертить на лесном песке какие-то узоры. Поглощенный своими мыслями, он не заметил, что с виду бессмысленные завитушки сами собой превратились в профиль Ариадны. Поняв, что нарисовал, Эруаль невольно вздрогнул и хотел уже стереть рисунок, но его ладонь в нерешительности замерла в каком-то дюйме от песка.

"Эта девушка, – подумал он, – в ней есть неуловимый шарм и очарование, милая непосредственность и бестактность, она красива и весела. Мне кажется, я влюбился. Но та ли это любовь, которая была у Витека с Лэттис? Или же это обман, иллюзия, мимолетное увлечение? К тому же, судя по ее поведению, я ей глубоко безразличен. А настоящая любовь всегда взаимна. И мы принадлежим к разным сословиям. Даже если у нас что-то получится, я никогда не добьюсь согласия на брак от отца. Я уже сейчас должен забыть о ней".

Из груди Эруаля вырвался тяжелый вздох.

– Очень красиво, – раздался за его спиной голос Венсана.

Принц вздрогнул от неожиданности; его ладонь уверенно стерла рисунок. Поднявшись, он посмотрел на разбойника и, ощущая необъяснимое чувство вины, прошептал:

– Не говорите никому.

– В этом нет ничего удивительного, – передернул плечами Венсан, впервые с момента их встречи не посмеявшись

над молодым эльфом. – Наша Ари – первая красотка на весь Истерский лес. Увы, она этим набалована. Ты не один здесь, кто очарован ею.

– Значит, у меня совсем нет шансов? – Эруаль сам не понял, почему задал этот вопрос. Ведь он решил выкинуть эту девушку из головы.

– Не хочу тебя огорчать, парень, но ты прав, – криво улыбнулся разбойник. – Она не любит эльфов как таковых, и ты ей сразу не понравился. Наверное, потому что ты еще и принц. Принцы для нее – распоследние создания на земле. Ари съедает обыкновенная зависть. Она знает, что красива и что может увести за собой любого, но ее безумно злит, что ни ее молодость, ни ее привлекательность никогда не смогут сделать из нее богатую королеву. А занимаясь разбоем на дорогах, особо не пошикуешь. Если ты не знаешь, мы отбираем деньги у богатых только для того, чтобы раздавать бедным.

– А на что же вы сами живете, если отдаете все награбленное? – удивился Эруаль.

– Допустим, мы отдаем не все, но, безусловно, большую часть добычи. Иногда нам перепадают продукты и ткани от тех людей и эльфов, дела у которых налаживаются. Немного, но нам хватает.

– Это в качестве благодарности за то, что вы помогли им выпутаться из нищеты?

– Вроде того. Слушай, Эруаль, давай ты уже будешь называть меня на "ты", – не выдержал Корвен. – Мы все свои

люди. Здесь никто не привык, чтобы ему "выкали". Будь по-проще.

– Правила этикета обязывают меня... – раскрыл было рот младший принц Лавандины, но его собеседник бесцеремонно перебил его, не сумев скрыть снисходительных ноток в голосе:

– Ты же имеешь дело с разбойниками! О каком этикете может быть речь?

– Разбойники тоже люди. Наверное, они любят, когда к ним относятся уважительно.

– Мы проявляем уважение несколько иначе. Ты скоро к этому привыкнешь. Ведь вы надолго останетесь в Истерском лесу?

– Я думаю, навсегда. Учитель очень сильно повздорил с моим отцом. По собственному желанию он туда не вернется. А если не вернется учитель, то и я не вернусь. Если только не понадобится при дворе.

– Что же, неплохо. Теперь у банды Гло Картер будут ходить в друзьях два эльфа. К тому же, мага, – улыбнулся Венсан. Его улыбка была открытой и честной и оттого приятной. Она отразилась двумя полумесяцами даже в его сине-зеленых глазах. – Хочешь, я покажу тебе Развалины? Я постараюсь, чтобы экскурсия не показалась тебе скучной.

– Если это вас... тебя не затруднит, – охотно согласился Эруаль.

Человек и эльф вернулись под своды разрушенного зам-

ка. Они прошли через успевшую опустеть Каминную залу и поднялись по одной из трех лестниц на верхний этаж. Там совершенно неожиданно наткнулись на самозабвенно целующихся Ариадну и Ника. Венсан шугнул товарищей, и они, весело расхохотавшись, куда-то убежали. Сам же вместе со своим новым знакомым пошел дальше по коридору, объясняя происхождение каждой трещинки и очередного разлома в стенах. Эруаль внимательно слушал. Ему на самом деле было интересно, и Венсан, заметивший это, почувствовал себя польщенным. Сразу откуда ни возьмись появилось необъяснимое чувство симпатии к этому эльфу.

"А он очень даже ничего, – подумал Корвен, украдкой взглянув на Эруаля. – Пожалуй, могу согласиться с Гло: милый мальчик. Зря я сегодня так грубо повел себя с ним. Но, думаю, сейчас ему мои извинения не нужны".

Недолго терзаясь непривычным для него чувством вины, Венсан провел эльфа в конец коридора, и они снова спустились вниз, но уже по другой лестнице, ведущей в левое крыло замка. Пройдя под аркадой, они завернули за угол. И тут случилось неожиданное. Откуда ни возьмись на Венсана прыгнул огромный серый волк, сваливший разбойника с ног. Упершись огромными когтистыми лапами ему в грудь, зверь принялся вылизывать лицо молодого человека, преданно виляя пушистым хвостом. Эруаль застыл изваянием. Инстинктивно потянувшись за кинжалом, он хотел уже спросить, не нужна ли Корвену помощь, но в последний момент переду-

мал, увидев, что разбойник смеется и, безуспешно пытаясь отвернуть от себя морду волка, бормочет:

– Что ты делаешь? Прекрати! Фу, Догрызок, фу... И откуда ты здесь только взялся?

– Венсан, у тебя все в порядке? – все-таки спросил принц.

– Да, все хорошо, – наконец-то сумев вывернуться из-под громадной туши волка, откликнулся Венсан. Теперь он сидел на холодных плитах пола и ласково чесал зверюгу за ухом. – Это Догрызок, мы все его знаем и любим. Он принадлежит одной нашей знакомой. Кати! Неужели она тоже здесь?

– Догрызок! Догрызок! Куда ты опять убежал, хулиган? – послышался откуда-то со стороны женский крик.

Но Догрызок даже ухом не повел в ответ на призывы хозяйки. Он совсем разомлел, сидя рядом с Венсаном и наслаждаясь его лаской.

– Кати! Мы здесь! – крикнул в потолок разбойник. Эхо далеко разнесло отголоски его слов.

– Венсан! – из-за ближайшей колонны вынырнула девушка. Завидев друга, она с радостным визгом бросилась ему на шею.

Эта сцена вызвала у Эруаля трогательную и нежную улыбку. Ему нравилось, когда друзья так открыто и честно выражали свою искреннюю привязанность. Он любил атмосферу согласия и взаимопонимания. Когда сам он был маленьким, он тоже был готов бросаться на шею Витека, когда тот воз-

вращался из долгих заграничных поездок, но ему, в отличие от этих двоих, всегда приходилось себя сдерживать, потому что он знал, что это не встретит положительного отклика у самого Витека.

Пока друзья захлебывались восклицаниями, как дети, радуясь встрече, Эруаль успел рассмотреть девушку.

Она была очень высокой, ростом с самого Венсана, с абсолютно белой матовой кожей. У нее были прямые длинные черные волосы; красивые, чуть раскосые черные глаза в обрамлении густых ресниц делали ее взгляд волнующе роковым. На девушке было надето короткое черное платье, оставляющее полностью открытыми руки, почти всю грудь и длинные стройные ноги, обутые в крохотные черные туфельки на удобном низком каблуке.

Эруалю никогда раньше не приходилось видеть таких странных нарядов, но даже про себя он не осмелился укорить красавицу за нескромный внешний вид.

– Кати, перестань! Задушишь ведь! – смеялся Венсан.

– Я тебя давно не видела! – Кати с выражением притворного недовольства отодвинулась от друга. – Мне столько всего нужно тебе рассказать!

– Мне тоже. Но это подождет. Не видишь, я не один, – разбойник указал на стоявшего в сторонке Эруаля. – Это наш новый знакомец – младший принц Лавандины Эруаль. Он приехал в Истерский лес вместе со своим наставником Витеком. Увы, его сейчас с нами нет.

– Ой, здравствуйте! – девушка поднялась на ноги с весьма смущенным видом. – Извините, я вас сразу не заметила. Мне очень приятно видеть вас. У меня еще не было ни одного знакомого принца. Меня зовут Катарина Ллотт.

Она протянула Эруалью руку. Молодой эльф легко коснулся ее губами.

– Кати – вампиресса, – как нечто само собой разумеющееся сообщил Венсан и, заметив, какое впечатление произвели его слова на принца, поспешил добавить: – Но на своих она не нападает. А тебя мы теперь тоже относим к своим. Да не бойся ты так!

– Я вас напугала? – всерьез обеспокоилась Катарина, глядя, как резко побледнел ее новый знакомый. – Извините, пожалуйста! Если я вас смущаю, я уйду. Я потом могу зайти к Венсану.

Девушка быстро свистнула Догрызка и направилась к выходу.

– Подождите! – взяв себя в руки, окликнул ее Эруаль. – Я не хотел вас обидеть. Оставайтесь, пожалуйста. Вы окажете мне этим большую честь. Просто... я впервые вижу вампира!

– Я не простой вампир. Я вампиресса! – наставительно поправила Катарина, охотно принимая предложение остаться. – Это значит, что на меня не воздействуют солнечные лучи. Я спокойно могу перемещаться как ночью, так и днем.

Девушка постояла на одном месте, словно что-то вспоми-

ная, затем вернулась к колонне, из-за которой вынырнула в этот коридор, и подобрала ваяющуюся возле нее сумку. Затем уселась между Венсаном и Догрызком и, вытащив из сумки кинжал с изогнутым острым лезвием и рукоятью с затайливыми инкрустациями, протянула его разбойнику.

– Держи. Ты давно хотел себе что-то подобное, – сказала она.

– Спасибо! – Венсан пришел в полный восторг от подарка. Вскочив на ноги, он, даже не целясь, метнул кинжал в ближайшее дерево. Тот полетел, со свистом обогнул ствол, срезав пару тонких нижних веток, и вернулся к хозяину.

– Представляю, как с минимумом риска им будет удобно резать кошельки! – восхищенно воскликнул молодой человек и с благоговейным трепетом коснулся сияющего лезвия губами.

– Ари привезла румяна, а Нику его книжки, – произнесла Катарина.

– А можно спросить, где вы все это достали? – осведомился Эруаль.

– Лавандинские воины напали на кампанельскую повозку, вывозящую из Истерского леса кое-какие ценности покойной королевы Лидии. Я оказалась поблизости и подобрала то небольшое, что осталось после обыска ваших солдат.

Катарина заметила, как в синих глазах Эруаля заплескалась грусть. Слышать о войне ему было больно. Неприятным было также напоминание о том, что Истерский лес, так на-

зываемая "нейтральная территория", по сути дела тоже находился в состоянии войны, только не активной, а пассивной. Он стал жертвой алчности двух соседствующих с ним стран. И Эруалю было больно осознавать, что он принадлежит к одной из этих стран.

Дальнейшее путешествие по Развалинам проходило уже втроем. Катарина согласилась прогуляться в компании своего старого друга и нового знакомого. Осчастливленный Венсан без умолку болтал весь вечер и смог расстаться с товарищами только ближе к полуночи и то потому, что сам утомился. Катарина же с Эруалем готовы были слушать его часами. Будучи вампирессой, девушка не нуждалась в сне, вдобавок к этому, ей хотелось подольше побыть в обществе друга, которого она давно не видела. А Эруалю его болтовня помогала отгонять сонливость. Он понимал, что скоро свалится с ног от усталости, как то уже не раз с ним бывало, но все же отчаянно пытался выиграть у неизбежности еще хоть пару часов бодрствования. Чем ближе и неотвратимее становилось свидание с Голосом, тем больше сердце эльфа наполнялось страхом, тем яснее он понимал, что не хочет больше слышать этих хриплых, каркающих нот.

Однако, Венсан, не знавший о душевных терзаниях своего нового друга, спокойно ушел к себе спать. И Эруаль остался наедине с Катариной. Они сидели в Каминной зале и молча смотрели на то, как угасает пламя в очаге, кожей ощущая наползающий со всех сторон холод. На улице царил тихая

лунная ночь, все разбойники уgomонились и давно заснули каждый в своем углу. В Развалинах только эти двое сверлили уставшими взглядами почерневшие от копоти поленья, словно желали заставить их разгореться снова.

– Почему ты не идешь спать? – спросила Катарина, которая за проведенный вместе с принцем вечер успела привыкнуть к нему и сменить почтительное "вы" на дружеское "ты".

– Я не могу, – Эрваль сам не понял, почему так ответил. Ему следовало сказать "не хочу", но отчего-то именно сейчас он не решился обманывать. Как он знал, все бессонные ночи прекрасно нарисованы у него на лице.

– Неужели ты не идешь спать только из-за того, что хочешь составить мне компанию? – позволила себе предположить девушка.

– Нет. У меня... другие причины.

– Тебя что-то беспокоит, я права? Я вижу в твоих глазах боль и страдание, которые ты старательно прячешь. Я не буду просить тебя рассказать мне о твоих неприятностях. Раз ты до сих пор не поделился этим ни с кем другим, то вряд ли станешь откровенничать со мной.

– Спасибо, – с подлинной благодарностью в голосе откликнулся на ее слова принц.

"Странно! Она понимает меня, – подумал он. – А ведь мы так мало знакомы".

– Первое время, как я стала вампирессой, я очень боялась наступления темноты, – продолжала говорить Катарина.

на. – Ночью инстинкты кровожадной нежити, обитающей во мне, обостряются с небывалой силой. Я сама себя боялась в это время. Весь день я жила в страхе перед наступлением ночи. Я видела свое отражение в зеркале. Я выглядела тогда так же, как ты сейчас. Но со временем я справилась с собой. На смену одним страхам пришли другие. Ночь больше не пугала меня. Меня пугала собственная жестокость. Ведь я убивала людей; чтобы жить, мне были нужны их жизни. И это меня терзало. Я так не хотела быть злой, не хотела, чтобы меня боялись, избегали и ненавидели, – Катарина ошутимо вздрогнула, что заставило Эруалья настороженно покоситься на нее. – Ариадна, Венсан и Ник помогли мне преодолеть этот страх, они доказали мне, что даже с вампиром можно дружить, как с обыкновенным человеком, что вампиров можно НЕ БОЯТЬСЯ. Но даже им не удалось изжить во мне этот страх до конца. Я очень не хочу стать злой. Эруаль, научи меня добру. Я вижу в твоём лице воплощение сострадания и милосердия. Научи меня делать настоящее Добро!

Она посмотрела ему прямо в глаза, и принц выдержал ее взгляд.

– Если бы я сам знал, что такое Добро, – невольно слетело с его губ, и в памяти сами собой всплыли знакомые страшные слова: "Ты – темный. И ты умрешь" ... – Я темный.

– Что, прости? – Катарине показалось, что она ослышалась.

Эруаль сам испугался своих слов. Однако, в этот момент

он решил рассказать ей все.

"Может быть, это тот самый человек, с которым я могу поделиться своими переживаниями без опасения быть непонятым, – подумал он. – Может быть, мне наконец-то станет чуть легче".

И молодой эльф рассказал девушке о своих снах. Она слушала очень внимательно, и ее красивые черные глаза постепенно наполнялись сочувствием.

– Бедный! И как же ты так живешь? – проронила она по истечении его рассказа.

– Так же, как когда-то ты! – грустно улыбнулся Эруаль.

– Но ведь я не испытываю такой потребности во сне, как вы, эльфы! Понятно, почему ты такой измученный и печальный. Но хочешь знать мое мнение? Никакой ты не темный. Этот Голос врет тебе. Он хочет заронить в твою душу зерна сомнения. Он хочет заставить тебя страдать.

– Ты всего лишь несколько часов знакома со мной и уже строишь такие уверенные рассуждения насчет моей святости.

– Да с тобой и знакомым быть не нужно, чтобы понять, что перед тобой воплощение доброты и нравственности. Да нежели ты сам не чувствуешь? Разве в тебе есть ненависть? Разве в тебе есть раздражение? Разве ты злился в своей жизни на кого-то хоть раз? Разве ты перевешивал свою вину на других? Разве есть в тебе гордость от того, что на всю Лавандину ты известен как первый красавец и самый завидный же-

них? Разве твое сердце когда-нибудь грызла жажда власти? Разве ты желал чьей-нибудь смерти? Вспомни, было ли это? Ведь в твоей жизни принца много соблазнов!

– Катарина! Ты говоришь ужасные вещи! – тихонько ахнул Эруаль. – Разве нормальный эльф может вверить свое сердце всем этим порокам?!

– Вот ты сам и опроверг свои слова. Какой ты темный, когда ты даже представить себе не можешь, что такое быть им? – скромно улыбнулась Катарина. – Это позволяет мне сделать вывод, что из тебя получится отличный учитель. Ты лучше кого-либо знаешь, что такое истинное Добро.

– Не знаю. Это меня мало успокаивает. Голос говорил мне, что у него есть какие-то доказательства. Я боюсь, что он опять окажется прав.

– Главное, не позволяй ему поколебать веру в свои идеалы. Они всегда будут маяком в твоей жизни, они помогут тебе справиться с трудностями.

– А что делать с моим страхом?

– Подавлять его.

– Но я не могу! – Эруаль в отчаянии уронил голову на руки. – Я слишком слаб, чтобы заставить Голос замолчать.

– Тогда дай понять, что ему не удастся сломать тебя, и он сам отвяжется, – Катарина легонько коснулась своей маленькой ладошкой руки принца. – Рано отчаиваешься. Пока он не заронил в твое сердце ничего, кроме страха. Как бы странно это ни звучало, но ситуация сейчас под твоим контролем.

Пока ты нужен Голосу. Берегись, как бы не стало наоборот.

– Катарина, – Эруаль вдруг поднял голову, его синие глаза горели безумным огнем, и это очень не понравилось девушке, – ты, кажется, говорила, что долгое время можешь обходиться без сна.

– Ну да.

– Катарина, укуси меня. Я тоже хочу стать вампиром. Тогда Голос не сможет навещать меня так часто. Его влияние постепенно сойдет на нет. Я перестану его бояться.

– Что ты такое говоришь?! Ты в своем уме? Хочешь шататься вечно голодным и пить человеческую кровь?

– Зато я не услышу Голоса!

– Ну, и чем ты станешь отличаться от темного? Так ты хотя бы сидишь и никого не трогаешь. А став вампиром, ты начнешь приносить в мир зло!

– Зато я больше не буду страдать! Любые физические муки лучше душевных!

– Пожалуйста! Катарина, я прошу тебя, умоляю! В конце концов, предлагаю обмен. Ты меня кусаешь, а я берусь учить тебя Добру.

– Но ты станешь злым! Как ты сможешь научить меня Добру?

– Я не стану злым! Я обещаю. Я знаю, что останусь прежним. Только бы больше не слышать Голоса!

– Ну хорошо, – как-то неуверенно произнесла Катарина, чувствуя, что начинает внимать мольбе и муке глаз Эруалья.

Придвинувшись к нему вплотную, девушка обхватила его плечи руками. Затем заставила откинуть голову назад и, прилепившись к сонной артерии, наклонилась к его шее.

– Не смей этого делать! – совершенно неожиданно послышался резкий окрик со стороны.

Волна магической энергии сшибла Катарину с лавки и отбросила на одну из мраморных колонн, подпиравших потолок залы. Девушка потеряла сознание и медленно сползла на пол. Эруаль вскочил на ноги и повернулся в сторону той лестницы, где на верхней ступеньке стоял его учитель. Витек спустился вниз, миновал ряды столов и лавок и решительным шагом приблизился к младшему принцу Лавандины. Коснувшись пальцами его подбородка, повертел его голову из стороны в сторону, осматривая шею.

– Она тебя нигде не поранила? – сурово спросил Витек, тем не менее, оставшийся довольным осмотром.

– Учитель... – только и смог проронить Эруаль, низко опустив голову.

– Мне не нужны твои оправдания. Пошел в комнату! Утром поговорим, – слова полетели в лицо пощечинами.

Не поднимая головы, принц тихо сказал:

– Здесь у меня нет комнаты.

– Займешь любую, которая будет пустовать, – жесткость не исчезла из голоса Витека. Желая поторопить своего провинившегося ученика, он многозначительно указал рукой в сторону той лестницы, откуда спустился, и Эруаль безропот-

но скрылся на ней.

Витек же подошел к вампирессе и, похлопав ее по щекам, привел в сознание.

– Вы... Вы больше не будете драться? – поняв, кто находится перед ней, мгновенно насторожилась Катарина.

– Если ты больше не будешь протягивать свои клыки к шее моего ученика, я не буду драться, – пообещал черноволосый эльф, но голос его звучал не примирительно, а угрожающе. В непроницаемо черных глазах Катарине довелось увидеть всю злобу и ненависть, которые так долго были спрятаны в самых темных глубинах его души.

– Вы Витек? Учитель Эруаля? – догадалась она.

– Приятно познакомиться, – прошипел тот в ответ. – Кто ты, нежить?

– Я Катарина Ллотт, – испуганно прошептала девушка. Она почувствовала, что панически боится этого эльфа. А если он сейчас убьет ее? Эруаль ушел, а все остальные спят. Этого психа некому будет остановить.

– Я запомню, – тем временем бросил Витек.

Выпрямившись, он направился к выходу.

Катарина ошарашено смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся в тени полуразрушенного коридора. Затем позволила себе потереть болевший затылок и облегченно вздохнула.

"Надо же, темный эльф, – подумала она, – а воспитал такого доброго и милого принца. Вот уж странность, каких по-

искать! Надо будет поспрашивать о нем у Венсана, Ари и Ника. Вполне возможно, что это он развлекается по ночам, запугивая своего ученика".

Девушка зевнула, прикрыв рот ладошкой. Свернувшись калачиком возле колонны, она, не испытывая никаких видимых неудобств, заснула прямо на каменном полу.

Глава 9

Варлам д' Аруэ смог вырваться к Виолетте только ночью. Незадолго до полуночи его высокая широкоплечая фигура возникла в дверях ее башни.

– Ты сегодня поздно. Лэмар будет недоволен, – после продолжительного поцелуя заметила женщина.

– Пытался улизнуть незаметно от Хевингема, – откликнулся Варлам. – Он стал очень подозрительным, постоянно лезет мне на глаза и пристает с глупыми вопросами. По-моему, он таким способом пытается следить за мной, чтобы я ничего не успел сделать тайком от него. Честное слово, я был готов задушить его собственными руками!

– Повремени. Вдруг он нам еще пригодится.

Виолетта и Варлам отправились в небольшое путешествие по коридорам, направляясь к комнате с пентаграммой. По дороге наместник сказал своей подруге:

– Виолет, тебе пора появиться при дворе. Ты так редко там бывала последнее время, что о тебе начали забывать. А я очень хочу, чтобы ты попробовала втереться в доверие к Хевингему и отвлекла его внимание от моей персоны.

– Я согласна. Но что будет, если Хевингем заподозрит обман? Мы проиграем?

– Пусть проиграем. Тогда терять уж точно будет нечего, и мы перейдем от увещаний к угрозам.

– Что ж, надеюсь, мальчик сделает правильный выбор.

Они приблизились к нужной им комнате. Уверенной рукой Виолетта распахнула дверь и бесшумно скользнула внутрь. Один из факелов второй раз за этот день поменял место своего нахождения, переместившись из коридора в комнату. Повторилась и сцена с вызовом Лэмара. Заклинание, столб света, красно-белый туман, – и вот в центре пентаграммы уже стояла высокая костлявая фигура темного эльфа. Варлам и Виолетта подошли поближе к границе рисунка, и Лэмар тоже сделал несколько шагов им навстречу.

– Вы поздно меня побеспокоили, – заметил он. – Надеюсь, у вас есть что-то стоящее для меня. Не забывайте, у меня много хлопот с другим принцем.

– У меня есть для тебя кое-что стоящее, – холодно откликнулся на его слова Варлам, которого раздражала манера общения Лэмара: как король со слугами. – И, не побоюсь этого слова, даже важное. У меня появилась неплохая идея, как избавиться от среднего принца Лавандины – Феликса.

– Всего лишь Феликс? Даже не Элспет? Да он простак! – презрительно фыркнул Лэмар.

– Не торопись с выводами. Каким бы простаком Феликс ни казался, на самом деле он самое неподатливое звено во всей цепи. Согласно нашему плану Алые цветки должны умереть в ходе военных действий, чтобы никто не заподозрил нарочного вмешательства Кампанелы. Но Феликс трус, и война его пугает. Его на поле боя не затащишь и сухарем

в голодный год. Скорее всего, когда трон Лавандины достанется ему, он окопается во дворце и носа оттуда не высунет. Это осложнит нам задачу. Поэтому я предлагаю заняться им в первую очередь, пока он не насторожен смертями отца и брата и не обременен властью. Я хочу подставить Феликса, подстроить такую ситуацию, чтобы его убили свои же.

Лэмар с Виолеттой заинтригованно переглянулись, и Варлам понял: его слова достигли своей цели. Он смог привлечь внимание союзников.

– Каким же образом ты собираешься так жестоко поиграть с принцем? – с улыбкой, полной коварства, полюбопытствовал темный эльф. Похоже, он даже забыл, что торопится к Эруалю.

– На южных границах Лавандины стали появляться темные эльфы, – начал издалека Варлам д' Аруэ, – те, кому удалось скрыться от преследования сподвижников Элебрута после его прихода к власти. Поговаривают, что их цель – однажды отпереть двери тюрьмы, где содержатся их опасные сородичи, поэтому они исследуют ближайшие окрестности и выискивают слабые места в охранной системе. Между делом они разоряют дома в деревнях и запугивают мирных жителей. О месте нахождения стоянки одного из таких отрядов стало известно принцу Элспету, и завтра вечером он собирается разогнать сборище этих неудачников. С собой он планирует взять Феликса, исходя из простого расчета: когда трон унаследует сам Элспет, то обязанности по охране порядка

внутри страны перейдут к его младшему брату, а значит, его нужно обучать на практике всем тонкостям этого непростого дела. Поэтому Феликсу хочешь – не хочешь, а придется ехать с братом. Темных там немного, и Элспет уверен в успехе своей вылазки.

Этим мы и воспользуемся. Но мне понадобится помощь Виолет.

Обычно оставшихся в живых после таких облав темных эльфов, прежде чем заточить в пещере, держат запертыми в клетках на дворцовой площади, чтобы поощрить народ выслеживать и сдавать преступников, ну, и в качестве назидания: вот, что случается с теми, кто идет против короны. Попытка освобождения кого-нибудь из пойманных карается смертной казнью, независимо от сословия, возраста, пола и личных заслуг перед королем. Наш принц знает об этом. Но ведь он такой сердобольный! Он же спать спокойно не сможет, осознавая, что по его вине страдают другие, пусть даже темные. Кто-то должен надоумить его освободить их. Я полагаю, что Виолетта прекрасно справится с этой задачей. Она должна будет проникнуть во дворец под видом служанки, в подходящий момент пожалеть принца и убедить его пойти на риск, ведь, совершив столь милосердный поступок, он сможет успокоить свою совесть. Предложи ему свою помощь, если вдруг он проявит нерешительность. В тот момент, когда он будет открывать клетки преступников, его и должны поймать. Вот только все должно выглядеть естественно, чтобы

невозможно было заподозрить, что кто-то приложил к этому руку.

Тут к Виолетте присоединюсь я. Я приеду в Лавандину ближе к ночи, уведу с дворцовой площади стражу и напою ее в ближайшем кабаке. Перед этим Виолет оставит мне в условленном месте записку, где укажет, в котором часу Феликс будет на площади. И, как только он соберется освободить темных, я вытолкаю из кабака на улицу пьяных стражников. Увидев, что кто-то пытается открыть клетки, они поднимут страшный шум, перебудят всю округу и, конечно же, схватят преступника. А когда разглядят, кого схватили, на попятный будет идти уже поздно: к тому моменту вокруг соберется слишком много свидетелей. Элебруту ничего не останется, как казнить собственного сына.

Ну, что скажете?

– Очень неплохо, – первым отреагировал Лэмар. – Вот только что будет, если по каким-то причинам произойдет несовпадение во времени, и дворцовая стража застанет только убегающих темных, а Феликс успеет скрыться?

– Феликса задержит Виолетта. А как только увидит стражников, просто исчезнет, – сказал Варлам, ожидавший нападок со стороны темного эльфа. – Если же я не смогу вовремя выдворить стражу на площадь, и мы все-таки опоздаем, – то и пусть. Мы ничего не теряем.

– А меня беспокоит то, что мне придется показаться во дворце Лавандины, – встревожено произнесла Виолетта. –

Вдруг там меня кто-нибудь вспомнит?

– Не волнуйся, – мягко улыбнулся ей Лэмар. – Я скажу тебе, как изменить внешность с помощью магии. А по возвращении мы вернем тебе твою.

Виолетта признательно улыбнулась в ответ.

– Так вы согласны с моим планом? – уточнил Варлам.

– Да, – сказал Лэмар.

– Да, – кивнула женщина.

– Лэмар, мы также хотим сказать тебе о том, – повернулся к темному эльфу наместник, – что Виолетта после истории с Феликсом будет много времени проводить во дворце, чтобы иметь возможность втереться в доверие к Хевингему. Если ты помнишь, мы договаривались об этом.

Лэмар кинул на Варлама неприятный пронизывающий пронизательный взгляд, откровенно подозревавший, что причиной почти круглосуточного присутствия Виолетты в королевском дворце является не только Хевингем. Но ревность для мужа, которому еще утром официально представили любовника, уже была недопустимой роскошью.

– Будьте с мальчишкой поосторожнее, – только лишь предостерег темный эльф. – Из своей пещеры я смог проникнуть и в его сны. Иногда ему грезится будущее. Я увидел, что очень скоро он встретится с темным... и останется жив. Единственный темный, законно гуляющий на свободе и от которого можно уйти живым, это Витек. Если Хевингем встретится с ним, более того, сможет договориться о под-

держке, он станет в два раза опаснее. Я бы не хотел, чтобы это произошло. Следите за принцем, не позволяйте ему покидать дворец без контроля со стороны верных вам слуг.

– Это будет сложно, но мы постараемся, – Варлам задумался над его словами.

"Этот странный Витек... Всюду он вмешивается. Что за злая шутка судьбы?"

Виолетта еще немного поболтала с мужем на отвлеченные темы, а затем отпустила его. Ее любовник наконец-то смог остаться с ней наедине.

Глава 10

– Доброй ночи тебе, темный. Надеюсь, в моей компании тебе не скучно.

Знакомые хриплые интонации прозвучали из самого темного угла комнаты. Эруалю снилось, что он сидит в маленьком тесном помещении, в котором не было окна, а единственный выход загораживала массивная дубовая дверь без замков и ручки. В помещении был только стол с едва теплившейся свечкой и колченогий табурет, на котором и сидел младший принц Лавандины. Эта скудная обстановка была ему давно знакома и страшно им ненавидима. Комната казалась Эруалю пыточной камерой, из которой не было выхода, а вход с непреодолимой силой затягивал его сюда каждую ночь.

Пристальнее взглядевшись в темноту угла, Эруаль сухо спросил, стараясь унять нарастающую нервную дрожь:

– Кто ты? Почему ты никогда не показываешь своего лица?

– Потому что не хочу тебя пугать, – с хриплым смешком отозвался Голос. – А что касается моего имени, то оно тебе ничего не скажет. Ты был слишком мал, когда оно было известно всей Лавандине. Но если ты так хочешь увидеть меня, я удовлетворю твое любопытство. Но не сегодня. Завтра. Завтра тебе будет жизненно необходимо увидеть мое лицо.

– С чего ты взял? – настороженность звучала в каждом слове принца.

– Я обещал предъявить тебе доказательства того, что ты темный, – сказал Голос. – Но не все сразу. Сегодня мне вряд ли удастся окончательно убедить тебя в своей правоте. Но на завтра я приберегу свой самый сильный аргумент. Именно он потребует от меня показать свое лицо. Надеюсь, я тебя заинтриговал?

– Тебе нравится издеваться надо мной?! – с намечающейся истерикой в голосе воскликнул Эруаль, порывисто вскакивая.

– Что такое? Ты весь дрожишь. Неужели ты меня боишься? – насмешка и цинизм смешались в словах его собеседника.

– Никогда! Никогда ты не добьешься своего! Я не темный! Другие видят это, они продолжают любить меня!

– Другие тебя – да. А ты их? Так же открыто, искренне и доверчиво ты относишься к ним, как раньше? Ты стал молчалив и скрытен, Эруаль. А когда ты что-то держишь в тайне, значит, у тебя есть основания не доверять окружающим. Очень скоро они почувствуют это и начнут так же относиться к тебе. От любви до ненависти один шаг, как ты знаешь. И если порывы святой любви, какой бы крепкой она ни была, лишь на время облагораживают душу (а именно, на то самое время, пока ты любишь), то ненависть прочно оседает на самом дне и даже после своего исчезновения оставляет плодот-

витые ростки. И тебе не спасти свою душу от этого отравляющего чувства, потому что еще ни один темный не спас.

– Другие – пусть! Но я твердо знаю, что моя ненависть никогда не коснется тех, кто мне по-настоящему дорог! Их любовь спасет меня от проникновения того зла, которое несешь мне ты!

– А я вот далеко не так уверен в твоих словах. Заметь, сегодня ты в кои-то веки поссорился со своим учителем, хотя это очень сложно с твоим-то характером и... с твоей любовью к нему. Что, сегодня это спасло тебя от конфликта?

– Это была случайность, – пыл Эруаля как-то сразу угас. Он давно уже не спрашивал своего собеседника, откуда тот все знает о его дневной жизни. Тот имел обыкновение смеяться над такими вопросами и продолжал все знать.

– Кажется, ты обескуражен? – издевка вместо сочувствия закралась в Голос. – Похоже, я сегодня перестарался. Раньше времени огорчил тебя. А ведь ты еще не слышал моих доказательств.

– И слушать не хочу! – в отчаянии воскликнул Эруаль. – Все они фальшивые! Все твои слова – ложь! Хорошо продуманная ложь!

– Какое замечательное слово ты вспомнил! Ложь, – ехидно произнес Голос. – Позволь мне все рассказать тебе. Может, тогда ты вспомнишь еще одно слово – правда.

– Можно подумать, у меня есть выбор!

– Здесь у тебя ничего нет, поэтому не огрызайся. От кого,

если не от меня, ты столько всего услышишь!

– Столько откровенного вранья?

– Столько непреложной истины, – Голос милостиво простил Эруалью и эту дерзость. – Итак, истина номер один. Начнем с твоей одежды...

– Одежды? – искренне удивился Эруаль. – А что с ней не так?

– Когда-то давно у эльфов она имела символическое значение, – охотно принялся пояснять Голос. – Вернее, не столько сама одежда, сколько ее цвет. Эльфы, облаченные в белое, считались светлыми, добрыми, справедливыми. Они никогда никому не вредили. Были эльфы, облаченные в черное. Чтобы тебе было проще понять, это сегодняшние темные эльфы, то есть прирожденные жестокие и коварные убийцы. Но были и эльфы в сером. Они болтались где-то посередине между первыми и вторыми, пока не завершали путь от Света к Тьме. А теперь задумайся, почему ты предпочитаешь серый цвет всем остальным?

Но этот обычай давно устарел! Сейчас все эльфы ходят, в чем заблагорассудится! – принц не сводил пораженного взгляда с темного угла, с которым, по сути, и общался, но не противиться сказанному не мог.

– Однако, это наводит на определенные размышления, правда? – хмыкнул Голос.

– Бред! – каким-то затравленным тоном воскликнул Эруаль.

– Я так и думал, что ты это скажешь. Ну да ладно. А теперь истина номер два. Ты ведь любишь своего учителя Витека?

– Не смей его трогать! Он... Он святой!

– О! И в мыслях не было. До Витека мне не допрыгнуть. Я просто хотел поговорить о нем. Вспомни свое детство. Вспомни первые дни, даже первые годы, когда ты только познакомился и стал часто общаться с ним...

Эруаль невольно вздрогнул.

"Я только сегодня утром вспоминал об этом! – подумал он. – Неужели он... это существо читает мои мысли?!"

Но, видимо, Голос все-таки мыслей не читал, так как не заметил реакции принца на свои слова и как ни в чем не бывало продолжал:

– Вспомни, каким он был на заре вашего знакомства. Он каждый день улыбался, был приветлив, бесконечно терпим, ни по какому поводу не выказывал своего раздражения, да даже просто недовольства! Он был воплощением милосердия и доброты. А что с ним стало теперь? На смену открытости и доброжелательности пришли совершенно другие чувства. Он стал резким, замкнутым и молчаливым, у него так редко бывает хорошее настроение. А уж его веселую улыбку можно получить только в награду за что-то сверхъестественное! Думаешь, почему он стал таким? Потому что все это время он жил бок о бок с темным, то есть с тобой. Близкое общение с такими, как мы, отравляет сознание тех, кто нас окружает, пробуждает в душе самые темные желания и на-

полняет ее самыми страшными пороками. Со временем это начинает проявляться все чаще, и тому эльфу, с которым ты наиболее дружен, становится все труднее устоять на пути Света. Ты толкаешь Витека в пропасть, принц, – Голос чуть было не добавил: "Из которой он с таким трудом однажды уже выбрался", но вовремя сдержался. Для таких откровений время еще не пришло. – Ты несешь Зло!

– Я несу Зло? – эхом повторил Эруаль, но уже в вопросительной форме. – Я причиняю боль Витеку?

– Не только ему, – подлил масла в огонь Голос, – но и всем, кто тебя окружает. Всем, кого ты любишь, и кто так любит тебя. Всем, с кем ты общаешься!

– Как же так? Я не могу... Я не хочу этого!

Со страшным криком Эруаль проснулся.

Глава 11

Слезы безудержным потоком катились по щекам принца Лавандины. Это был тот первый раз, когда он плакал. Обычно ему доставало сил, чтобы сдерживать наплыв горестных чувств. Но сегодня он просто не мог остановиться.

– Нет, – путаясь в словах, беспорядочно шептал он, – нет, я не могу приносить в мир Зло! Нет, только не Витеку, не отцу, не братьям!.. Все это ложь! Обман! ЛОЖЬ!!! – в иступлении закричал принц, стукнув кулаком по матрасу.

В тот же миг он почувствовал, как чьи-то теплые руки тяжело легли ему на плечи, заставляя мигом утихнуть начавшуюся было истерику. Принц испуганно поднял полные слез глаза и столкнулся взглядом с излучавшими мягкий свет участия и сострадания глазами Витека. Спокойная, тихая улыбка слегка оживила его губы.

– Учитель! – с невероятным облегчением прошептал Эруаль и, как в детстве, уткнулся носом в его рубашку. Он почувствовал, как спокойствие и душевное равновесие вместе с чувством глубокой благодарности стремительно возвращаются к нему.

Витек сильнее сжал точеные плечи своего ученика и проронил:

– Эруаль, тебе не пристало плакать из-за таких пустяков, как страшные сны. Это не достойно мужчины. Смотри, что

ты наделал. На улице плохая погода. Небо плачет вместе с тобой. Не жалеешь себя, пожалей хотя бы его. Ему ведь совсем не хочется после вчерашнего ясного и теплого дня проливать сейчас слезы. Дождик многим людям и эльфам портит настроение, вселяя в их сердца уныние.

– Учитель, а ведь вы любите, когда дождь? – заметил Эруаль, поднимая голову и вглядываясь в черную глубь глаз Витека.

– Люблю. Вода – моя стихия. Я люблю ее во всех проявлениях, – не стал отрицать тот. Убрав руки с плеч своего ученика, черноволосый эльф встал и сказал ему: – Приведи себя в порядок. А я принесу тебе завтрак.

Витек, провожаемый панически печальным взглядом Эруаля, вышел из комнаты. Принц боялся оставаться наедине со своими мыслями, поэтому поспешил встать и заняться (впрочем, без особого удовольствия) утренним марафетом.

Видимо, было еще очень рано, и разбойники, любившие гулять допоздна, еще спали, поэтому на Развалинах царили необыкновенные тишина и покой, прерываемые только шорохом капель дождя в густой листве деревьев да свистом ветра, с силой ударявшегося в пыльное потрескавшееся оконное стекло. Непогода пока еще не зверствовала, но явно грозила к вечеру разразиться сильнейшим ливнем.

Когда Витек вернулся, Эруаль был полностью готов и стоял возле окна, глядя на лес. Его бездумный взор был устремлен на лужи, поверхность которых разбегалась нескончае-

мым количеством кругов, едва ее касались длинные холодные капли; на струи дождя, призрачные, тонкие, которые, ударяясь о стекло, разлетались тысячей мелких брызг; на деревья, густая листва которых в отсутствие солнца казалась почти черной; на низкое свинцово-серое небо без проблеска голубизны.

"Такая же свинцово-серая у меня душа, – думал Эруаль, – без проблеска надежды; такие же черные у меня помыслы, которые кажутся мне благородными; такая же призрачная мечта о спасении; так же много кругов в аду, – и все их мне предстоит пройти".

Услышав шаги учителя, принц даже не обернулся.

– В такую рань я ничего не смог раздобыть, кроме стакана воды и пары ломтей хлеба, – произнес Витек, выкладывая все это на стол. – Не обессудь, роскошного завтрака не будет. Мы же в гостях у разбойников.

– Я не хочу есть, – как-то отстраненно откликнулся Эруаль, почувствовав ставшее уже привычным чувство отвращения к пище.

– Что у тебя за меланхоличное настроение, в котором ты постоянно пребываешь? – спросил Витек без тени раздражения упрямым и апатией ученика.

Приблизившись, он встал за его спиной и тоже стал смотреть на лес.

"Я должен сказать, – подумал Эруаль. – Эта пытка больше продолжаться не может. Рано или поздно по моим истерикам

учитель сам обо всем догадается. Но я не могу, черт побери! Признаться в том, что я самостоятельно не смог справиться с каким-то Голосом, значит показать себя учеником, не достойным своего учителя! Не буду же я всю жизнь бегать к нему за помощью. И он не может постоянно принимать за меня решения. Я должен научиться справляться со своими трудностями сам!"

– Мне нечего вам ответить, учитель, – опустив голову, сказал Эруаль. Все демоны, так долго разрывавшие его душу, разом восторжествовали и снова жадно принялись вгрызаться в нее огромными острыми зубами, отрывая себе значительные куски.

"Если он ничего не расскажет мне, я не смогу ему помочь", – печально подумал Витек, видя, как мучается его ученик и с каким трудом даются ему эти обманчиво спокойные слова.

– Учитель, вы до сих пор сердитесь на меня за вчерашнее? – спросил принц и, не выдержав, обернулся. Он хотел видеть лицо наставника.

Холодная беспристрастность с удивительной точностью сохранилась на нем.

– Я хотел бы послушать твои объяснения, – откликнулся Витек.

– Я... не могу объяснить, – выдавил из себя Эруаль, снова уперев взор в каменные плиты пола. – Простите меня. Этого больше не повторится.

– Само собой, – Витек продолжал сверлить взглядом виноватое лицо своего ученика. – Однако, мне хотелось бы узнать причину, которая толкнула тебя на клыки вампирессы.

– Просто... мне было очень плохо.

– Надеюсь, это не из-за Ариадны?

– Ариадна... – Эрваль явственно вздрогнул. – Вы... знаете?

– Все знают. Твои чувства написаны на лице. Ее, кстати, тоже.

– Я знаю, что безразличен ей. Но, прошу вас, не травите мне душу! Позвольте мне просто любить ее! Пусть безответно, пусть безнадежно, но это лучше, чем навсегда убить в себе чувства к этой девушке!

– Как знаешь, – Витек передернул плечами. – Если все же захочешь поговорить, я в твоём распоряжении в любое время дня и ночи.

Развернувшись, черноволосый эльф направился к выходу.

– Учитель! – почти на самом пороге окликнул его Эрваль. Витек обернулся и спокойно взглянул в его лицо, выразив свой вопрос мимолетным движением бровей. – Вы всю ночь просидели со мной?

– Если тебя это действительно волнует, то да.

– Вы не спали из-за меня?

– Это не первая ночь, которую я провожу без сна из-за тебя.

– Вы оберегали меня от Катарины?

– Скорее, от тебя самого.

– Учитель, – не выдержав его взгляда, Эруаль резко отвернулся к окну. Затем, аккуратно подбирая слова, произнес: – Я бы хотел, чтобы мы виделись как можно реже. Только во время занятий и ни минутой больше.

Боль против воли прорвалась в слова принца.

"Если Голос был прав и я действительно темный, – при этом подумал он, – то Витек и в самом деле меняется и страдает по моей вине. Если я ограничу свое общение с ним, то уменьшится и мое влияние на него. Я должен уберечь Витека. Даже от себя самого. Любой ценой".

Наставник же ничего не ответил на эти более чем странные слова. Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. Оставшись один, Эруаль в отчаянии прислонился горячим лбом к прохладному стеклу и закрыл глаза. На длинных черных ресницах его дрожали капельки слез.

Ближе к полудню все разбойники стали стягиваться в Каминную залу на завтрак. В этот раз за столом возле камин сидело только три человека: Гло Картер, Венсан и Витек. Эруаль к завтраку не спустился, и его наставник, не желая вдаваться в подробности утреннего разговора, скупобронил, что принца они могут не ждать. Венсан, в свою очередь, прямо и без всякого стеснения заявил, что когда Ариадна проводит ночь с Ником, в такую рань они обычно не встают, и начинать можно также без них. Услышав это, главарь раз-

бойников переглянулась с черноволосым эльфом, и оба они мысленно возблагодарили Небеса за то, что в это утро легкомысленные слова Венсана не достигли ушей Эруаля.

– Витек, надеюсь, ты не собираешься покинуть мой кров сегодня? – спросила Гло Картер, бодро расправляясь со своей порцией яичницы. Она выглядела заметно лучше, чем вчера. Сухой кашель периодически надрывал ее легкие, но цветы Витека сделали свое дело, и приступы были намного слабее. – На улице жуткий ливень, и с моей стороны было бы просто непростительно отпускать куда-то тебя и твоего мальчика в такую погоду.

– Если ты позволишь, мы останемся еще на один день, – согласился черноволосый эльф. – Я думаю, Эруаль не будет против моего решения.

– Замечательно! – обрадовалась Гло. Затем, лукаво подмигнув старому другу, сказала: – Надеюсь, ты не будешь против съездить со мной вечером... кое-куда. У меня запланирована встреча с главарем еще одной разбойничьей банды. Мы с ним не поделили территорию.

– Будете выяснять отношения? – с безразличием в голосе уточнил Витек. – Тогда зачем там я?

– Ты же прекрасный дипломат! Ты сможешь мне урвать кусок полакомее. Заодно преподашь урок Нику. Он у нас единственный знаток ораторского искусства. Ему надо набираться опыта.

– Хорошо. Я поеду.

– А можно я тоже поеду? – оживился Венсан. – На тот случай, если главарь другой банды окажется несговорчивым!

– Нет, ты останешься здесь. Должен же кто-то заменить меня во время отсутствия, – воспротивилась Гло. Затем она повернулась к Витеку и сказала: – Помнишь, о чем ты меня вчера просил? Я нашла.

С этими словами старая разбойница протянула эльфу аккуратно сложенный листок бумаги светло-голубого цвета. Витек взял. Она оказалась атласной и очень приятной на ощупь. На такой бумаге обычно заключались договора с Небесным Светом. Развернув листок, эльф пробежал по строчкам быстрым взглядом и снова сложил его, как было.

– Благодарю, – он слегка склонил голову. – Ты оказала мне неоценимую услугу.

– Пойдешь сегодня? – коротко уточнила Гло.

– После завтрака.

– Я тебя умоляю, вернись к вечеру.

– Я не меняю данных обещаний.

Венсан переводил изумленный и одновременно настороженный взгляд с главарши на ее друга и чувствовал, что ничего не понимает.

«Надо же! Столько лет прошло, а у них все еще есть свои секреты», – подумал он, и улыбка появилась на его губах.

– Я хотел бы узнать еще кое-что, – тем временем произнес Витек. – Вам знакомо имя Катарина Ллотт?

– Конечно! Кати! Она вернулась вчера вечером! – мгно-

венно оживился Венсан. – Я познакомил с ней твоего ученика! По-моему, они друг другу понравились!

– Даже чересчур, – глаза Витека нехорошо сузились, голос его прозвучал как-то глухо и зло. – Кто она такая и откуда взялась? Расскажите мне.

– Катарина – наша давняя подруга, – принялся объяснять разбойник. – Она вампиресса, но она очень хорошая. Я понимаю, звучит по-детски, но это слово идеально ее характеризует. Конечно, чтобы выжить, ей приходится пить человеческую кровь, но... она редко убивает ради этого. К тому же сейчас, когда между Кампанелой и Лавандиной идет война, ей легче найти пропитание. На полях сражений остается много трупов. Из-за того, что ей постоянно нужна кровь, она испытывает жуткие комплексы. Она не хочет быть злом, она хочет приносить людям радость и счастье. Но, увы, для вампира это невозможно. Так что не удивляйся, если она подойдет к тебе с более чем странной просьбой научить ее добру. Это ее больной вопрос.

– И ничуть не больной вопрос! Это моя проблема, и над ней не стоит смеяться!

Венсан вздрогнул и обернулся. За его спиной стояла Катарина вместе с Догрызком. Она подошла к столу и села рядом с разбойником. Волк, свесив язык, улегся возле ее ног. Судя по его довольной и сытой морде, он с утра уже успел кем-то позавтракать.

– Кати! С возвращением! – улыбнулась вампирессе Гло. –

Мы с тобой еще не виделись. Как ты? Налаживаешь потихоньку свои дела?

– Да. Нашла много интересного. Поездка стоила того, – нервозность проскальзывала в словах Катарины. Было заметно, что она чувствует себя неуютно и все время бросает осторожные взгляды в сторону Витека. Эльф же, наоборот, был само спокойствие и безмятежность.

Обрадованный присутствием молодой девушки, Венсан заметно оживился и принялся развлекать ее веселыми разговорами. Гло же придвинулась поближе к своему другу и тихонько спросила:

– Вы не поладили с Кати?

– Был инцидент, – не стал отрицать тот.

– На более подробное объяснение я, естественно, могу не рассчитывать?

– Конечно.

– Витек, ты всегда был скрытным, но не до такой же степени! Или ты перестал мне доверять? – нахмурилась Гло.

– Если девушка захочет, она все расскажет тебе сама, – Витек, избегая дальнейших расспросов, поднялся. – Извини, я должен идти. Сама знаешь, куда.

Эльф направился в сторону выхода. Некоторое время Катарина нервозно сидела в зале, а затем, ошибочно решив, что Витек ушел из-за нее, без слов вскочила и побежала вслед за ним. Она легко нашла его на веранде под аркой центрального входа. Он стоял и вчитывался в строчки, написанные на голу-

бом листке. Спиной почувствовав чужое присутствие, эльф обернулся.

– Вы избегаете моего общества? Оно вам неприятно? – недовольно крикнула Катарина, даже сквозь шум непогоды непременно желая быть услышанной. Ее глаза сверкали решимостью.

– Не преследуй меня и не пытайся говорить со мной. Мы птицы разных полетов, – откликнулся Витек. – Если ты меня не слушаешь, наживешь себе смертельного врага.

– Но мы должны прояснить ситуацию! Я не хотела зла Эруалю, правда! Он сам меня об этом попросил! Причину я не могу объяснить, иначе я выдам его тайну. Но вы должны верить мне! Мы с Эруалем успели подружиться! Спросите его сами!

Катарина замолчала, а черноволосый эльф так ей ничего и не ответил. Он даже прикрыл свои черные глаза, словно раздумывал над чем-то.

– Ну простите меня! – не выдержала его молчания Катарина. Однако, ее просьба больше была похожа на требование. – Я ошиблась. Но я хотела помочь Эруалю! Он выглядел таким несчастным, что у меня сердце разрывалось на него смотреть! И знаете что? Мне кажется, что он несчастлив именно из-за вас! Вы к нему слишком жестоки!

Черные глаза Витека просто обожгли Катарину убивающим взглядом. Вампиресса порядком струхнула, но от своих слов не отступилась.

– Парень чахнет прямо на глазах! А вы не проявляете никакого участия!.. Ну что вы молчите?! Ответьте мне что-нибудь!

– Какая ты глупая, – горечь сквозила в словах эльфа, тайная печаль сменила выражение гнева в его глазах. – Спроси у Эруаля, кто является лучом света на его жизненном пути, и внимательно послушай, что он ответит. Если бы он считал, что мне безразлична его судьба, разве он поехал бы со мной в Истерский лес? Разве он бы оставил свою семью?

– Так вы все знаете и нарочно не хотите вмешаться? – ахнула девушка.

– Он не просил меня о помощи. Я считаю, что он находится в том возрасте, когда без его позволения я уже не должен вмешиваться в его жизнь. Если он считает, что в состоянии обойтись без меня, пусть будет так. Но своим отказом он связывает меня по рукам и ногам. Что касается тебя, Катарина, то ты никогда не получишь моего прощения. Я бы простил, если бы ты попыталась укусить любого, даже меня самого. Но только не Эруаля. Для меня он важнее жизни. Его спокойствие и счастье для меня превыше собственных. Тот, кто посмеет нарушить их, поплатится жизнью...

Витек мог продолжать говорить, но вынужден был прерваться, так как увидел слезы на глазах Катарины. Опустив голову и хлюпнув носом, она спросила:

– Я никогда не заслужу вашего хорошего отношения? А я так надеялась! Знаете, и Ари, и Ник, и Венсан, и Гло, и

Эруаль, и даже другие разбойники – все они исключительно хорошего мнения о вас! Они видят в вас верного друга, талантливое педагога и благородного эльфа. И... я подумала, что вы-то уж точно сможете научить меня добру!

Слезы ручьем полились по щекам вампирессы. Такого зрелища Витеку видеть еще не приходилось. Ни минуты не раздумывая, он неожиданно сказал:

– Легко!

– Что? – Катарине показалось, что она ослышалась, и она подняла на эльфа мокрые от слез глаза.

– Ты просишь научить тебя добру. Я сделаю это меньше, чем за минуту, – уверенно произнес Витек, подходя к девушке ближе. – Достаточно взглянуть в твое лицо, чтобы понять твой характер. Вот мой совет: продолжай думать так, как ты думаешь сейчас, продолжай говорить так, как ты говорила только что, продолжай действовать так, как ты и действовала до сегодняшнего дня. И тогда никто не посмеет упрекнуть тебя в служении злу.

Обронив эти слова как нечто само собой разумеющееся, Витек вслух прочитал то, что было написано на голубой бумаге, и растворился в воздухе. Катарина даже не успела крикнуть ему: "Подождите!" Его речь была мимолетной и быстрой. Она хорошо ее запомнила, но ничего не поняла. А обратиться с вопросами уже было не к кому.

Глава 12

Эруаль выбрался на улицу окольными путями. Он не хотел показываться в Каминной зале, поэтому предпочел обойти ее боковыми коридорами. Принц сам не знал, что заставило его покинуть комнату. Скорее всего, он просто бежал от своих мыслей, тяжелых и мрачных, которые неизменно начинали преследовать его, как только он оставался один. Раньше он хотя бы мог найти спасение в беседах с наставником, но теперь лишился и этого. Голос методично уничтожал принца Эруаля. Вернее говоря, позволил ему самому себя уничтожить.

Эруаль вышел из холодной темноты Развалин в сырой сумрак леса. Он остановился под коротеньким навесом, который был рассчитан на одного и почти не спасал от дождя. Ежась от каждого прикосновения крупных ледяных капель к коже, принц с наслаждением вдохнул свежий воздух и, любясь торжеством непогоды, окинул долгим грустным взглядом окрестности. Под дубом он совершенно случайно заметил Ариадну. Девушка стояла под проливным дождем и не собиралась от него прятаться. Похоже, ей это нравилось. Она как будто хотела впитать в себя водяные струи, жидким серебром стекавшие по ее лицу, шее, рукам, и вмиг вымочившие одежду. Но даже такая, абсолютно мокрая, в прилипшей к красивому телу рубашке и штанах, она нравилась Эруалю.

Девушка, видимо, почувствовала устремленный на нее пристальный взгляд и обернулась. Увидев эльфа, она приветливо улыбнулась ему и махнула рукой.

– С добрым утром, принц! – весело крикнула разбойница, которой было невдомек, что утро для принца началось несколько часов назад и было очень далеким от доброго. – Принц, ты снова грустный. Взбодрись! Ведь ничего не случилось!

– Да, ты права, – как-то механически согласился с ней Эруаль, спускаясь по ступенькам прямо под проливной дождь. – Ничего не случилось. Пока.

Ариадна неожиданно радостно засмеялась и пошла навстречу эльфу.

– Принц! Ты наконец-то сказал мне "ты"! Это здорово! – воскликнула она, поравнявшись с ним.

– Венсан объяснил мне, что для разбойников это не оскорбительно, – Эруаль почувствовал напряжение, которое каждый раз испытывал, находясь рядом с этой девушкой. Оно появлялось всегда, когда он инстинктивно ожидал очередной шутки или колкости от нее.

– Может быть, прогуляемся вместе? – предложила Ариадна. – Не знаю, как ты, а я люблю дождь. Он мне совсем не мешает. Или принц боится простудиться?

– Меня дождь тоже не беспокоит. Но я не знаю, могу ли принять твое предложение. Боюсь, как бы это не оказалось нечестным по отношению к Нику.

– Ты меня подкальываешь? – брови Ариадны удивленно взлетели вверх, но, взглядевшись в честное и наивное лицо Эруаля, она поняла, что ошиблась. Видимо, он и вправду считал, что она равнодушна к Бетту. Это снова вызвало у девушки веселый смех.

– А что такого я сказал? – искренне удивился принц. – Мне показалось, или вчера вечером вы с ним...

– Было дело, – не отрицала разбойница. – Но Ник-то был вчера. На сегодня у меня другие планы. Можешь не опасаться, в качестве любовника ты в них неходишь. Просто сейчас мне абсолютно нечем заняться, и я хочу развлечься. Так что, ты идешь со мной?

– Хоть на край света!

– Приятно. Но на край света мы не пойдем. Очень далеко. Давай я покажу тебе море Элх. Ведь именно оно так долго является причиной жестокой войны между твоей страной и Кампанелой? Тебе было бы неплохо знать, за что борется твой отец.

– Эта война... Она причиняет мне только боль, – прикрыв глаза, прошептал Эруаль. – Я никогда не видел ее разрушающей силы, но я ее чувствую. Мне страшно представить, сколько эльфов и людей погибают каждый день, по сути дела, ни за что, за какой-то призрачный лес и море, которого они, может быть, и в глаза-то никогда не видели. Мне кто-то говорил, что солдаты больше всех мечтают о мире. Почему же мы вот уже несколько десятилетий не можем обеспечить

им этот мир? Как только я начинаю думать об этом, мне становится очень тяжело.

– Если вдуматься, причины любой войны – самая страшная глупость, которую только можно себе представить, – передернула плечами Ариадна. На нее абсолютно не произвела впечатления полная скорби и горечи речь младшего принца Лавандины. Она была далека от его душевных терзаний.

– Но ведь и вы не можете закрывать глаза на эту войну! – пораженный ее равнодушием, воскликнул Эруаль. – Она не обошла вас стороной! По сути, Истерский лес оказался поделен между Кампанелой и Лавандиной, и вы тоже находитесь на военном положении!

– Ты всерьез полагаешь, что для нас есть разница, под чей гнет мы попадем? – фыркнула Ариадна. – Власть ни одной из этих стран никогда не заменит нам благословенного нейтралитета. Ведь это НАШ лес. Не одно поколение разбойников родилось и выросло тут. Истерский лес для нас – маленькая страна, в которой мы живем и о которой должны заботиться, чтобы получить взамен его дары.

– Что-то не заметно, чтобы вы о нем очень уж заботились! Вы даже не делаете попыток защитить его! Оградить от этой ужасной войны!

– Ты требуешь невозможного, принц. Ты хочешь, чтобы и мы взялись за оружие? Но этим ты обречешь нас на смерть! Нас очень мало, а ты хочешь, чтобы мы противостояли и Кампанеле, и Лавандине! Да от нас вмиг не останется мок-

рого места! К чему нам бессмысленные жертвы? Наши жизни в руках судьбы. Мы целиком и полностью отдаемся на ее волю.

– Иногда судьбе тоже надо указывать на ее место, иначе она возымеет слишком большую власть, – тихо заметил Эруаль.

– Слушай, принц, зачем ты затеял этот спор? – начала горячиться Ариадна. – Хочешь поссориться?

– Нет-нет, как ты могла такое подумать!

– Тогда не будем тратить время на пустую болтовню. Идем к морю. Говорят, вода успокаивает.

Ариадна быстро направилась к кустам, отыскала среди них тропинку и уверенно пошла по ней. Эруаль поспешил следом. Они шли довольно долго и, в основном, молча. За весь путь обменялись только парой незначительных фраз о погоде, природе и дороге в целом. Обычно разговорчивая разбойница теперь молчала. Наверное, боялась поругаться со своим спутником. Что касается Эруаля, то он не настаивал на общении, как всегда, углубившись в свои мысли. Так они вышли к берегу моря. Стоя на крутом обрыве и глядя сверху вниз на простиравшийся у подножия широкий песчаный берег и серебристо-серую чашу воды, Эруаль не смог сдержать своего восхищения и удивления.

Восторг вызывало море. Бескрайнее, величаво несшие свои спокойные, совсем ровные волны к самому горизонту, оно было прозрачно чистым у берега и приобретало тяжелый

свинцовый цвет на глубине. Сейчас небо, такое же свинцовое и неподвижное, полностью сливалось с морем, и над поверхностью воды висел рваный белесый туман.

Удивление вызывало то, что находилось на берегу. Прямо на широком песчаном пляже стояли ровные ряды маленьких грубо сколоченных домиков. Эти домики высоким деревянным забором и кустами шиповника делились на два лагеря: над одним реяли флаги Кампанелы, над другим – Лавандины. Их военные отряды столкнулись даже здесь.

– Что все они делают рядом с морем? – изумленно спросил у своей спутницы Эруаль. Он все еще продолжал стоять в тени деревьев, когда как Ариадна начала спускаться к казармам.

– Принц, а не знаешь! – обернувшись, укорила его девушка. – Таких стоянок полно по всему лесу. Следят друг за другом, чтобы не оккупировали территорию. С одной стороны неудобно: куда ни пойдешь – везде солдаты, а с другой... всегда есть, кого грабить!

Когда они очутились на песчаном берегу, Ариадна уверенной походкой направилась в левую сторону, а вот Эруаль снова заколебался.

– Но там же казармы солдат Кампанелы!

– Ну и что?! – нетерпение, смешанное с раздражением прозвучало в голосе девушки. – Не говори им, что ты из Лавандины, и никто не догадается.

– Но я эльф!

– Ах да, твои уши... Ничем не могу помочь. Тогда иди к своим солдатам, подожди меня там. Или здесь. Где хочешь. А мне позарез нужно на территорию Кампанелы. У меня там свидание.

– Ты надолго? – подозревая, о каком роде свиданий говорит разбойница, поинтересовался принц, одновременно с этим почувствовав, как неприятно защемило сердце.

– Вернусь часа через два-три, – беспечно откликнулась Ариадна. – Да ты не волнуйся! Для меня это недолго! Осмотри пока окрестности, освойся. Помечтай, подумай... Вы, эльфы, это любите.

Сказав это, девушка продолжила свой путь. Постояв немного в замешательстве, Эруаль направился к лавандинским казармам. Почти сразу нарвался на пограничный отряд, но его командир узнал в незваном госте младшего принца, и его пропустили. Сделав еще десяток шагов, эльф оказался в центре повседневной жизни воинов Лавандины.

Три отряда мечников, разбившись на пары, оттачивали свое мастерство. Недалеко от них стояли ряды мишеней, которые лучники постепенно делали все больше похожими на больших ежей. Кто-то ремонтировал пограничный забор. Еще четверо эльфов пытались натянуть над тренировочной площадкой непромокаемый тент. Сжалившись над ними, Эруаль шепнул какое-то заклинание, и ткань, быстро распрямившись, просто повисла в воздухе, полностью закрывая собой серый клочок неба. Обернувшись и узнав свое-

го принца, все четверо поклонились и произнесли слова благодарности.

Эруаль подошел к одному из домов. Все солдаты, которые встречались на его пути, сразу же здоровались и искренне улыбались. Было видно, что потомки Алого цветка не вызывали у своих подданных ненависти. Эруаль вежливо отвечал на их приветствия, но для более продолжительной беседы ни с кем не останавливался. Поднявшись по ступенькам, принц вошел в дом. Помещение, в котором он оказался, было тесно заставлено столами и стульями. Маленькая дверца в углу ввела в кухню, широкая крепкая лестница – на верхние этажи. Здесь никого не было. Несмотря на дождь, никто из солдат не захотел отсиживаться в четырех стенах.

Эруаль медленно прошел между рядами столов и тихонько сел в уголке на один из свободных стульев. Поток мрачных мыслей сразу же захлестнул его. Снова вспомнился Голос.

"Эльфы продолжают любить меня, – думал он, – но люблю ли я их так же искренне и открыто, как мне кажется? Достоин ли я их любви и преданности? Ведь если я темный, я могу только ненавидеть. Но отчего же я так боюсь этого чувства? Оно губит душу. Оно трудноискоренимо. Но ведь для темного оно должно быть естественным!"

Эруаль тяжело вздохнул. О, он бы многое сейчас отдал, чтобы увидеть своего учителя, поговорить с ним, задать несколько вопросов. Витек был мудр и справедлив – не оце-

нимый друг, советник и помощник. Но принц по собственной воле отрекся от него. Теперь только сожаление жило в его душе. И он уже ничего не мог с этим сделать.

Неожиданно тихонько скрипнула дверь. Эруаль поднял глаза, и на мгновение ему показалось, что в помещение заглянуло солнышко. Блестящие рыжие волосы с повисшими на них капельками дождя казались нимбом над головой, белая одежда – одеянием ангелов. Младший принц Лавандины узнал своего брата.

– Феликс! – воскликнул он. Неподдельная радость звучала в его голосе. Похоже, это имя давно привыкло к тому, с каким восторгом его все произносили.

Тот, сначала не заметивший брата, повернулся к нему, и в его желто-оранжевых глазах отразилось такое же счастье.

– Эруаль! Что ты тут делаешь? – Феликс присел за стол напротив младшего принца Лавандины. – Я, конечно, рассчитывал встретиться с тобой в Истерском лесу, но уж никак не здесь.

– Я жду одну мою знакомую, – уклончиво отозвался Эруаль.

– Знакомую? Ты уже завел с кем-то знакомство? – Феликс пару раз удивленно хлопнул светлыми ресницами, а потом понимающе засмеялся. Его смех был тихим и мягким, как будто голубь воркует на окне. – Ах, да! Я совсем забыл! Ты со своей внешностью запросто заводишь знакомства с девушками! Просто... я давно не видел тебя в женском обществе.

– Это моя подруга. И больше ничего.

– Обидно. Я думал, что ты наконец-то влюбился.

Эруаль тяжело вздохнул.

"Если бы все зависело только от меня!" – при этом подумал он.

Феликс заметил, что эта тема не очень приятна его брату и поспешил ее сменить.

– А меня в Истерский лес отправил отец. Я должен узнать состояние дел здесь и подготовить ему отчет. Если бы ты только знал, как это для меня тяжело! Я очень плохо разбираюсь в военном деле, а тут еще какой-то отчет! Да, Эруаль, почему мы живем в такое трудное время? Я так не хочу, чтобы война меня каким-либо образом коснулась!

– Я тоже этого не хочу, – грустно поддакнул эльф. – Но мы уже в нее втянуты.

– Эруаль, вчера... ты так внезапно уехал! – помолчав, произнес Феликс. – Я очень удивился, не увидев тебя во дворце. Когда ты планируешь вернуться?

– Только когда вернется Витек.

– А как же мы? А я? Я буду очень по тебе скучать. Ты единственный, кто так хорошо понимает меня! В твоём обществе я отдыхаю душой. Мне не надо строить из себя сильного, смелого и уверенного в себе эльфа, каким я должен представлять перед другими. С тобой я могу быть настоящим, и при этом рассчитывать не на порицание, а на понимание и поддержку. Я не знаю, как я буду жить без тебя! Я боюсь

погрязнуть в кошмаре дворцовой жизни и стать заложником собственных страхов!

– Не бойся, Феликс! – печально улыбнулся Эруаль, который уже был заложником собственных страхов и сомнений, и потому понимал, как тяжело приходится сейчас сидящему напротив него брату. – Если тебе понадобится мой совет или моя помощь, ты всегда сможешь найти меня в Истерском лесу. Я буду недалеко от тебя.

– Все-таки ты не хочешь вернуться? – грустно посмотрел на младшего брата Феликс, подавив вздох разочарования.

– Не хочу.

– Неужели тебе Витек дороже родной семьи?! Что такого тебе может дать этот эльф, чего не можем дать мы?!

– Ты хорошо знаешь это слово: понимание. Ты со своими печалью и радостями идешь ко мне, а я – к нему. Он для меня то же, что я для тебя. И даже намного больше.

Феликс поднялся, очевидно, собираясь уходить. Его лицо выражало обиду и отчаяние.

– Но мы же родственники! – воскликнул он. – А Витек нам никто! Так, всего лишь один из многочисленных друзей отца!

– Не смей говорить о Витеке в таком тоне! Он самый замечательный эльф из всех, кого я знаю! Уж он бы смотрелся на троне Лавандины лучше всех Алых цветков вместе взятых!

– Ты что-то имеешь против власти нашего отца?!

– Нет. Я просто хочу хоть как-то тебе доказать совершенство моего наставника, хочу опровергнуть твои несправедливые слова.

Феликс отвернулся, как будто ему было очень больно это слышать.

– Извини, – как-то глухо проронил он. – Мне нужно писать отчет. У меня совсем нет времени на разговоры.

И он скрылся на лестнице. Эруаль же и минуты не просидел без своего брата. Его очень быстро замучила совесть за то, что он был слишком резок и груб с Феликсом. Зная, какая чувствительная и ранимая у него душа, можно было догадаться, каким сильным ударом стали для него слова Эруаля. Младший принц Лавандины поспешно вскочил со стула и уже в коридоре догнал брата. Положив ему на плечо свою узкую ладонь, заставил остановиться. Заглянув в полные слез обиды и оттого еще более восхитительные и прекрасные глаза Феликса, Эруаль миролюбивым тоном, в который вложил всю теплоту и мягкость, на какие был способен, предложил:

– Давай я помогу тебе составить отчет?

Глава 13

Витек стоял... Да он сам не знал, где стоял! Вокруг него переливалось всеми возможными небесными оттенками – от бело-голубого до иссиня-черного – необозримое пространство без стен и полов. Ему казалось, что он и впрямь очутился на небе и застыл в невесомости. Тут не было абсолютно ничего, и черноволосый эльф не понимал, куда ему идти и что делать.

Пока Витек осматривался, свыкаясь... не то чтобы с незнакомой обстановкой, скорее, с новой атмосферой, рядом с ним бесшумно материализовались две фигуры. Витек не сразу их заметил, а когда все же обратил внимание, не стесняясь, совершенно открыто принялся их рассматривать.

Это были две девушки – видимо, из них первоначально и состоял Небесный Свет. Они казались безумно похожими, но, в то же время, спутать их было невозможно.

Высокие и стройные, обе обладали абсолютно, неестественно белыми лицами мраморных статуй. Сходство усиливалось за счет без изъяна правильных, тонких, будто выточенных с помощью резца черт лица. Две пары льдисто-голубых, узких, каких-то неживых глаз смотрели прямо на Витека и как будто не видели его. Уголки белых губ были опущены вниз, светлые брови картинно сходились на переносице, что делало лица красавиц неприветливыми и суровыми. Во-

лосы одной имели пепельный оттенок и свободно струились до самой поясицы. У другой они были сияющего золотистого цвета, и она собирала их в высокий хвост на затылке. Вот, пожалуй, и вся между ними разница.

Одевались девушки тоже одинаково: в белые туники и шелковые штаны небесно-голубого цвета, поверх которых были надеты легкие, на вид совсем игрушечные серебристые доспехи.

Обе были хороши какой-то мертвой, холодной красотой, которая сразу же поразила Витека.

– Добро пожаловать в обитель Небесного Света, – звонким голосом сказала одна из девушек. Но в нем не было приветливого приглашения. Наоборот, он звучал механически и безэмоционально. – Позвольте проводить вас к Хозяину.

– Могу я поинтересоваться именами моих прекрасных проводниц? – даже шага не сделав им навстречу, спросил Витек. У него не было оснований для недоверия, но, тем не менее, он хотел узнать о загадочных воительницах хоть немного больше.

– Меня зовут Верлея, – сказала девушка с пепельными волосами.

– Меня зовут Фейха, – откликнулась другая.

Витек, удовлетворенный их искренними ответами, кивнул.

– Вверяю себя в ваши руки, – сказал он.

Девушки встали с двух сторон от него и повели вперед,

как будто под конвоем. Они шли недолго, пока перед их взорами не предстал высокий замок с одной башней, увенчанный шпалеобразной крышей и украшенный стрельчатыми окнами, изящными колоннами и воздушными аркадами. Замок казался легким, парящим. И был он голубого цвета. Внешний вид замка произвел на Витека большое впечатление (такое просто невозможно было создать человеческими руками!), но еще больше его поразило отсутствие стекол в окнах и дверей в проемах. Вероятно, живущему здесь Небесному Свету нечего было опасаться: ни врагов, ни непогоды.

Девушки провели Витека под одной из аркад, которая показалась ему безумно длинной, и, поднявшись по лестнице, остановились возле первой же двери, вернее, пустого проема, потому что, как уже говорилось, дверей здесь нигде не было. Верлея, оставив подругу и их гостя ждать снаружи, перешагнула порог комнаты. Она подошла к креслу с высокой спинкой и что-то сказала сидящему в нем человеку. Так как кресло было повернуто к окну, а не к выходу, и полностью закрывало собой того, кто в нем расположился, то Витек не смог рассмотреть своего друга (а он не сомневался, что его привели именно к нему).

"Интересно, каким он стал?" – невольно подумалось эльфу.

Между тем, Верлея приглашающе манула рукой, и Витек с Фейхой прошли в комнату. Из кресла поднялся высокий мужчина в серебристо-сером плаще и повернулся лицом

к вошедшим. Время сильно изменило этого человека. Витек помнил его тощеньким пронырливым юнцом с узеньким простодушным личиком, безумным благородством в глазах и с вечно растрепанными темными волосами. Сейчас же перед ним стоял красивый сорокалетний мужчина, фигура которого обладала поистине королевской статью, а движения были полны величавой медлительности, как будто он для чего-то копил силы. Лицо стало еще уже, черты – грубее и выразительнее, кожа приобрела оттенок мраморной белизны. Бывшие болотно-зелеными, узкие глаза его посветлели, приближаясь по своему цвету к серо-голубому. В красивые темные волосы закралась заметная преждевременная седина. Строгий, застегнутый на все пуговицы камзол и заправленные за голенища высоких сапог штаны немаркого темно-серого цвета были сшиты точно по фигуре, так, чтобы не стеснять ни единого движения того, кто их носит.

Выглядел давний друг Витека и вправду по-королевски гордо и величаво. Но это не понравилось эльфу, потому что в стоявшем перед ним человеке не осталось ничего от подвижного, вертлявого живчика Мариша Дорвена, которого он так хорошо знал. Приобретенная красота главы Небесного Света была мертвой, как и у Верлеи с Фейхой. Именно это обстоятельство действовало на Витека пугающе.

"Вот, значит, какой ты, Небесный Свет! – подумал про себя черноволосый эльф. – И не живой вовсе, и не мертвый. Так, что-то среднее. Тогда становится понятно, откуда в ва-

ших руках такая мощь. Неземное происхождение, говорите? Ну-ну. Очень даже может быть".

Между тем, бездушный взгляд Мариша приобрел осмысленность. Он взглянул в глаза своего гостя и произнес, как будто угадывал:

– Витек? Неужели ты?

– Я рад, что ты узнал меня, Мариш Дорвен, – Витек даже не улыбнулся.

– Еще бы мне тебя не узнать! За столько лет ты ни капли не изменился! – в беспристрастном голосе главы Небесного Света послышались нотки восклицания, но никто из присутствующих не мог бы с должной уверенностью за это поручиться. Мариш повернулся к девушкам и, чуть приподняв в намеке на улыбку уголки губ, сказал им: – Верлея, Фейха, Витек – мой хороший друг. Вам не следует его опасаться. Относитесь к нему так же, как ко мне.

Мгновенно в облике обеих девушек что-то изменилось. Они как будто почувствовали себя спокойнее, уютнее, на их мертвых губах тоже появились улыбки, в точности копирующие улыбку их хозяина.

– Как ты узнал, кто я и где нахожусь? И откуда у тебя заклинание призыва? – спросил у Витека Мариш, благосклонным взглядом разрешая своим девушкам присутствовать при разговоре.

– Я узнал обо всем от Гло Картер. Ты ведь навещал ее?

В комнате не было другой мебели, кроме кресла, принад-

лежавшего главе Небесного Света, и стола, поэтому все стояли, но, похоже, для этой более чем странной троицы это было совершенно нормально.

– Совсем недавно, – ответил на вопрос друга Дорвен. – Так ты пришел просто поговорить или все же по делу?

– И то, и другое, – откликнулся Витек. – И нам сначала лучше заняться делом, а уже потом предаться пустой болтовне.

– Что ж, сейчас достану бумагу. Условия договора тебе известны, – Мариш нагнулся к верхнему ящичку стола, но последовавшие за этим слова Витека заставили его замереть на месте:

– Ты прав. Условия договора мне известны. Но только мне одному. Потому что их выдвигаете не вы, а я. Я хочу предложить тебе и твоим помощникам любопытную сделку. Ручаюсь головой, такие вам заключать еще не приходилось. Выслушайте меня, а потом уже решайте, будем ли мы подписывать договор. Скрывать не буду, я очень нуждаюсь в вашей помощи.

Мариш медленно разогнулся, перекинулся парой взглядов со своими девушками и, не очень уверенно кивнув, разрешил эльфу продолжать.

Витек был предельно прост и краток. Его условия поколебали мертвые выражения лиц представителей Небесного Света. Прошло не менее пяти минут после того, как смолкли звуки голоса черноволосого эльфа, закончившего свою речь.

Только тогда Мариш наконец-то проронил:

– Витек, но это огромный риск! Заключая с нами такой договор, ты целиком и полностью зависишь от времени и случайностей и ставишь под угрозу жизни тех, кто тебе дорог. Неужели тебе ничего и никого не жаль?

– Для себя я уже все решил, – твердо сказал Витек. – Теперь дело за тобой. Ты заключишь со мной такой договор?

Мариш снова переглянулся с девушками. Те едва заметным движением ресниц выразили ему свое одобрение.

– Мы согласны на твои условия, – после секундного колебания произнес Мариш. – Но я должен тебя предупредить. Ты сам поставил такие условия, при которых никто из нас наперед не знает, когда потребуется наше вмешательство (не говоря уже о том, что оно вообще может никогда не потребоваться). Может статься, что в этот момент мы будем заняты выполнением другого договора. Мы можем не успеть вовремя прийти к тебе.

– Я понимаю. Но я готов рискнуть и заранее снимаю с вас ответственность за провал, – спокойно кивнул Витек.

– На мой взгляд, это очень большой и неоправданный риск.

– Время покажет.

– Витек, если бы ты не был моим другом, я бы сейчас не говорил тебе всего этого. Но, к несчастью, ты мне дорог. И я обязан тебя предупредить.

– Я же уже говорил, что решать только тебе. Для меня все

ясно.

– Я все же хочу кое-что сделать для тебя, – посомневавшись, сказал Мариш. – Но я должен посоветоваться с Верлеей и Фейхой. Ты бы не мог подождать в коридоре?

Витек беспрекословно вышел. Все положенное время он простоял в одной из комнат замка, находящейся достаточно далеко, чтобы невозможно было услышать разговор представителей Небесного Света. Затем Мариш лично пришел за своим другом и проводил в свой кабинет. Девушек в нем уже не было. Видимо, за время его отсутствия они успели уйти. А Дорвен уже протягивал Витеку лист голубой бумаги, на котором были аккуратно записаны условия их договора и стояли две простые подписи.

– Здесь не хватает только твоей, – сказал Мариш. – Не удивляйся, что в договоре их только две. Правом подписи обладают только Верлея и Фейха. Я не имею такого права. Но, прежде чем ты распишешься, я должен тебе кое-что сказать.

Мариш протянул Витеку маленькую, плотно закупоренную колбочку с прозрачной жидкостью, и эльф со словами благодарности принял ее. При этом его черные глаза выразили откровенный вопрос.

– Если настанет время для выполнения нами обязательств договора, а я и девочки по какой-либо причине не сможем прийти, выпей это.

– И что, поможет? – усмешка прозвучала в словах Вите-

ка. – Что-то ты на этот счет немногословен, Мариш. В чем дело, говори. Что со мной будет, если я это выпью?

– Ну уж не отравишься!

– И на том спасибо!

– Эта жидкость сделает из тебя оборотня, волка. Этот волк будет наделен силой, равной силе Небесного Света. Она будет твоей. С ее помощью ты сам осуществишь свой план.

– Но ведь никто не имеет права обладать силой Небесного Света, если... если только он потом не войдет в ваше число! – Витек удивленно посмотрел на друга.

– Не бойся. Ты используешь ее только один раз и все. К тому же, сила будет принадлежать не тебе, а волку, в которого ты превратишься. Если все пойдет хорошо и мы сможем прийти, тогда не пей. Сейчас же колбу оставь у себя, – посоветовал Мариш. – И, конечно же, никому не говори о ее существовании.

– Что-то ты темнишь, Мариш, – эльф недоверчиво посмотрел на друга. – Но я не буду допытываться. Спасибо тебе за оказанную мне честь.

Витек поставил в договоре свою подпись и невольно пожегил от пробежавшей по телу внезапной дрожи.

"Я как будто перечеркиваю всю свою прежнюю жизнь и жизни дорогих мне эльфов!"

Договор остался у Мариша.

Покончив с деловой стороной встречи, друзья принялись говорить о каких-то пустяках и вспоминать прошлое. Одна-

ко, разговор вышел натянутым. Мариш не был до конца искренен с Витеком, Витек – с Маришем, и говорили они, в основном, на нейтральные темы, не касающиеся никого из них. Несмотря на это, визит Витека затянулся до вечера, и он явился на урок к Эруалью с большим опозданием. Дождь к тому времени кончился, и эльфы воспользовались этим, чтобы расположиться на тропинке перед Развалинами.

– Вы очень сильно задержались, учитель, – позволил себе заметить принц. – Признаться честно, я начал волноваться.

– Если я не ошибаюсь, утром ты просил меня ограничить число и время наших встреч, – сухо заметил Витек. – Поэтому, на мой взгляд, тебя не должно удивлять мое опоздание.

Эруаль потупил взор и с силой сжал пальцы в кулаки, чтобы не дать прорваться отчаянию, вновь овладевшему им.

"Он все-таки обиделся! – подумал принц. – Неужели я должен принести в жертву свою дружбу с ним?"

– Давай не будем терять время на выяснение отношений. Если поторопимся, управимся за час.

И Витек, сделав резкий переход в разговоре, принялся объяснять своему ученику особенности перемещения в пространстве. Эруаль быстро усвоил эту тему, и у них еще осталось около четверти часа, чтобы потренироваться в использовании силы четырех стихий. Едва отпущенное им самому себе время истекло, Витек, бросив на прощание сухое "Спокойной ночи!", ни минуты больше не задерживаясь, ушел. Эруаль даже сказать ничего не успел. Подчеркнутая холод-

ность, с которой стал относиться к нему учитель, больно ранила душу.

"Я должен извиниться, сказать, что погорячился", – думал он в тот момент, но не пошел за учителем.

Чтобы разогнать слишком рано подкравшийся сон, Эрваль, как обычно, валясь с ног от усталости, отправился бродить по Развалинам, не переставая думать о своем нелегком положении.

Витек же пришел к Гло, которая как раз собиралась на встречу с главарем конкурирующей банды и давала последние наставления Нику. Черноволосый эльф вошел в ее комнату без приглашения и, прислонившись к подоконнику, взглянул на подругу долгим пронзительным взглядом. Поймав его, Гло все поняла.

– Ты виделся с Маришем? – мгновенно позабыв о Нике, спросила она.

Витек не ответил на вопрос, только выдохнул:

– Как же жизнь жестоко его изменила!

Вместе с этим он почувствовал опустошение и боль. Как будто навсегда потерял старого верного друга. Да, по сути, так оно и было. Ведь прежнего Мариша, веселого, бесшабашного, благородного, безрассудного и простодушного, – такого, каким он его любил, уже никогда не вернешь.

Но ни учитель, ни его ученик, оба мучимые страшными душевными терзаниями, даже и предположить не могли, что самые ужасные страхи этого вечера падут на наивную голову

"солнышка" Феликса, что этой ночью ему будет больше и тяжелее всех.

Глава 14

– Доброй ночи тебе, темный!

Услышав Голос, Эруаль с тихим стоном уронил голову на руки. Опять эта бесконечная пытка! Принцу показалось, что сегодня он заснул раньше обычного. Он не помнил, чтобы добрался до постели. Скорее всего, он упал на пол в каком-нибудь из многочисленных коридоров Развалин и там заснул глубоким усталым сном. Такое с ним часто случалось. Вот только раньше он дотягивал до двух-трех часов ночи, а теперь изможденный организм брал свое. Плохо дело! Если так и дальше будет происходить, время, проведенное в компании Голоса, снова станет увеличиваться.

"А вообще-то, не все ли равно? Много, мало... Я все равно сойду с ума", – с тоской подумал Эруаль. Но эта мысль не принесла облегчения.

– Эй, принц, взбодрись! Сегодня ты услышишь третье доказательство и увидишь мое лицо! Это должно быть для тебя хорошей новостью! – Голос засмеялся.

Эруаль промолчал.

– Ты все равно грустен? Неужели снова нарвался на "комплименты" от Витека?

– Ты добился своего, разлучил нас! Витек обижен на меня!

– Помилуй, я ничего не делал! Это было твое предложе-

ние – оградить его от твоего общества!

– Но ведь я оказываю на него плохое влияние! Как, зная это, я могу продолжать с ним нормально общаться?!

– А я что, виноват в том, что ты оказываешь на него плохое влияние?! Я просто сказал тебе правду. А ты сделал для себя выводы.

– Это был единственно верный вывод!

– Тогда тем более, в чем моя вина?

Простота рассуждений Голоса добила Эруаля, и он взорвался:

– Да ты виноват уже тем, что просто появился на свет! Мерзавец! Ты виноват тем, что влез в мои сны и лишил меня покоя – не только ночью, но еще и днем! Ты лишил меня уверенности и надежды! Ты лишил меня счастья дружбы! Ты сломал мою жизнь и влил в душевные раны столько яда, что я уже никогда от них не оправлюсь! Подлец! Я тебя ненавижу! Будь ты проклят! Дай бог и тебе когда-нибудь изведать то, что сейчас испытываю я!

Странно, но Голос не обиделся. Слова Эруаля не вызвали у него ни гнева, ни раздражения. Голос рассмеялся и поощряющим тоном произнес:

– Bravo, мой друг! Ты говоришь, как настоящий темный. Я слышу из твоих уст столь приятные для меня слова, как ненависть и проклятие, и даже некоторые оскорбления. Да, моя школа не прошла даром! Сегодня ты сполна вознаградил меня за все мои труды.

Эти слова мгновенно лишили Эруалья сил. Голос был прав. Принц сам не знал, что на него нашло, и с чего он вдруг так набросился на своего собеседника. Да, минутная ярость действительно затуманила ему голову.

"Я – темный!"

Эруаль неожиданно так ясно осознал это, что сам ужаснулся очевидности этой истины. Его воля уступала. Доводы Голоса были сильнее доводов веры и рассудка. Сомнение постепенно отравляло душу. У Эруалья уже не оставалось сил для сопротивления, особенно сейчас, когда привычный мир Добра закрыл перед ним двери. Витек отвернулся от него, разрывая священные узы многолетней дружбы; Ариадна оказалась ветреной девушкой, убившей в его сердце надежду на любовь; Феликс разочаровался в нем, как только почувствовал перемены. Мир любви и взаимопонимания вокруг Эруалья рушился, погребая отвергнувшего его принца под своими обломками. А мир тьмы и страха разверз перед ним бездонную пропасть. И, похоже, он уже сделал шаг в нее.

– Принц, ты обо всем подумал? – через некоторое время полюбопытствовал Голос. – Тогда позволь мне произнести третье доказательство того, что ты темный. Как ни больно тебе это слышать, оно касается твоего обожаемого Витека. Твой воспитатель и наставник, друг короля Элебрута, старый приятель достопочтимой Гло Картер и любовь всей жизни прекрасной Лэтгис д' Урф на самом деле темный эльф. Все они об этом давно знают, и только ты до сих пор оставался

в неведении.

– Что?! – в страхе воскликнул Эруаль. – Да ты с ума сошел?! Ты же видел Витека! Он воплощение благородства и доброты! Темные так себя не ведут!

– А как же ты?

– Я не темный!

– Сам посуди. Если ты с детства находился на воспитании у темного эльфа, то разве он мог научить тебя чему-нибудь хорошему? Витек учил тебя темным искусствам, и под его влиянием ты стал таким же, как он!

– Я тебе не верю!

– Сейчас ты изменишь свое мнение.

И Голос наконец-то вышел из мрака угла комнаты, явив принцу свое лицо. Эруаль не стал исключением. Как и на всех людей, заранее не подготовленных к встрече с ним, Лэмар произвел на младшего принца Лавандины ужасающее впечатление одним только черным обликом и жестокой костлявостью. А когда он убрал со свинцово-серого лица волосы, Эруаль с трудом сдержал рвущийся наружу крик.

– Ты видишь, я – темный эльф, – хрипло произнес Лэмар. – У всех темных лица серые, синеватые или чересчур бледные, потому что в их душах содержится очень много зла. Таких лиц, как у меня, больше ни у кого нет. Оно самое темное. Еще бы! Ведь я несколько лет был их владыкой! И лицо твоего Витека – это также лицо темного. Сейчас оно не серое, а так, бледное. Но это потому, что он сбежал. Предал

нас. Однако, ему никогда не удастся отмыться от своего происхождения. Что скажешь, принц? Я тебя убедил?

– Но... этого просто не может быть! – не в силах оторвать взгляда от страшного лица Лэмара, прошептал Эруаль.

Но он больше не мог отрицать его правоту. Он вспомнил свою первую встречу с Витеком, вспомнил, каким некрасивым показалось ему серовато-белое лицо будущего наставника. Лицо темного.

– Витек мне ничего не говорил... – растерянно проронил Эруаль.

– А ты поговори с ним, поставь его перед фактом, – спокойно сказал Лэмар. – Вот увидишь, он не станет увиливать и все тебе расскажет.

– Значит, я – темный? – принц вопросительно взглянул на своего собеседника, и к вопросу щедро примешались отчаяние и боль.

– Витек вырастил из тебя достойного преемника. Он, может быть, и хотел, чтобы ты остался светлым. Но разве может научить добру темный эльф?

– А сбежавший темный эльф?

– А даже он!

Эруаль приуныл. Витек всегда скрывал от него свое происхождение. Но почему он не открыл правду сразу? Тогда бы у маленького принца было право выбора, становиться учеником Витека или нет.

"Странно! Мой отец подпустил ко мне темного эльфа. И

даже разрешил ему меня воспитывать. Почему? – подумал Эруаль. – Неужели он верил Витеку? Но если ему верил папа, значит, и я могу ему верить!"

Последнюю мысль принц, взглянув на Лэмара, счел необходимым повторить вслух.

– Конечно можешь! – уверенно кивнул тот. – Два темных всегда найдут общий язык.

Эруаль тихонько застонал.

– А тут не может быть ошибки? – остатки надежды все еще не исчезали ни из голоса, ни из взгляда принца.

– Такие, как я, редко ошибаются, – философски заметил Лэмар. – Но если все еще сомневаешься, вспомни, что Витек всегда ходит в черном. И сопоставь это с нашим вчерашним разговором о символичности цветов у наших предков. Этого более чем достаточно, чтобы поверить.

Лэмар с удовольствием заметил, что Эруаль больше не сопротивляется его словам, наоборот, ищет у него поддержки и совета. Хотя совсем недавно считал его врагом!

"Что же, так и должно быть, – подумал темный эльф, почувствовав, что все его старания не пропали даром. – Мой план выполнен. Интересно, а как там Вио и д' Аруэ? Удалось ли им подписать смертный приговор среднему принцу? Для младшего-то он уже готов. Думаю, завтра мне все уже будет известно. А пока посижу еще с принцем, найдем, о чем поболтать".

– Прошлой ночью, – неожиданно первым заговорил Эру-

аль, – ты сказал мне, что я, как темный, оказываю плохое влияние на Витека. Но разве такое возможно, если мы оба темные?

– Возможно. Ведь Витек мечтает позабыть прошлое, а ты, по сути, становишься для него напоминанием о нем. Он отживший свое время темный, а ты – свежая кровь, пробуждающая в его душе старые забытые пороки. Зачем ему это нужно, когда лучшие годы жизни остались позади?

– Как это – остались позади?

– Да Витек уже не молод! Ему неплохо задуматься о вечности.

– Хочешь сказать, что Витек скоро умрет?

– Откуда я могу знать, что каждому из нас на роду написано? Я, например, намного старше Витека и до сих пор жив.

– Ты жив? – заинтересовался Эруаль. – Тогда почему ты приходишь ко мне только ночью и только во сне? Почему бы тебе не прийти днем и не поговорить со мной вживую? Не проникать в сознание, а встретиться лицом к лицу?

– Принц, ты тупишь, – заметил Лэмар, присаживаясь на краешек стола и принимаясь играть с затухающим огоньком свечи. – Где ты видел хоть одного темного эльфа, спокойно разгуливающего посреди бела дня? Забыл, что мы почти все заключены в пещеры, а те, кто спасся, вынуждены скрываться? Только тебе, едва ступившему на путь темных, пока нечего опасаться. И то, ровно до того момента, пока твои подданные не поймут, кто из тебя вырос.

– Значит, ты сейчас заключен в пещере? – предположил Эруаль, которого непосредственная близость обретшего плоть Голоса немного страшила. – Ты говорил, что когда-то был их правителем. Значит, тебя не могли оставить на свободе.

– Этого я тебе не скажу, чтобы ты не стал искать меня, – на губах Лэмара появилась хитрая улыбка. Он не считал, что совершил ошибку, показав принцу свое лицо, но тот неожиданно начал проявлять нежелательную любознательность тогда, когда сам Лэмар уже считал его раздавленным и порабощенным.

– Разве я могу быть чем-то для тебя опасен? – брови Эруаля взметнулись вверх. – Ты кажешься очень сильным, а я похож на пешку в твоих руках.

– В шашках пешки выбиваются в дамки, – небрежно обронил Лэмар.

– Ты даруешь мне надежду?! – глаза принца Лавандины вспыхнули двумя топазами. Таким светлым и воодушевленным его лицо давно никто не видел.

– Я бы и рад, да даровать нечего, – притворно развел руками его собеседник. – Ты – темный, и ты осознаешь это. Тебе уже бесполезно бороться с твоей сущностью. Смирись и постарайся уберечь от себя твоих родных и близких. Кажется, тебе этого хотелось?

– Глупости! Витек же смог подавить свою темную природу – и я смогу!

– Думал, что смог. А на самом деле, вырастил тебя, второго темного. И что, помогло это ему? Теперь и ты тоже мучаешься.

Лэмар вдруг соскочил со стола и, тревожно посмотрев куда-то вверх, сказал, что ему пора уходить. Не дожидаясь реакции со стороны принца, он юркнул в самый темный угол.

"Подожди! Я еще не все узнал!" – хотел крикнуть ему Эруаль, но слова так и не прозвучали.

Эльф почувствовал, что просыпается. Никогда еще он с таким нежеланием и сожалением не встречал рассвет.

Глава 15

Эруаль вскочил на ноги с такой быстротой, как будто пол, на котором он проспал всю ночь, был утыкан железными кольями. Мигом определив, какой из коридоров Развалин предоставил ему ночлег, принц помчался разыскивать комнату учителя. Он спешил восстановить мир, но, прежде всего, услышать подтверждение или отрицание слов своего ночного визитера. Поднимаясь по лестнице, ведущей в нужную ему часть Развалин, эльф налетел на Катарину и чуть не сбил девушку с ног. Воспитание заставило принца остановиться, хотя душа его рвалась вперед.

– Эй! – позволила себе возмутиться обиженная вампиресса, с трудом приходя в себя от неожиданной встречи. – Куда ты так несешься?!

– Кати, поверь, мне некогда объяснять тебе причину моего грубого поведения! Разреши, я принесу свои извинения потом? – на одном дыхании выпалил Эруаль.

Девушка с трудом удержалась от изумленного восклица. Действительно, с принцем что-то случилось! Он впервые назвал ее Кати и отказался извиняться! Раньше он делал это так часто, что, казалось, это было его любимое слово!

Хорошо, отложим это на потом. Но... Да подожди ты! – так как Эруаль снова вознамерился удрать, Катарине пришлось схватить его за руку. – Скажи, как прошла эта ночь?

Он не очень сильно изводил тебя? Ты ведь понимаешь, о чем я.

Все замечательно! Спасибо за заботу, – Эрваль силой выдернул свою ладонь и помчался наверх.

Катарина с удивлением и недовольством посмотрела ему вслед и продолжила спускаться.

Эрваль ворвался в комнату своего учителя без стука. Такого с ним тоже раньше не случалось. Витек был у себя. Он стоял у окна и читал книгу. Он был убежден, что так бесцеремонно к нему вторгся кто-то из разбойников и очень удивился, увидев на пороге своего ученика.

– Что-то случилось? – внимательно посмотрел на него Витек, закрывая книгу.

Встретившись со знакомым участливым взглядом черноволосого эльфа, Эрваль на мгновение усомнился в словах Голоса. Разве обладатель таких прекрасных добрых глаз может быть темным? Но затем принц взгляделся в иссиня-белое лицо своего учителя, заметил на нем черную одежду и призраки былых подозрений снова заметались в его душе.

– Витек, – с трудом заставляя себя говорить, произнес Эрваль, – скажите мне правду. Вы темный?

Витек явственно вздрогнул. В его черных глазах мелькнул отталкивающий испуг. Однако, это была лишь мимолетная вспышка растерянности, после которой черноволосый эльф сразу же взял себя в руки, вернув себе спокойный вид.

«Мне нечего бояться, – убедил он себя. – Передо мной –

не враг, а мой собственный ученик. Когда-нибудь он должен был это узнать».

Тем не менее, Витек довольно сухо спросил:

– Кто тебе сказал?

– Неважно. Скажите, вы темный? – продолжал допытываться принц.

– Да.

Несмотря на то, что ответ был очевиден, Эруаля он все равно неприятно поразил. Видимо, в глубине души он до последнего надеялся на отрицание.

– Я ответил на твой вопрос. Ты доволен? – не меняя тона, спросил Витек.

– Я... Я не могу в это поверить! – выдохнул принц, чувствуя небывалое опустошение и отчаяние. "Ты темный... Если ты с детства находился на воспитании у темного эльфа, то разве он мог научить тебя чему-нибудь хорошему?" Эруалю казалось, что мир сходит с ума. Его идеалы искажались, жизненные устои рушились. Стараясь собрать разбегающиеся мысли вместе, принц проронил: – Получается, то, что вы про себя рассказывали, – ложь? Вы лгали мне, Витек!

Для твоего же блага. Видишь, как тяжело ты воспринимаешь некоторые вещи, – черноволосый эльф осторожно присел на стул. Он не доверял этой хрупкой конструкции, оказавшейся волей судьбы в его комнате, но стоять больше не мог. Подобно Эруалю, он чувствовал опустошение, глухую боль и печаль. Жаль было так сильно ранить этого юношу,

но раз он каким-то образом докопался до правды, пусть знает ее всю, до конца. Ему, Витеку, терять было уже нечего. Но вот как после всего услышанного будет чувствовать себя его ученик, сможет ли понять... За это черноволосый эльф поручиться не мог.

– Кто вы? – почти простонал Эруаль, опираясь рукой о стену. – Ведь наверняка не сын бедного мага-лесника, как вы рассказывали мне вчера утром!

– В моем вчерашнем рассказе было много правды. Гораздо больше, чем лжи. Но если тебя интересуют детали моей биографии... Мой отец был темным эльфом, и он был очень сильным магом. Моя мать умерла рано, я совсем не помнил ее. Мы жили на окраине Лавандины в городе темных эльфов. Он находился глубоко в лесу и больше походил на военный лагерь, в котором мы скрывались от преследования воинов царствовавшего тогда Алого цветка. Отец с детства обучал меня темным искусствам в надежде, что я пойду по его стопам и тоже стану сильным магом. Сильным и темным. Не раз мне приходилось вместе с ним и с его лучшим другом оттачивать освоенное мастерство на мирных жителях ближайших деревень. Но мне это было противно. Моя душа отвергала все эти невинные жертвы. Но я терпел, терпел, ради отца. Он был очень стар, и я боялся его обидеть. Однако, вскоре мой отец умер. Опеку надо мной взял его друг – Лэмар. Это был страшный и по-настоящему жестокий эльф! Ему нравилось убивать, казалось, он видел в этом смысл сво-

ей жизни. Я никогда его не любил. Попасть под его влияние – значило навсегда похоронить в себе ростки добра и благо-разумия и навсегда отказаться от выражения своей воли. Я не хотел этого. И тогда я предал сторону Тьмы и обратился к Свету. Именно это обстоятельство заставило меня бросить дом и отправиться скитаться по свету. Все остальное, что я рассказывал тебе, было абсолютной правдой.

– Вы выбрали сторону Света! И... он принял вас? – затаив дыхание, спросил Эруаль.

– Охотно. Свет всегда принимает в свои объятия души раскаявшихся грешников. И так как я давно перестал быть темным, то вряд ли мое страшное прошлое как-то отразилось на тебе. Ты все-таки вырос светлым эльфом.

"Как же он ошибается! – с горечью подумал Эруаль. – Но я не могу винить его в том, что он сделал меня темным. Он ведь хотел как лучше! К тому же, он столькому меня научил! Я слишком люблю и уважаю его, чтобы так просто отвергнуть. Теперь я знаю, что мы оба темные. Мы снова найдем общий язык, между нами больше не будет размолвок. Свет принял Витека, он вытащит из лап Тьмы и меня".

Эруаль думал. Витек неправильно расценил его угрюмое молчание и счел необходимым продолжить разговор:

– Ты вправе проклинать и ненавидеть меня. Ты вправе отвернуться от меня и отказаться от моих уроков. Но в таком случае я тебя не пойму. Большую часть своей жизни я подавлял в себе темные инстинкты и старался делать эльфам толь-

ко добро. И твой отец признал меня своим другом. Он всегда верил мне и полагался на меня, как на самого себя. Он знал, что я темный, но ни разу не усомнился в моей честности и верности. Пойдешь ли ты по его стопам, решать только тебе. Любое твоё решение будет принято мной без порицаний.

Эруаль подошел к Витеку.

– Учитель, – тихо сказал он, протягивая к нему руки раскрытыми ладонями вверх в знак доверия, – я остаюсь с вами. Если вы и темный эльф, то самый замечательный в мире! Вы не внушаете страха. И еще. Нас с вами слишком многое связывает для того, чтобы я мог так просто вас покинуть. Я надеюсь заслужить ваше прощение, так как посмел обидеть вас своей подозрительностью. И я протягиваю вам обе руки, чтобы вы приняли их, если вам будет угодно восстановить со мной прежнюю дружбу и забыть прошлые недоразумения.

К концу речи Эруаля черные глаза Витека все больше наполнялись знакомой принцу мягкостью и теплом, – теми чувствами, которые в последнее время ученик так редко видел во взоре учителя. Безусловно, это был хороший знак.

– Я не держу на тебя зла, – просто ответил черноволосый эльф в ответ на длинную речь Эруаля и вложил свои руки в его в знак взаимного доверия.

Глава 16

Сразу же после завтрака эльфы собрались уезжать в свой замок. Несмотря на то, что после вчерашнего ливня небо все еще было затянуто тучами, признаков ожидания дождя в природе не ощущалось, а если судить по тому, каким сухим и теплым был ветер, растерявший последние остатки сырости, то можно было рассчитывать на ясный вечер. Эльфов вызвался проводить к новому дому Венсан. Он опасался, что на них могут напасть разбойники из других банд, и присутствие рядом с благородными господами Корвена, которого все в Истерском лесу знали в лицо, должно было их отпугнуть.

Итак, распрощавшись с Гло, Ником и Катариной (Ариадну утром никто не видел, и Эруаль, в принципе, мог предположить, где она пропадает), учитель и ученик в сопровождении одного из разбойников отправились в путь. Половину дороги миновали без приключений и вторую половину проехали бы также, если бы на первой же развилке свернули на тропинку, которая как раз вела к замку короля Лавандины. Но на перекрестке возле толстого старого дуба Витек неожиданно остановил коня. Его спутники, удивившись, последовали его примеру. Недалеко, на широкой тропинке, уводившей в противоположную сторону, шестеро разбойников окружили одинокого всадника. Своим прекрасным эль-

фийским зрением Витек разглядел, что угодившим в ловушку всадником был подросток с копной красивых каштановых волос и в одежде, расшитой отличительными знаками королевского дома Кампанелы.

– Это принц Хевингем! – безошибочно угадал черноволосый эльф. – Мы должны помочь ему.

– Я бы на твоём месте не стал вмешиваться, – Венсан предостерегающе положил руку ему на плечо. – У нас, разбойников, действует негласное правило: когда кого-то грабит другая банда – не вмешиваться, потому что это их добыча. Особенно, если они находятся на своей территории. А эти шестеро не нарушали границ. Если ты сейчас вяжешься в драку, я не смогу тебе помочь, потому что рискую навлечь гнев главы этой банды на нашу. А если тебя ещё и убьют, Гло меня выгонит. Своим поступком ты поставишь меня в очень неудобное положение.

– Мне жаль, Венсан, но мой долг – заступиться за него, – качнул головой эльф.

– Какой, к чертовой матери, долг?! – мгновенно вышел из себя разбойник. – На нём крупными буквами написано, что он из Кампанелы! Он – твой потенциальный враг!

– В первую очередь, он – ребенок, по вине моего короля в одночасье оставшийся сиротой! – голос Витека отрезвлял не хуже пощечины, а глаза излучали холодный опасный блеск. – Которого, к тому же, пытаются ограбить!

Не дожидаясь дальнейших пререканий, Витек пустил сво-

его коня в галоп. Одарив Корвена извиняющимся взглядом, Эруаль последовал за учителем. Венсан чертыхнулся, глядя им вслед, и остался дожидаться развязки событий в стороне.

– Оставьте мальчика в покое! Немедленно! – крикнул Витек, наезжая конем на одного из разбойников. Тот не успел увернуться, и его сильно ударило копытами. Со стоном упав на землю, он уже не смог подняться.

Остальные пятеро в мгновение ока обернулись к неизвестно откуда взявшемуся защитнику и почти одновременно метнули в него свои острые короткие кинжалы. Секундой позже Эруаль за спиной учителя сделал едва уловимое движение рукой и сказал какое-то слово, понятное только ему. Вокруг Витека образовалась прозрачная защитная стена, которая не позволила кинжалам достичь своей цели. Воспользовавшись замешательством бандитов, не ожидавших, что столкнутся с магами, черноволосый эльф быстро произнес пару фраз заклинания, и из земли потянулись крепкие упругие стебли какого-то растения. Они в одну секунду сплели прочную клетку вокруг пятерки своих жертв, лишая их как возможности навредить эльфийскому магу, так и возможности сбежать.

Принц Хевингем де' Мортеро, находясь в опасной близости от происходящего, даже и не подумал о том, чтобы воспользоваться случаем и попытаться спасти свою драгоценную шкурку. Он сидел в седле своей смирной лошадки и во все глаза таращился на то, как враги его страны – эльфы, пре-

красно понимая, с кем имеют дело, все-таки, рискуя жизнью, спасают его. В недоверчивую душу принца сразу же заползли нехорошие подозрения. Что, если эти двое вырвали его из лап разбойников только для того, чтобы самим взять в плен? В их понимании это было бы выгодно для Лавандины, ведь они не могли знать, что в Кампанеле за голову принца не дадут и гроша. Варлам д' Аруэ лично об этом позаботится. Он уже установил за ним постоянное наблюдение якобы с целью уберечь его жизнь от возможного покушения до выборов нового короля: ведь если были убиты родители, то, возможно, охота идет за всеми членами королевской семьи. Сегодня Хевингему чудом удалось убежать из дворца не замеченным для многочисленных соглядатаев коварного наместника. Подобного ответного хода принц Варламу дать не мог. Из-за своего паршивого характера единственный отпрыск четы де' Мортеро располагал очень ограниченными людскими ресурсами, готовыми верой и правдой служить ему. В основном, это были старые слуги Мацела и Лидии, которые с молоком матери впитали непреложную истину вечной преданности короне в любых обстоятельствах, но им было не угнаться и, уж тем более, не перехитрить шустрого, алчного и целеустремленного наместника.

Однако, Хевингему казалось, что ответный удар он скоро все-таки подготовит. При дворе снова стала появляться Виолетта Старшайн – красивая неглупая знатная дама, которая откровенно выказывала принцу свое сочувствие и под-

держку. Когда-то давно о ней ходили слухи, что она занимается колдовством. И Хевингему показалась удачной идея разжиться таким знакомством. Против магии Варламу будет намного труднее бороться.

Хевингем видел, что спасшие его эльфы тоже были магами. Поэтому он решил не сопротивляться и не нарываться на конфликт, а осторожно прощупать почву: вдруг за определенную денежную компенсацию они встанут на сторону вражеского принца, чем черт не шутит?

Но Хевингем даже рта раскрыть не успел, как один из эльфов уже взял инициативу в свои руки. Все еще находясь по другую сторону клетки, держащей в заключении разбойников, тщетно пытавшихся перерезать прочные прутья оставшимися у них ножами, черноволосый и бледнолицый, не слезая с коня, поклонился мальчику и, совсем, как Варлам, прямо глядя ему в глаза своими черными пронизательными глазами, которые, казалось, пронзают душу насквозь, весьма учтиво заговорил:

– Для нас большая честь встретиться с вами, принц Хевингем. Позвольте принести вам наши соболезнования по поводу преждевременной кончины ваших добропорядочных родителей. Несмотря на то, что очевидным фактом является совершение этого подлого поступка нашими, лавандинскими, лучниками, не все эльфы считают это обстоятельство благоприятным, и многие склонны скорее сочувствовать вам, нежели злорадствовать. Надеюсь, вашему сердцу

не чужда доброта, и мы сумеем испросить у вас прощение. Если нет, то хотя бы заронить его крупички в вашей душе.

Хевингем почувствовал, что после такой долгой и учтливой (нет, сверхучтливой!) речи у него голова идет кругом. Стараясь не потерять нити размышлений говорившего, принц неожиданно понял, как ему себя вести. Его взгляд забегал по сторонам с удвоенной скоростью, а в болотного цвета глазах против воли появился хитрый блеск.

"Сострадание! Нужно играть на нем, – решил про себя де'Мортеро. – Именно с его помощью я смогу привлечь на свою сторону этих доверчивых глупцов и использовать их в своих целях. Ну, Варлам д'Аруэ, берегись! Уж против трех магов тебе точно не выстоять! Мы накопаем на тебя компромат. А не накопаем – подставим!"

Хевингем уже торжествовал победу. Он остановил свой бегающий взгляд на фигуре Витека, глядя скорее в глаза его лошади, нежели ему самому, и горестно вздохнул. На его ресницах мгновенно заблестели слезы, и он дрожащим голосом пробормотал:

– Вы, вероятно, очень жестоки, раз позволили себе напомнить мне об этом. Смерть родителей для меня большая трагедия, и я бы не хотел вспоминать о ней вместе с теми, кто позволил своим сородичам... совершить такое!

Хевингем настолько расщедрился, что даже печально всхлипнул. В душе же у него все пело и торжествовало. Он был доволен своим актерским талантом, проявившимся сей-

час так кстати. Как застоявшегося в стойле коня, он отпустил свою фантазию на свободу.

– Мне жаль, если я задел вас, – тем временем заговорил Витек. – Мне бы меньше всего хотелось этого, поскольку я могу понять ваши страдания...

Он бы и дальше продолжал заливаться соловьем на эту тему, но Хевингем величественным жестом прервал его, показывая, что он еще не закончил свою предыдущую фразу, и, удовлетворившись молчанием черноволосого эльфа, продолжил:

– Конечно, сейчас я должен не упрекать, а благодарить вас за оказанную мне помощь, – Хевингем кивком указал на присмиривших в клетке разбойников, – но мне тем странно это сделать, что мне помогли враги. Прошу извинить меня за оскорбительные подозрения, но я всерьез опасаясь, что могу попасть из одного плена в другой. Насколько я могу судить по вам, вы – простые честные эльфы. Возьмите в награду золото, что у меня есть, и отпустите меня с миром. Я хочу в одиночестве предаться своему горю.

– Вы унижаете нас своим предложением! – твердо сказал Витек, решительным жестом отвергая протянутый ему кошелек с кампанельскими монетами. – Мы помогли вам совершенно бескорыстно. Если мы, нет, я чем-то задел вас во время нашей скоротечной беседы, покорнейше прошу простить. Ни я, ни мой спутник не станем вас дольше задерживать. Вы вольны продолжить свой путь.

Столь быстрое расставание не устраивало Хевингема, и он поспешно отыскал предлог, чтобы продолжить разговор.

– Но могу я хотя бы узнать имена тех господ, что оказали мне честь, вытащив меня из лап этих гнусных разбойников?! – принц так распалился в момент произнесения своего патетического вопроса-тирэ-восклицания, что даже соизволил на секунду пересечься взглядом с Витеком. Впрочем, тут же отвел глаза в сторону.

Учитель и ученик переглянулись, словно согласуясь, следует ли удовлетворить просьбу мальчика и тем самым разбить его самоуверенное предположение о простом происхождении его спасителей. После минутного колебания Витек все-таки взял слово.

– Безусловно, вы имеете право знать наши имена. Я ближайший друг и советник короля Элебрута Алого цветка – Витек. Также я наставник его младшего сына, которого вы имеете честь лицезреть рядом со мной. Это Эруаль.

– Так я разговариваю с равными себе по статусу? – заинтересовался Хевингем. – В таком случае, позвольте сказать, что я польщен таким знакомством.

– Наши чувства взаимны. Мы не питаем по отношению к вам абсолютно никакой антипатии, – вмешался в разговор Эруаль. – Несмотря на то, что наши страны воюют, я бы хотел, чтобы между нами как между людьми... эльфами... как между личностями оставались дружеские отношения.

– Своим расположением вы окажете мне неоценимую

услугу, – вполне искренне откликнулся Хевингем. На глазах его снова заблестели слезы. – У меня так мало друзей! Почему-то я очень одинок. А после смерти родителей остался совсем один.

– О! Не отчаивайтесь, – глаза Эруаля наполнились состраданием. – У вас впереди долгая жизнь! Она вознаградит вас за все те страдания, что вы испытываете сейчас!

За спинами эльфов послышался цокот копыт, и к ним приблизился Венсан, которому надоело ждать их в стороне. Он сказал, обращаясь непосредственно к Витеку и не выказав никакой реакции по поводу присутствия здесь принца Кампанелы:

– Нам пора уезжать. Сюда едут четыре кампанельских всадника. Они хорошо вооружены и весьма агрессивно настроены. Или вы и с ними хотите подраться?

– Это слуги Варлама д' Аруэ! – побелевшими губами прошептал Хевингем. Притворством здесь и не пахло, он по-настоящему испугался. – Они ищут меня!

Витек с Эруалем переглянулись. Им было знакомо имя наместника Кампанелы. Также они были хорошо осведомлены о его отношениях с маленьким принцем. Поэтому, не дожидаясь предложения со стороны самого Хевингема, Витек быстро распорядился:

– Мы немедленно отправляемся в замок. Принц, ради вашего же блага, поедете с нами.

Хевингем, которому только это было и нужно, мигом со-

гласился, после чего все четверо пустили коней галопом, надеясь скрыться незамеченными от посланников Варлама д' Аруэ. После четверти часа бешеной скачки мои герои остановились перед каменной оградой небольшого строгого замка. Его серые гладкие стены оплетали широкие темно-зеленые листья плюща. Узкие окна и маленькие, увитые ползучим вьюном балконы, немного оживляли фасад.

Массивные железные ворота открылись навстречу всадникам, впуская их в небольшой внутренний двор, вместивший в себе маленький цветущий садик, чистую, посыпанную гравием дорожку и пару фонтанов у крыльца. Оставшись совершенно равнодушными к этой скромной, но все же приятной глазу красоте, четверо моих героев подъехали к самым дверям замка. Только тогда Хевингем смог вздохнуть свободнее и почувствовать себя в относительной безопасности. Уж в эльфийских владениях шпионам вездесущего д' Аруэ взяться неоткуда.

Глава 17

Венсан остался в гостях у эльфов всего на полчаса: ровно столько времени понадобилось его коню, чтобы отдохнуть. Затем, не задерживаясь больше ни минуты, он помчался обратно, на Развалины. Эльфы же, ничуть не стесняясь присутствия кампанельского принца, принялись обустриваться. В замке мгновенно поднялась суета. Витек раздавал слугам какие-то распоряжения, а Эруаль, целиком и полностью взвалив заботы о доме на плечи учителя, вместе с Хевингем отправился осматривать замок, так как младший принц Лавандины хотел вспомнить точное расположение комнат и коридоров, которые в последний раз видел еще будучи подростком. Хевингем увязался с ним за компанию. Но он отчаянно скучал. Планировка и внутреннее убранство замка его нисколько не интересовали и не восхищали. Его душе было чуждо любование красотой. Но он старался не показывать виду, исправно тараща глаза по сторонам в притворном изумлении. На самом деле интерьеры комнат проносились перед его взором, как страницы скучной книги с картинками, надолго не задерживаясь в его памяти, и мысли маленького принца в этот момент были далеко.

"Во дворце уже заметили мою пропажу и теперь ищут повсюду, даже в Истерском лесу. Что ж, может, оно и к лучшему. Пусть Варлам побесится, понервничает. А что, мо-

жет быть, мне продаться Лавандине? Если я сослужу Элебруту хорошую службу и эльфы в одном из сражений подчистую разгромят людей, Кампанела будет захвачена, и тогда я смогу просить передать власть над ней в мои руки. Правда, неудачным обстоятельством будет то, что Элебрут всегда будет стоять выше. Придется отчитываться перед ним за каждый сделанный шаг, что будет очень некстати. Он будет ограничивать свободу моих действий, а если заметит, что я что-то от него скрываю, я окажусь под подозрением. Как же тогда я смогу разбогатеть? Не в результате же честного и справедливого правления Кампанелой! Даже думать об этом смешно".

Эруаль в это время тщетно пытался пробудить в своей душе воспоминания детства и чувство давней привязанности к этому месту. Так же, как и Хевингема, его больше не восхищал замок, и он пустым бессмысленным взором изучал так нравившиеся ему прежде интерьеры комнат. Священного трепета от соприкосновения с прошлым тоже не было. Душа Эруаля, как душа темного, казалась ему мертвой, не восприимчивой к подлинной красоте субстанции. Что ж, по крайней мере, в ней еще осталось немного места для жалости и сострадания, которые принц Лавандины испытывал к идущему рядом с ним принцу Кампанелы; для дружеской привязанности, которую он питал к Витеку и к Катарине (из всех его новых знакомых она оставила в его памяти наиболее заметный след); для любви, которая ураганом ворвалась в его

сердце вместе с прекрасной рыжеволосой разбойницей Ариадной, ветреной и невоспитанной, но такой милой в своей беззастенчивой веселости! Это немного успокаивало Эруаля. Пока эти чувства не покинут его сердца и не перестанут волновать кровь, он не мог считать себя полноценным темным. И это оставляло большое поле для работы его ночному гостю Голосу, а самому Эруалю – лучик надежды на спасение.

Так, погруженные каждый в свои мрачные мысли, два принца обошли весь замок и вернулись обратно к Витеку, в вестибюль. Там уже стоял небольшой стол, накрытый на троих. Обустроившись каждый на своем месте, оба эльфа и принц Кампанелы, не сговариваясь, решили вместо обеда поговорить о делах и волнующих одного из них проблемах.

– Скажите, принц Хевингем, у наместника ваших покойных родителей Варлама д' Аруэ есть личные причины для ненависти к вам или они обусловлены сложившимися условиями конкуренции? – спросил Витек, едва пригубив бокал с вином. Правда, "с вином" – не совсем точное определение. Советник короля Элебрута никогда не пил настоящего крепкого вина, то ли из боязни пристраститься к алкоголю, то ли из желания иметь трезвую голову в любой ситуации. Поэтому его бокал всегда был полон родниковой водой, разбавленной несколькими каплями этого дивного алкогольного напитка.

– Мне кажется, и то, и другое, – Хевингем устало потер

лоб. Он вяло ковырял вилкой в тарелке, не зная, стоит ли набрасываться на еду, демонстрируя отменный аппетит, или же разыграть его отсутствие, вызванное скорбью и тяготами, свалившимися на его детские плечи после смерти родителей. "Какая тактика подойдет для этих господ? Черт их знает! А рисковать, между тем, не хотелось бы". После минутной паузы принц Кампанелы продолжил: – Сколько себя помню, я не ладил с д' Аруэ. Он все время делал что-то за спиной моих родителей, а они ничего не замечали. Они слепо доверяли ему. Надо сказать, что Варлам хорошо скрывал свои происки. Тайная продажа небольших территорий Кампанелы за суммы, являющиеся просто смешными в масштабах страны, но действительно огромными для одного человека; сокрытие обнаруженных новых рудников, доходы с которых шли в его карман; да просто втихую потраченные казенные деньги на личные нужды, – все это так бы и осталось тайной за семью печатями, если бы однажды Варламу не понадобился сообщник и он не имел глупость поделиться своими планами со мной. Он пытался привлечь меня на свою сторону, готов был отдавать мне четверть прибыли (в силу моего небольшого возраста), а со временем и добрую половину, но я не отказался. Потому что не мог предать свою страну. Так получилось, что Варламу пришлось открыть мне свое истинное лицо и навсегда потерять былой авторитет в моих глазах. Тогда я был слишком мал, чтобы догадаться использовать полученную информацию против д' Аруэ. Наверное, поэто-

му остался жив. Я не понимал, какие выгоды могу извлечь, не понимал, что Варлам, по сути, дался мне в руки. Я все оставил, как есть, и никому ничего не рассказал, потому что посчитал, что взрослые сами между собой разберутся. Спустя годы я в полной мере осознал свою ошибку, но было уже слишком поздно. Моя информация устарела, а Варлам уже давно проворачивал новые махинации. С тех пор мы с ним не ладим. А тут еще и сама судьба посмеялась: столкнула наши интересы вплотную. Теперь ставки безмерно высоки. Это не просто конкуренция – между нами борьба не на жизнь, а на смерть, потому что никто из нас, проиграв, не сможет жить под гнетом другого. Мы либо покончим с собой, либо нас убьют. И, кажется, Варлам крепко вцепился в пустующий трон Кампанелы. Признаюсь честно, он очень сильный соперник, и мне почти нечего противопоставить ему. Но мне горестно не столько за себя, сколько за народ Кампанелы. Он, как и я, окажется бессилён перед произволом д' Аруэ. И если я всего лишь потеряю право на трон да свою глупую жизнь, то миллионы людей потеряют надежду на спокойное существование.

Хевингем договорил. Вдохновленный ложью своих последних слов, он даже всплакнул, мимоходом смахивая набежавшие слезы. Эруаль молчал. Он сидел в оцепенении от рассказа Хевингема, от его философского подхода к жизни, от его осведомленности о всех перипетиях дворцовой жизни правителей Кампанелы. Даже сам Эруаль не мог похвастать,

что знает все политические планы отца и тонкости его расчетов. А тут подросток, несовершеннолетний мальчишка, выдает речи, которые подчас не властны произнести опытные правители!

"И это знаменитый своим сумасшествием принц Хевингем де' Мортеро?! – с удивлением думал он про себя. – Ничего себе! Честное слово, если бы не слышал всего своими ушами, никогда бы не поверил!"

Витек же был более чем спокоен. Рассудительность малолетнего принца Кампанелы ничуть не удивила его, наоборот, дала возможность почувствовать себя с ним на равных. Это значительно упрощало процесс общения.

– А ваш Варлам д' Аруэ действительно хитер и осторожен! – задумчиво пробормотал черноволосый эльф, словно говорил сам с собой. – Он умеет извлекать выгоду из всего, что делает, и при этом не попадаетсся. Если проанализировать приведенные принцем Хевингемом преступления его соперника, то можно заметить, что в масштабах страны – это мелочь. А на мелочах, как правило, сильным мира сего некогда заострять свое драгоценное внимание. А зря. Умные люди делают на этом титулы, славу и деньги.

– Я был бы рад опровергнуть ваши слова, но, увы, это невозможно, – покачал головой Хевингем. – Вы очень быстро поняли ничтожную сущность нашего Варлама д' Аруэ.

– Еще бы! – фыркнул Витек, а про себя подумал: "Ведь я вырос среди подобных ему!" – Так вы говорите, что сейчас

у вас ничего нет на д' Аруэ?

– Абсолютно верно.

– А у него на вас?

– Я чист перед законом своей страны. Но меня так легко оклеветать! Понимаете, меня считают сумасшедшим, и у меня нет хорошей репутации в народе. Это развязывает Варламу руки. Он может делать, что хочет, и обвинять во всем меня. Даже если я начну все отрицать, верить будут ему, а не мне. Потому что я – псих! А он – официальный наместник, не раз доказывавший свою верность престолу! Притворную верность!

Лицо Хевингем исказилось маской отчаяния и отвращения.

– Почему люди так охотно идут на поводу у злодеев и так решительно отвергают тех, кто желает им только добра? – со слезами в голосе прошептал принц Кампанелы.

На этот раз он не притворялся. Ему и в самом деле хотелось заплакать. Но не из-за того, что он считал себя отвергнутым Добром. Вовсе нет! Он плакал из-за того, что до всех этих простых и гениальных планов додумался ненавистный ему Варлам д' Аруэ, а не он, Хевингем. Единственное, чего Хевингем не понимал в поступках своего умного и хитрого конкурента, так это того, почему он всегда брал понемногу и отовсюду, когда можно было взять все и сразу. И никто ничего не заметил бы. Бросить тень подозрения на такого великого человека, как Варлам д' Аруэ, было очень сложно и неве-

роятно опасно. Все попытки вывести д' Аруэ на чистую воду всегда заканчивались его полным оправданием, а того, кто пытался открыть покойной чете де' Мортеро правду, обвиняли в клевете и подвергали смертной казни (по настоянию того же д' Аруэ). Варлам хорошо умел замечать следы и убирать свидетелей, поэтому и дожил до этого дня. Безусловно, он не мог не догадываться, что все охотники открыть правду королю и королеве были подсланы Хевингемом, и это тоже не добавляло симпатии маленькому принцу в глазах его врага.

Некоторое время за столом царила гробовая тишина. Все думали о чем-то своем. Наконец, Витек, машинально крутивший в руках свой бокал, произнес:

– Мы могли бы попытаться помочь вам получить власть.

– Каким образом? – мгновенно насторожился принц Кампанелы.

– Законным. Потому что, на мой взгляд, только так ваши права на трон будут неоспоримы. У меня есть хороший друг. Он очень стар и очень мудр. И он родом из Кампанелы. Он знает все ваши законы, начиная от самых древних и заканчивая принятыми буквально вчера. Уверен, он знает какой-нибудь давно забытый указ, в котором говорится, что на троне Кампанелы может сидеть только прямой наследник умершего правителя. Или сможет отыскать лазейку в действующих законах, которая позволит истолковать их в вашу пользу. Тогда у д' Аруэ не останется никаких шансов.

– Я был бы вам очень благодарен! – сразу воспрял духом Хевингем. – Вы окажете мне неоценимую услугу, если проводите к вашему другу.

– Хорошо. Сегодня я узнаю поточнее, где он сейчас живет, а завтра утром постарайтесь выбраться из дворца незамеченным и приехать сюда, – кивнул Витек. – На опушке Истерского леса Эруаль встретит вас и проводит.

– Это было бы очень уместно, – признательно улыбнулся принц Кампанелы. – С Эруалем мне будет не так страшно.

Обсудив все плюсы и минусы положения Хевингема, все трое закончили обед. Вернее, двое. Эруаль, как и прежде, ничего не ел, кроме хлеба и воды. На вопрос Витека, вежливый, но, тем не менее, указывающий на дверь, о том, что маленький принц намерен делать, Хевингем наотрез отказался уезжать. Он понимал, что не может остаться у эльфов. Каким бы безопасным ни было его пребывание здесь, но если он не вернется во дворец, в Кампанеле поднимется шум, который только усугубит его и без того плачевное положение при дворе. Тем не менее, ему хотелось хотя бы до вечера побыть в обществе своих новых знакомых. Эльфам пришлось разрешить ему это, однако, предупредив, что развлекать его им некогда. У Витека и Эруаля был запланирован урок магии. Хевингем пришел в неописуемый восторг и сказал, что с удовольствием посмотрел бы на это. И снова не встретил отказа.

Эльфы вышли на улицу. Они отошли подальше от замка,

чтобы ненароком не повредить здание. Хевингем уселся на бортике одного из фонтанов, за спиной Эруаля. Младший принц Лавандины чем-то сразу приглянулся Хевингему, и он сам не мог понять, чем вызвана эта симпатия. Может быть, все дело было в кротком взоре ясных глаз принца, светившихся добротой и участием, а может, в той доброжелательности, которую он, не задумываясь, проявил к своему врагу.

В качестве повторения пройденного два эльфа показали принцу Кампанелы настоящую битву магов. Светящиеся шары, электрические разряды, серебристые молнии летали в воздухе с феерической скоростью. Противники ловко уворачивались от ударов, блокировали их самыми разными способами и снова нападали. Оба мага были одинаково сильны, и ученик ни в чем не уступал своему учителю. Тренировка затянулась и не успела закончиться к тому времени, когда ворота в замковый двор распахнулись, и по усыпанной гравием дорожке к Эруалю помчался огромный серый волк. За ним неторопливо шла Катарина. Ворота за ее спиной бесшумно захлопнулись. Догрызок в два прыжка достиг своей цели и, чуть не свалив младшего принца Лавандины с ног, радостно встал на задние лапы и уперся передними ему в грудь. Тот рассмеялся залихватистым звонким смехом и ласково потрепал волчару по жесткой серой шерсти.

– Привет! А я пришла посмотреть, как вы тут устроились! – ласково пропела Катарина, подходя к Витеку, который при ее появлении плотно сжал губы и нехорошо сузил

глаза, но вслух ничего не сказал про то, что ее визит ему неприятен.

– Как видишь, неплохо, – сквозь зубы процедил черноволосый эльф. Кажется, ему хотелось добавить еще что-то, но в самый последний момент он передумал.

– Послушайте, Витек, если вам неприятно мое общество, то это вовсе не означает, что оно неприятно вашему ученику, – недовольно уперев руки в бока, заявила Катарина. – А я пришла именно к Эруалу. Вы же не собираетесь запретить ему со мной общаться?

– Зачем же делать из меня тирана? – хмыкнул Витек. – Я думаю, что тебе было достаточно одного предупреждения с моей стороны. Если хоть волос упадет с головы Эруала или, не дай бог, с ним что-нибудь случится по твоей вине (ты прекрасно понимаешь, о чем я), я тебя из-под земли достану, и тогда, можешь мне верить, ты навсегда заречешься иметь дело с эльфами.

– Неужели вы гарантируете мне жизнь после прямого столкновения с вами? – брови Катарины изумленно взлетели вверх. Слова черноволосого эльфа ничуть не испугали ее. То ли она до конца не верила в то, что Витек способен претворить свои угрозы в жизнь, то ли была уверена в своих силах на тот случай, если придется оказывать сопротивление.

– Иногда смерть лучше жизни, – философски заметил Витек. Grimаса недовольства постепенно сошла с его лица, сменившись более привычным выражением неколебимого спо-

койствия.

Катарина посмотрела на него, как на сумасшедшего, и неторопливо подошла к Эруалу. Схватив Догрызка за шкуру, оттащила его от принца, который, в принципе, был не против компании волка, так как тот не проявлял агрессии, только ласкался, как большая игривая собака. И тут вампиресса заметила у фонтана Хевингема. Преодолевая желание приветливо улыбнуться принцу Кампанелы и впечатлить его белизной и длиной своих клыков, девушка осведомилась на его счет у Эруаля. Обернувшись, он подозвал к себе мальчика и, подождав, пока тот не приблизится, произнес:

– Это наш новый знакомый – принц Кампанелы Хевингем. Хевингем, это моя хорошая подруга Катарина Ллотт. Ты можешь ей доверять. Я ручаюсь за нее, как за самого себя.

– Надо же! – хихикнула Катарина. – Раньше у меня не было ни одного знакомого принца, а теперь целых два!

– Эруаль, как вы думаете, а она сможет нам чем-нибудь помочь... ну, в моем деле? – понизив голос до театрального шепота, спросил Хевингем.

– Конечно! На Катарину можно положиться. Но, я думаю, что пока не следует встраивать ее в нашу авантюру.

Оба принца заговорщически переглянулись и обменялись улыбками.

– Я, конечно, все понимаю, – к ним неслышно подошел Витек, – вам всем хочется пообщаться, но не могли бы вы дать мне возможность закончить урок?

– Отложите это до вечера, – неожиданно сказала Катарина. – Видите ли, если отстану я, появятся другие. По дороге сюда я видела богатую карету, наверное, королевскую, не меньше. Боюсь, что она направляется именно в ваш замок.

– Королю Элебруту понадобилась его загородная резиденция? – Витек и Эруаль, пришедшие к одинаковому выводу, с удивлением переглянулись.

– Это не король Лавандины. Насколько я помню, ваш символ – трилистник. На карете его не было, – произнесла Катарина.

– А перевернутой короны на ней не было? – забеспокоился Хевингем.

– Нет. Символ Кампанелы я тоже знаю.

– Итак, кто же к нам пожаловал? – в воздухе повисло общее недоумение.

В это время ворота замка распахнулись в третий раз, и во двор въехала запряженная четверкой белоснежных коней карета, раскрашенная в зеленый и желтый цвета, с нарисованным на обеих дверцах ландышем – гербом королевского дома Эстефании.

Страхи рассеялись мгновенно, едва Витек узнал герб, и почти мгновенно сменились удивлением. Что могло понадобиться Эстефании в давно поделенном Кампанелой и Лавандиной Истерском лесу?

Глава 18

Лакей соскочил с подножки кареты и распахнул дверцу. На усыпанную гравием дорожку аккуратно ступила высокая женщина-эльфийка.

Помимо высокого роста она обладала стройной фигурой и даже по эльфийским меркам очень красивым лицом. Ее темно-зеленые широко раскрытые глаза имели необыкновенно выразительный взгляд – долгий, тихий, грустный и, вместе с тем, пронзительный, – взгляд воплощенной добродетели. Черты ее лица были спокойными и мягкими. Обрамленное золотистыми, вьющимися до самой поясницы локонами, оно напоминало лица богинь, которых любили воображать художники, и портреты которых украшали все уважающие себя королевские картинные галереи. Подобно лицам, изображенным на этих картинах, оно сразу же приковывало к себе все взоры. Длинное шелестящее зеленое платье, оставляющее открытыми ключицы и великолепные округлые плечи, выгодно подчеркивало все достоинства ее идеальной фигуры. С тонких красивых рук эльфийка изящными пальчиками сняла перчатки и, небрежно бросив их тому же лакею, что открывал ей дверцу, направилась к моим героям. Ее походка была легкой, плывущей, неслышной, а осанка – царственно горделивой.

Мои герои так и застыли, пораженные этой неземной кра-

сотой и природным величием. Красавица подошла к Витеку и жестом, в котором больше не было недостижимой царственности, а сохранились только естественная простота и изящность, протянула ему руку для поцелуя. Витек опустился перед ней на одно колено и трепетно коснулся губами ее пальцев. Эруалю, внимательно наблюдавшему за действиями своего учителя, показалось, что тот задержал в своих ладонях ее руку несколько дольше, чем требуется для формального поцелуя. Внезапная догадка озарила сознание младшего принца Лавандины, и он со вновь вспыхнувшим интересом еще внимательнее уставился на незнакомку.

– Витек, – волшебным нежным голосом сказала, почти прошептала женщина. – Столько лет прошло, а ты совсем не изменился.

– Мне говорили это, Лэттис, – обычно сухой голос черно-волосого эльфа невольно дрогнул при произнесении ее имени. – Надо ли говорить, что твоя красота тоже ничуть не померкла со временем.

Длинные ресницы эльфийки слегка дрогнули, показывая, что ей приятно слышать этот комплимент.

– Я не ожидал, что ты приедешь, – заметил Витек.

– Я была очень на тебя обижена. Но я простила.

– Спасибо, Лэттис.

– Я приехала не одна, – женщина неожиданно быстро вернулась к карете и помогла выбраться из нее маленькой хорошенькой светловолосой девчужке в розовом пышном платье

с огромными бантами. Девочка была точной копией Лэттис. Королева Эстефании подвела ее поближе к моим героям и представила: – Это моя дочь. Ее зовут Регина. Регина, по-здоровайся.

– Мне очень приятно, – задорно улыбнулась маленькая принцесса и сделала изящный реверанс.

– Витек, я вижу, ты не один, – Лэттис снова обратила взор своих прекрасных глаз на бывшего возлюбленного. – Это твои гости?

– Это мои друзья. Я охотно представлю тебе их. Это мой ученик Эруаль, ты его видела совсем маленьким. Это Хевингем, принц Кампанелы. Не могу сказать тебе, зачем он здесь, это только его дело. А это вампиресса Катарина Ллотт.

Лэттис одарила каждого своей благосклонной улыбкой и остановила взгляд лучистых глаз на Эруале. Ему на мгновение показалось, что в ее взоре промелькнуло удивление, смешанное с состраданием.

– Вы очень выросли, принц, и очень изменились, – заметила прекрасная эльфийка. – Я слышала, вас считают самым красивым эльфом во всей Лавандине. Я вижу, что это действительно так.

Эруаль растерялся от такого прямого комплимента да еще на людях и, смущенно потупившись, робко пробормотал:

– Благодарю вас.

– Благодарю Витека, – откликнулась она и повернулась к черноволосому эльфу. – Мы могли бы поговорить наедине?

– Конечно, – кивнул тот. К нему постепенно возвращались его спокойствие и уверенность. Они умиряли вспыхнувшие в душе прежние нежные чувства и, как и много лет назад, вновь отодвигали их на второй план. – Регина может остаться с Эруалем. Он присмотрит за ней.

– Я верю, что с ним она будет в надежных руках.

Витек и Лэттис ушли в дом. Карету королевы откатали на задний двор, и на дорожке возле фонтанов снова стало тихо. Эруаль некоторое время оторопело смотрел вслед своему учителю и его подруге и пораженно выдохнул:

– Так вот ты какая, Лэттис д' Урф!

Тут он почувствовал, что кто-то настойчиво дергает его за рукав рубашки и, обернувшись, заметил Регину.

– Ведь это ты Эруаль? Ты должен за мной присмотреть? – глядя на него хитрыми зелеными глазками, спросила девочка. А затем неожиданно заявила: – А ты мне нравишься! Поиграй со мной!

– Да, конечно! – все так же растерянно согласился принц Лавандины, не представляя, чем можно развлечь маленькую принцессу.

Но тут ему на помощь пришел Догрызок, подошедший к Регине познакомиться. Девочка пришла в неопиcуемый восторг при виде живого волка и, вскарабкавшись ему на спину, принялась носиться по всему саду. Вскоре девчонка вовлекла в свою веселую игру и Хевингема, как самого молодого из оставшихся за ней присматривать. Эруаль и Катарина неко-

торое время молча наблюдали за кутерьмой, которую затеяли Догрызок, принцесса Эстефании и принц Кампанелы, а потом безмолвие было нарушено вампирессой.

– Кто эта Лэттис? Откуда она знает твоего учителя? Мне показалось, или она и вправду смотрела на Витека не как на просто знакомого? – вопросы посыпались из Катарины градом. Но Эруаль продолжал задумчиво молчать. Поэтому ей пришлось задать еще один: – Или это не мое дело?

– Да нет, – Эруаль вздрогнул, как будто оживая. Затем, взглянув в черные глаза своей подруги, словно черпая оттуда уверенность, произнес: – Я расскажу тебе эту историю.

Они присели на бортик фонтана. Слова полились из принца рекой – рекой той лжи, которую позавчерашним утром рассказывал ему сам Витек. Эруаль доверял Катарине, как себе. Это была основная причина, из-за которой он сейчас выдавал ей тайны своего учителя.

– Как это печально! – по истечении его рассказа выдохнула девушка. – Бедный Витек! Это должно быть очень больно – потерять любимую девушку. Особенно, когда сам от нее отказываешься.

– Не говори Витеку о том, что я рассказал тебе его историю. Он будет злиться.

– О! Да я не сумасшедшая: злить Витека. Я и так у него не на хорошем счету. Сам знаешь, из-за чего.

– Прости. Я виноват в том инциденте, – честно покаялся принц. – Но мне действительно было очень плохо.

– Сегодня ты выглядишь намного лучше, чем вчера, – заметила Катарина. – В твоих глазах появился блеск, и лицо как будто посвежело. Прошлой ночью что-то случилось? Ведь ты так ничего и не объяснил мне.

– Я не могу рассказать тебе о прошлой ночи. Извини, – Эрваль опустил голову. Из его уст никто не услышит доказательств того, что он темный. В глубине души он уже признал себя таковым – Голос убедил и поработил его, – но в слова это признание вылиться не должно. "Со временем все догадаются сами, – решил принц. – При удачном стечении обстоятельств меня к тому моменту не будет в живых. Ведь все темные умирают".

– Ты не хочешь говорить на эту тему? – поняла Катарина. – Хорошо. Тогда давай поговорим о том, что тебе приятно.

– О Витеке? – грустно улыбнулся Эрваль.

– Неужели, кроме Витека, больше не о ком? Объясни мне, например, где вы подцепили вражеского принца?

– О! Все очень просто! – молодой эльф рассмеялся и с увлечением принялся рассказывать.

Катарина вздрогнула, услышав его смех. Он показался ей на редкость приятным. Она вдруг поняла, что это прекрасно, – когда он смеется; она поняла, что ей нравится каждое слово, произнесенное им; она поняла, что никогда еще у нее не было такого милого и доброго друга. Она, не отрываясь, смотрела в его какое-то странное, темное лицо со светлыми

ласковыми глазами, лицо, хранившее на себе отпечаток извечной борьбы сил Добра и Зла, и понимала, что в эту самую минуту это лицо становится для нее самым дорогим и желанным на свете.

"Почему Ариадна смеется над ним? Ведь он такой красивый и такой добрый! – подумала вампиресса. – Я на ее месте была бы счастлива, если бы он обратил на меня свое внимание. Не как на подругу..."

Понимая несбыточность своего желания, она поспешила отогнать сентиментальные мысли, чтобы Эруаль не заметил грусти и разочарования в ее глазах. Поддавшись минутному порыву, Катарина положила голову на плечо младшего принца Лавандины. Она почувствовала, как сильно он вздрогнул, прервав на мгновение свой рассказ, а затем положил свою тонкую изящную руку на ее плечо. Катарина от удовольствия зажмурила глаза и, уже не слушая продолжение истории принца, подумала:

"Допустим, быть вместе мы никогда не сможем, но в удовольствии быть к нему чуточку ближе я себе отказать не могу"...

Тем временем Витек и Лэттис расположились в его комнате. Женщина села в услужливо предложенное ей кресло, ее бывший возлюбленный остался стоять, прислонившись к подоконнику. Некоторое время они молчали, просто разглядывая друг друга и подмечая, что и в самом деле почти не изменились со дня их расставания. Потом Витек спросил:

– Как ты нашла меня?

– Сначала я искала тебя в Лавандине, во дворце Элебрута. Там мне сказали, что ты в Истерском лесу, – откликнулась Лэттис. – Кстати, в Лавандине что-то происходит. Сам дворец и вся столица вместе с ним стоят на ушах. Я не стала лезть не в свое дело, поехала сразу к тебе...

– Я больше чем уверен, что у них наконец-то начались проблемы с кампанельской провинцией, – хмыкнул черно-волосый эльф. – Хотелось бы знать, что за сюрприз она преподнесла моему королю.

– Витек, зачем ты так жестоко говоришь? – легонько укорила его королева Эстефании. – Ты поссорился с Элебрутом?

– И причина нашей ссоры была именно в этой провинции.

– Зачем же ты бросил его в трудную минуту! Ты должен был остаться и вернуть его на правильный путь!

– Ты говоришь, как Эруаль! Я пытался образумить короля, но мои попытки были тщетны. А я никому не намерен навязывать свое мнение.

– Опять всему виной твоя гордость!

– Теперь ты говоришь, как Гло.

– Гло? Как она? – заинтересовалась Лэттис.

– Прекрасно, – Витек рассказал подруге и его встрече с главаршей разбойников.

– Вот, кто по-настоящему счастлив, так это они, разбойники. Наверное, потому что они свободны, – по истечении

его рассказа вздохнула женщина. – Когда-то мы с тобой тоже были свободными и счастливыми.

– Ты только по этой причине ушла со мной несколько лет назад?

– Нет. Если хочешь знать, я полюбила тебя с первого взгляда. И любила всегда. И люблю сейчас.

Сердце Витека затрепетало. Эта женщина волновала его, пробуждала в душе давно уснувшую любовь к ней... и боль из-за невозможности быть вместе. Но холодная маска его лица не поколебалась вслед за движением его души, и своим обычным четким и резким голосом он откликнулся:

– От всей души советую любить короля Эстефании. Он больше достоин твоей любви.

– Он всегда будет стоять между нами? – горечь прозвучала в словах Лэттис.

– Всегда, пока жив. И даже после смерти.

– Витек, ты разлюбил меня?! – эльфийка порывисто вскочила. В ее глазах плескалась смесь страха и отчаяния.

– Настоящую любовь так просто не отбросишь, – как-то раздосадовано заметил черноволосый эльф.

– Я все эти годы жила, думая только о тебе! Я никогда не любила своего мужа! Вместо него мне приходилось представлять себе тебя! И в этом я находила слабое утешение. Каждый день я мечтала о том, что ты приедешь, расскаешься, скажешь, что любишь меня больше жизни! Я мечтала, что мы сбежим из дворца и отправимся путешествовать, так же,

как это было много лет назад! Но ты даже не написал мне! Ни одного письма! Ты забыл меня! Да? Забыл! Мы никогда не давали друг другу никаких клятв, но наши теплые отношения... Я думала, они не были для тебя пустышкой! А эта девушка, Катарина Ллотт, которую ты даже как следует и не представил! Кто она тебе? Жена? Скажи честно! Я не вынесу лжи из твоих уст!

– Лэттис, ты унижаешься до банальных сцен ревности? – брови Витека взлетели вверх, выражая удивление.

– Ответь мне! – настаивал женщина.

Вместо ответа он подошел к ней и протянул руки, позволяя ей внимательно рассмотреть их.

– Ты не видишь на моих пальцах обручального кольца, – холодно заметил он. – Это ли не доказательство того, что все твои обвинения беспочвенны?

– Прости, – Лэттис смутилась. – Как я могла в тебе усомниться! Сама не знаю, что на меня нашло.

– Все в порядке, – Витек хотел вернуться к окну, но эльфийка удержала его за руку. Пользуясь его присутствием рядом, она попыталась поцеловать бывшего возлюбленного, но тот отстранился, вовремя разгадав ее намерение.

– Никто ничего не узнает, – тихо прошептала Лэттис, еще сильнее вцепившись в его бесчувственные пальцы.

– Я никогда не позволю себе целовать чужую жену, – твердо сказал черноволосый эльф. – Если ты все еще хочешь видеть меня, давай поговорим на нейтральные темы. Если нет

– уезжай, я не буду тебя задерживать.

– Ты опять отвергаешь меня! – Лэттис оттолкнула его руку. – Странная у тебя любовь! Но... как хочешь! Я протянула тебе руку перемирия, а ты не принял ее. Я уезжаю. Ты никогда больше меня не увидишь!

Лэттис произносила эти слова не с ненавистью, а с болью и отчаянием – подлинными отголосками разбитой любви. Стараясь сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы, женщина выбежала вон. Витек сразу же отвернулся к окну. Его лицо исказилось выражением чудовищной муки и страдания.

"Это все, что я могу для нее сделать, – подумал он. – Порознь нам будет легче".

Глава 19

Уже вечером, когда вслед за Лэттис и Региной уехал принц Хевингем и ушла Катарина, эльфы смогли продолжить прерванный урок магии. Но он получился каким-то неудачным. Витек был полностью во власти своих мрачных мыслей и постоянно пропускал удары Эруаля, и, если бы молодой эльф по собственной же инициативе не успевал возводить вокруг учителя защитные стены, то тот уже раз двадцать был бы "смертельно ранен" или "убит". По сути дела, младший принц Лавандины сражался сам с собой. В конце концов, ему это надоело, и он, подойдя к учителю, предложил:

– Давайте перенесем этот урок на завтра. Я же вижу, вы не в состоянии сейчас со мной заниматься.

– Спасибо! – выдохнул Витек с какой-то особой благодарностью в голосе. – Мне что-то нездоровится. Может, переутомился в последние дни, а может, сказывается нервное напряжение...

"А может быть, всему виной ссора с Лэттис?", – подумал Эруаль, но вслух ничего не сказал.

– Учитель, прежде чем вы уйдете, могу я задать вам один вопрос? – осведомился принц.

– Спрашивай, – Витек устало взглянул в его глаза.

– Это касается принца Хевингема, и это очень меня бес-

покоит, – признался Эруаль. – Допустим, у нас все получится, и трон Кампанелы достанется мальчику. Но мы не подумали, как к этому отнесется мой отец. По сути, его ближайший советник и его родной сын разрушат придуманный им план оставить Кампанелу без официального правителя и без единства. Мы не только расстроим планы моего отца, но и собственными руками уменьшим шансы на победу в этой войне Лавандины. Боюсь, он очень разозлится.

– А что, ты предлагаешь бросить на произвол судьбы этого раненого подростка? – холодностью и недовольством наполнился мягкий голос Витека. – Безусловно, он обладает кое-какой информацией о Кампанеле и знает, какие интриги плетутся при дворе, но он не понимает, как с выгодой для себя использовать все это. Такой противник, как Варлам д'Аруэ, ему одному не по зубам. А Элебрут, раз он так умен и хитер, придумает еще что-нибудь. Кстати, хорошо, что ты напомнил мне о Хевингеме. Я должен немедленно ехать в Лавандину, чтобы узнать там о судьбе моего друга, который может нам помочь.

– Вы имеете в виду Клавелия Мудрейшего?

– Ты догадался?

– Еще тогда, когда вы упомянули о нем при принце. Если вам тяжело, я могу съездить в Лавандину вместо вас.

Витек хотел уже согласиться, но вдруг вспомнил слова Лэттис о том, что там беспокойно и, не желая подвергать опасности жизнь своего ученика, вынужден был ответить от-

казом. Он быстро оседлал своего коня и отправился в Лавандину сам. А Эруаль, вопреки обыкновению, отправился в свою комнату и сразу лег спать. Теперь он искал общества Голоса. Будучи темным эльфом, тот много знал о своих сородичах и их привычках. Эруаль тоже хотел знать о них все. И делать наоборот.

Лэмар, как всегда, появился в своем любимом темном углу. Начал он с того, что поздравил Эруаля с успешным примирением с Витеком.

– Вот видишь, я же говорил, что темные обязательно найдут общий язык. Ты всегда ладил с Витеком. Вот, и со мной тоже поладил.

– Да я по природе неконфликтный. Со мной легко общаться, – задумчиво откликнулся Эруаль. Еще прошлой ночью он и предположить не мог, что будет так спокойно общаться со своим поздним гостем, на которого раньше бросался, при звуках голоса которого раздражался и от слов которого у него начиналась истерика. И было как-то непривычно странно как равному отвечать этому темному эльфу.

Как только Эруаль поверил Лэмару, тот перестал запугивать его. Он понял, что достиг своей цели. Принц больше не отвергает его и не боится. Он выражает желание общаться с ним, обращается к нему за советом, просит о чем-то. Теперь дело только за наместником Кампанелы, стараниями которого младшего принца Лавандины как можно быстрее нужно было превратить в короля. И первый шаг к этому по-

что уже сделан.

Таким образом, оба недруга в эту ночь оказались вполне довольны собой и противником. Каждый из них считал, что выбрал верную тактику, и что жизнь шлет искрометную улыбку удачи только ему.

Но, как вскоре показало время, жизнь вовсе не улыбалась, а готовила сюрпризы для обоих эльфов.

Глава 20

Утром Эруаль проснулся в приподнятом настроении. Правда, несколько задумчивый, но не подавленный. Его ночной гость дал ему новую пищу для размышлений, основная суть которых сводилась к одному: выпутаться из паутины Тьмы ему будет не так-то просто. Между тем, печаль не торопилась омрачить чела молодого эльфа. Впервые за много недель он улыбнулся своему отражению в зеркале, потому что сегодня на него смотрел оттуда прежний Эруаль – красивый и стройный юноша с ясными глазами и правильными, плавно переходящими одна в другую чертами лица. От бледной тени, от костлявой иссушенной копии не осталось и следа.

Ощущая необыкновенный душевный подъем, Эруаль спустился вниз, в гостиную, и там увидел сидящего в одном из кресел мрачного задумчивого Витека. Хмурый вид учителя насторожил принца.

"Неужели что-то случилось в Лавандине?" – сразу же подумал молодой эльф, и нехорошее предчувствие кольнуло его сердце.

– Доброе утро, – на всякий случай сказал Эруаль. Остановившись напротив учителя, он выжидающе посмотрел на него.

– Я бы поостерегся бросаться такими замечаниями, – Ви-

тек остановил взгляд своих задумчивых черных глаз на ученике.

– Что случилось? – почти прошептал принц побелевшими губами, в одночасье понимая, что его хорошее утреннее настроение было ни чем иным, как состоянием мгновенной эйфории.

– Сам не знаю. Вчера я был в Лавандине, если ты помнишь. Там тревожно-востроженная обстановка. Кого-то собираются казнить и, судя по поднявшейся шумихе, явно не простолюдина из окрестной деревушки. У меня не было времени выяснить, кто конкретно не угодил Элебруту, но... у меня плохое предчувствие

– Не тревожьтесь, – не веря собственным словам, пророчил Эруаль, на мгновение почувствовав, что пол пытается убежать из-под ног. – Сегодня мы поедем в Лавандину к Клавелию Мудрейшему и все узнаем.

– Мне кажется, нам не следует брать с собой Хевингема. Когда Лавандина гудит, как улей, кампанельскому принцу в ней не место. Если его узнают и убьют, я себе этого не прощу.

– Но... как мы предупредим принца о перемене нашего решения?

– Зачем его предупреждать? Мы просто встретим его на границе Истерского леса и отошлем обратно в Кампанелу, объяснив невозможность его нахождения в Лавандине.

– А вы узнали адрес Клавелия?

– Да. Путь к его жилищу займет не более суток. Готов

ненадолго вернуться на родину? – Витек, словно подтрунивая над учеником, лукаво взглянул на него и не мог не заметить, что по сравнению с последними днями тот выглядел намного лучше. Однако, мудрый эльф не позволил себе обмануться, посчитав это хорошим знаком.

– Мне хотелось бы увидеть свою семью. Признаться честно, я уже успел по всем соскучиться, – Эруаль немножко нервно улыбнулся.

Эльфы быстро позавтракали (причем принц впервые за долгое время нормально и с удовольствием поел) и собрались в дорогу. Два всадника спущенными с тетивы стрелами выехали за ворота замка и помчались к кампанельской границе. Не доезжая до нее нескольких сотен метров, они спрятали коней в кустах и, крадучись, подобрались поближе. Принца пришлось ждать около часа. Наконец, они увидели, как он так же, как они сами, короткими перебежками, прячась за деревьями пробирается к месту встречи. В этот раз он был более скрытен, поэтому не рискнул вести через границу еще и коня. Витек тоном, не терпящим возражений, коротко объяснил принцу Кампанелы, почему тот не может отправиться к Клавелию вместе с эльфами. Хевингем огорчился: перспектива такого быстрого возвращения во дворец его не радовала. Пообещав, что как только они что-нибудь узнают, то сразу же пришлют к принцу гонца, черноволосый эльф подтолкнул своего ученика в спину, напоминая, что им надо поторапливаться. Пожелав им удачи, Хевингем двинул-

ся в сторону кампанельской границы, а эльфы вернулись к своим коням. Снова очутившись в седлах, они помчались в Лавандину и к полудню уже были там.

Эруаля поразила непривычная суматоха и волнение, царившие в столице. На каждом углу о чем-то перешептывались, кто-то ехидно посмеивался, кто-то сочувственно вздыхал, кто-то выражал бурное негодование. Но равнодушных к предстоящей казни не было. Город и впрямь походил на растревоженный улей. Такого здесь не было очень давно. На двух всем известных эльфов бросали косые взгляды и принимались шушукаться еще оживленнее.

Наконец мои герои въехали в прекрасный королевский сад и остановились возле замкового крыльца. Препоручив взмысленных коней сразу же подбежавшим конюхам, учитель и ученик шагнули под прохладные своды. Поймав в коридоре дворецкого, Витек властным тоном спросил у него, где король.

– Король в печали! К нему нельзя! Особенно он будет шокирован, увидев вас! – шептал дворецкий, провожая советника и принца в королевские покои. Он делал это против своей воли и против воли правящего монарха, потому что не мог противостоять уверенному натиску Витека.

– Ничего. Ему пойдут на пользу эмоциональные встряски, – жестоко припечатал черноволосый эльф, вполуха слушая причитания дворецкого.

– Вы полагаете?! – шепот провожающего стал истериче-

ски свистящим. – Вы думаете, за эти дни ему их мало?! Все случившееся – просто ужасно!

– Вы бьете в барабаны всего лишь из-за чьей-то казни? Или есть причина посерьезнее? – недовольно хмурясь, с раздражением спросил Витек.

– Так вы ничего не знаете?! – дворецкий просто подпрыгнул от изумления. – Сразу заметно, из Истерского леса вернулись! До них там все спустя полгода доходит! Завтра состоится казнь принца Феликса! Прилюдное сожжение! Ужасный позор не только на его голову, но и на весь род Алых цветков!

– Что?! Что ты сказал?! – Витек и Эруаль ошеломленно переглянулись, чувствуя, как удивление, боль, страх смешиваются в их сердцах и вырываются наружу в отчаянном беспомощном крике.

Но дворецкий больше ничего не успел им рассказать. Об их приходе доложили королю, и мои герои глазом моргнуть не успели, как оказались в личных покоях его величества. Дворецкий остался за дверью.

– Это правда?! – без лишних предисловий спросил Витек, скидывая глаза на Элебрута. В этот момент в них зажглась просто магнетическая притягательность, и король уже не смог оторвать своего усталого взора от этих двух черных вспышек, маленьких вселенных на пороге атомного взрыва.

Впрочем, король мог ничего не отвечать. Все было ясно написано на его бледном нервном осунувшемся лице, от-

ражалось в полных безысходной тоски глазах, читалось по ссутулившейся, потерявшей величественную осанку фигуре. Король походил на безжизненный призрак, сидящий в расшитом золотыми нитями кресле. Его тонкие, но сильные руки безвольно лежали на подлокотниках.

– Папа! Ты казнишь Феликса?! – не веря своим ушам, Эруаль бросился к отцу. Опустившись на колени перед его креслом, он взял в свои руки его холодную вялую ладонь и, заглянув в пустые мрачные глаза, тихим шепотом спросил: – За что?!

– В самом деле, что случилось? – в этой семейной драме только Витек не терял присутствия духа. Хотя, безусловно, новость ножом полоснула его по сердцу и неподдельной болью отозвалась в голосе и глазах. – Неужели у Алых цветков не осталось врагов, что они начали истреблять сами себя?

– Ты все язвишь! – горько произнес Элебрут. – Издеваешься над эльфийским горем?

– Я хочу получить ответы на все свои вопросы, – твердо сказал Витек, чеканя каждое слово. – Я хочу, чтобы вы потрудились объяснить мне... и вашему сыну суть дела.

– Папа! Скажи, что Феликс не виноват! Его оклеветали! – с мольбой в голосе прошептал младший принц Лавандины, еще сильнее сжимая ладонь отца. Элебрут перевел на него грустный долгий взгляд, въедающийся не только в глаза, но и в саму душу, взгляд, который не оставлял сомнений в том, что для брата Эруаля все кончено. И молодой эльф, пора-

женный этим жестоким отрицанием его надежд, каким-то убитым голосом прошептал: – Папа...

Он опустил глаза и прикрыл веки, словно погрузился в своеобразный транс. На самом деле принцу хотелось рыдать и биться в истерике, проклиная все на свете. Неужели его брат, его милый, добрый, застенчивый Феликс, его маленькое "солнышко" должен умереть!/? Этого просто не может быть! Эруаль чувствовал, что сходит с ума, что отказывается верить в происходящее. И ему уже не надо было никаких объяснений. Он понимал и заранее оправдывал Феликса. Оправдывал в своем сердце.

Между тем, Элебрут нашел в себе силы снизить до объяснений, и каждое слово, с трудом произнесенное им, заунывным звоном похоронного колокола отдавалось в сердцах Витека и Эруаля, причиняя им невыносимые страдания, страдания, с которыми почти смирился король Элебрут, и которые с необыкновенной остротой сейчас испытывал по новой.

Позавчера вечером Элспет и Феликс устраивали облаву на темных эльфов, которых заметили на границе Лавандины. Элспету уже пора передавать тонкости этого дела своему брату, поэтому я отправил их вдвоем. Под их командованием был отряд из пятидесяти эльфов, поэтому вылазка не содержала в себе никакого риска. Темные были пойманы и, как обычно, перед заключением в пещеры оставлены на ночь в клетке на дворцовой площади. И Феликс... Феликс попы-

тался освободить их. За этим делом его и застал отряд стражников. Естественно, они подняли страшный шум. Моего Феликса схватили и представили мне на суд. Я был в растерянности и отчаянии. Мне пришлось велеть заключить его под стражу до утра и разбираться в случившемся на следующий день. Но, едва рассвело, под окнами дворца собралась толпа. Они требовали сжечь преступника, невзирая на то, что он принц. Мой сын... "Закон един для всех!" – то и дело выкрикивали из толпы. Все, что я смог сделать, это отсрочить его казнь на пару дней. Завтра на рассвете Феликса сожгут.

Элебрут опустил голову. Его голос оборвался. В наступившей тишине все отчетливо слышали, как Эруаль тихо-тихо прошептал: "Нет!", и из его глаз полились беззвучные слезы. Его отец пошевелил пальцами, высвобождая свою руку из рук сына, и ласково положил ее ему на голову. Как-то механически провел пару раз ладонью по его длинным шелковистым волосам. Тишину разорвал гневный голос Витека, не могущего выносить слез своего ученика:

– И вы ничего не делаете, чтобы спасти своего сына?!

– А что тут сделаешь? – Элебрут был опустошен. У него не было сил спорить с умным и сильным оппонентом. – Народ подписал приговор моему сыну. Его нельзя не привести в исполнение.

– Нельзя опускать руки! – голос Витека уже походил на рык разъяренного льва. – Если невозможно вытащить Феликса из лижущих языков пламени законным путем, престу-

дите его! Идите против всех правил и против всех заповедей, идите против судьбы и здравого смысла! Все это ничто по сравнению с тем, какая страшная смерть угрожает вашему сыну! Все мы прекрасно знаем, что в случившемся не было злого умысла! Феликс руководствовался исключительно благородными порывами, и подтолкнула его к этому беспокойная совесть! Если вы и в самом деле любите вашего сына, вы презреете закон и порядок!

– Можно идти против законов, судьбы и здравого смысла, но невозможно идти против собственного народа! – Элебрут начинал нервничать и раздражаться. – Он видит во мне справедливого и неподкупного правителя! Если я не отдам приказа казнить Феликса, поднимется бунт, эльфы сочтут, что закон не равен для всех!

– Опять закон! Забудьте о нем! Наймите кого-нибудь, пусть вытащат Феликса из лап палача или же из самого пекла! Пусть спасут его втихую или на глазах у толпы! Да пусть сделают для него хоть что-нибудь! А там, пусть считают его преступником, государственным изменником, да хоть самим дьяволом, примерившим белые одежды, им его больше не увидеть! Я подыщу для него убежище, в котором его никто не найдет. Потом, когда история забудется, он сможет вернуться во дворец.

– Витек, бесполезно! Тень на нас уже брошена!

– Я поражаюсь вашему бездействию! Ну помогите ему бежать сейчас, пока он сидит во дворце под замком, раз так

бойтесь неудачи с эшафотом!

– Невозможно! Его очень хорошо охраняют.

– Ты глупец, Элебрут! – презрительно сорвалось с искривленных негодованием губ Витека. – Произнесенными сейчас словами ты причиняешь боль не только себе, но и своим сыновьям, и мне, и всем, кто любил Феликса, по-прежнему любит и ценит его! Ты ничтожный король и еще более ничтожный отец!

Резко развернувшись, черноволосый эльф покинул королевские покои.

Отец и сын после его ухода некоторое время хранили молчание. Грустные, подавленные, они скорее спали сейчас, чем жили. Но вот Эруаль встряхнулся и, взглянув на короля, спросил:

– Папа, могу я увидеться с Феликсом? Я хотел бы с ним поговорить.

– Конечно. Я прикажу проводить тебя к нему. Под твою ответственность вас оставят наедине.

Элебрут крикнул стражу. Эруаль поднялся и, поцеловав отца в щеку, отправился вслед за своими провожатыми. Дождавшись, пока шаги принца не стихнут в коридоре, король приказал привести к нему командира дворцовой охраны и, заметив его высокую стройную фигуру на пороге своей комнаты, произнес:

– Мой советник вернулся. Он берет на себя слишком много. Завтра утром во время казни не спускайте с него глаз. За-

метите какие-то действия с его стороны, берите под стражу и, во избежание могущих возникнуть недоразумений, посадите под замок на все время казни. Это официальный приказ короля. Вы поняли?

Глава 21

Между тем, в сопровождении двух стражников Эруаль дошел до комнаты Феликса, ставшей теперь его тюрьмой. Удовольствовавшись устным приказом короля, удвоенная охрана пропустила младшего принца Лавандины внутрь, под его личную ответственность оставив наедине с братом.

Эруаль очутился в просторной светлой комнате, отделанной в мягких светло-голубых и бежевых тонах. Он не сразу заметил в комнате брата. Феликс лежал на белых простынях кровати, полностью скрытый от посторонних глаз балдахинном. Младший принц Лавандины отодвинул полог и присел на краешек кровати. Феликс распахнул свои бездонные желтые с искоркой глаза и уставился на брата печальным потерянным взглядом. На его внешности никак не отразились испытываемые им страхи и переживания. Феликс был все также красив. Вот только глаза его за одну ночь потеряли свой наивный чистый детский взор. Теперь это были глаза старика, ветхого, дряхлого, умудренного жизненным опытом. Нет, не такие. Скорее, это были глаза эльфа, в пять минут прожившего всю свою жизнь и теперь ожидающего смерти, как спасения. Именно ожидание смерти, затаившееся на самом их дне, так разительно меняло облик Феликса. Эруаль, заглянув в эти глаза, – глаза живого покойника, – невольно содрогнулся.

– Брат, – прошептал Феликс и снова прикрыл свои страшные глаза дивными светлыми ресницами. – Я рад, что ты пришел. Я хотел проститься с тобой.

– Я... тоже, – чувствуя, как противный горький комок подкатывает к горлу, пробормотал Эруаль. Слова дались ему нелегко. Больше всего сейчас он мечтал принести брату радость, надежду, избавление от страшных душевных мук. Больше всего он мечтал сказать ему, что никакой казни не будет, что Феликс прощен и свободен. И Эруаль было горько именно из-за того, что он не мог этого сказать. Он не мог обнадеежить свое "солнышко", потому что любое утешительное слово оказалось бы ложью. Положение Феликса было безнадежно. Оставалось только сидеть и грустить вместе с ним. Потому что младший принц Лавандины не представлял, как будет жить без брата.

– Не смотри на меня, – неожиданно попросил Феликс, не открывая глаз. – Твой взгляд меня хоронит. Ты смотришь на меня так, как будто я уже покойник. А я еще живой. И я так хотел бы остаться живым в твоей душе.

– Феликс, я всегда буду любить и вспоминать тебя! – горячо откликнулся Эруаль.

Не надо, не лги мне. Ты уже убил меня в своем сердце. Ты не считаешь живым того, кому осталось жить меньше дня.

– Феликс, пожалуйста! Своими словами ты травмишь мне душу! Что случилось с тобой? Неужели за какие-то пару дней ты мог настолько сильно измениться, что презрел мно-

гие годы нашей дружбы!

– Прости, – прошептал средний принц. Он тяжело сел на кровати и опустил голову на руки, желая спрятать от глаз брата свое лицо. Горестный стон сорвался с его губ. – Эруаль, я боюсь смерти. Я боюсь боли. Я хочу жить. Я не хочу умирать.

У Эруаля разрывалось сердце, пока он слушал эти слова. Он жаждал поменяться с Феликсом местами, взять на себя все его грехи, сгореть вместо него, только бы не видеть брата в таком отчаянии, только бы не чувствовать себя таким слабым и беспомощным, только бы не слышать его страшных слов!

– Зачем ты это сделал? – спросил младший принц Лавандины. – Ведь ты прекрасно знаешь, что вступать в контакт с темными строго запрещено. Упаси бог от союзничества! Зачем ты пошел освобождать их?

– Я чувствовал свою вину! – как-то затравленно воскликнул Феликс. – Элспет так спокойно и жестоко убивал тех, кто не захотел сдаться в плен! Без всяких церемоний и сомнений. А ведь они такие же эльфы, как мы! Только они сбились с пути добра, с пути Света. Однако, это не дает нам права так жестоко обращаться с ними! Мы должны относиться к ним с пониманием! У нас свои порядки, у них свои. Так вот... Элспет был беспощаден с ними, и я был вынужден поступать так же, как он. Но мне противна даже мысль об убийстве, что говорить о самом действии! И мне было стыдно перед этими

бедными темными эльфами. Я убивал их друзей и родных. На моих руках их кровь! – Феликс судорожно вздрогнул, как будто заново переживая события той роковой для него ночи. – Это было ужасно! Я не знал, как смотреть самому себе в глаза после всего этого. Я не понимал, как оправдать себя за это перед Богом! И я подумал, что, может быть, получу их прощение, если выпущу на волю. Но... у меня не получилось.

Снова горестный вздох вырвался из груди Феликса. Он не поднимал глаз и поэтому не мог видеть гримасы понимания, недоверия и удивления, поселившейся на лице его брата. А Эрваль с трудом сдерживал яростный крик разочарования.

"Снова проклятая доброта! Я так и думал, что она не доведет его до хорошего! – думал младший принц Лавандины. – Ну разве можно быть таким наивным! Таким... глупым! И ведь не объяснишь ему, что иногда милосердие неуместно, что не все понимают и принимают его".

Не удержавшись, Эрваль заговорил, быстро, как будто куда-то торопился:

– Феликс, Элспет был прав, убивая темных! Они не эльфы, они – твари. Они убивают мирных жителей и при этом не думают о чувствах других, как это делаешь ты. Они убили нашего деда, в ходе войны с ними мы потеряли мать! Разве ты забыл это? Да им нельзя прощать сам факт их существования! Они постоянно угрожают власти нашего отца! Поверь, они заслуживают смерти!

– Любое создание, появившееся на свет, заслуживает жизни! – горячо возразил Феликс, впервые за время их встречи смотря прямо в глаза своему собеседнику. И во взоре его плескалось столько же праведного негодования, сколько было в словах Эруалья. – Я не понимаю, почему вы так жестоки по отношению к ним! Даже ты за что-то ненавидишь их! Я не люблю, когда ты такой. В такие минуты ты... ты сам...

Феликс неожиданно резко замолчал.

– Ну, договаривай! – с замирающим сердцем поощрил его Эруаль.

– Ты сам похож на темного! – выдохнул его брат.

Младший принц Лавандины застыл изваянием. Услышать то, что на протяжении стольких ночей ему внушал Голос, от своего собственного брата оказалось для Эруалья настоящим ударом. "Неужели ТАК заметно?!" – невольно подумал он. Продолжая смотреть на Феликса круглыми от изумления глазами, младший принц невольно отодвинулся от него подальше. Рыжий эльф, заметив, какое впечатление произвели его слова на брата, сам испугался сказанного и поспешил извиниться.

– Я погорячился, – сказал он. – Эруаль, не принимай близко к сердцу.

– Ничего, я понимаю, – неуверенно произнес младший принц Лавандины, быстро поднимаясь. – Ты знаешь, Феликс, мне, наверное, уже пора. Я засиделся, а твои стражники очень подозрительные.

Однако, самому Эруалью его последние слова показались оскорбительными. Он поспешил исправить это. Нагнувшись к брату, он тихо-тихо прошептал ему на ухо:

– Мы с Витеком попробуем спасти тебя. Не теряй надежды.

И младший принц Лавандины поспешил покинуть эту комнату. В полном одиночестве он вернулся в свои покои. Захлопнув за собой дверь, устало прислонился спиной к створке. Эруаль печальным взором окинул комнату, свыкаясь со знакомой обстановкой, и остановил его на зеркале, которое несколько дней назад завесил скатертью. Отойдя от двери, принц приблизился к нему и по привычке заговорил с ним:

– Вот я, наконец-то, и дома. Жаль, что при таких печальных обстоятельствах. И Хевингему придется долго ждать нашей с Витеком помощи. За что боги так разгневались на нас?

Но зеркало, как обычно, отвечало на его философские суждения стеклянным молчанием.

В дверь постучали. Эруаль, не торопясь, пересек комнату и открыл. Порог перешагнул Витек. Дождавшись, пока дверь за его спиной не захлопнется, он спросил:

– Ну что, попробуем составить примерный план действий по вытаскиванию твоего брата из пекла?

Глава 22

Следующий день выдался на редкость ясным и солнечным. Жаркое светило только начинало подниматься из-за горизонта, а на небе уже не было ни облачка. Легкий ветерок, веселый щебет птиц, ласковый шелест листвы и похоронный звон со всех колоколен столицы окрасили это утро всеми цветами радужного спектра. Однако, Алые цветки в этот день все видели в черных красках.

Уже с зарей на дворцовую площадь стали стекаться эльфы, образуя шумную говорливую толпу. Ровно к назначенному времени подошли только самые сони, которым не хотелось вставать даже из-за такого редкого, а потому особо значимого события, как казнь королевского сына. В центре площади поставили высокий столб, к подножию которого свалили большие охапки сена. С самого утра место казни находилось в оцеплении королевских лучников. Для короля на одном из балконов дворца поставили трон, а также для двух его сыновей. Но это было не более чем данью традиции. Всем было известно, что Элспета в городе нет, что он вернулся на границу, возглавлять один из отрядов лавандинской армии, и даже не знает о том, что его брата казнят, а Эрваль еще с вечера объявил о том, что не будет присутствовать на церемонии сожжения из-за моральных принципов. Королевский советник Витек предполагал для себя наблюдение за

происходящим из общей массы народа. Он не боялся, что на него нападут, или же, наоборот, будут выпрашивать какие-то услуги как у особы, приближенной к королю. Нет, он знал, что в народе его побаиваются, и без крайней необходимости никто не осмелится привлечь его внимание.

Король появился на балконе за пять минут до начала казни. Он был облачен в красные с белым одежды, на фоне которых терялась нервическая бледность его лица, и, ни слова не сказав своим подданным, тяжело опустился на трон. Обведя безучастным взглядом притихшую толпу, Элебрут устало прикрыл глаза, дожидаясь, когда приведут его обреченного сына.

Со стороны дворцовых ворот послышался стук копыт. Эльфы повернулись в ту сторону и мгновенно расступились, освобождая дорогу маленькой повозке. По камням дворцовой площади старенькая неторопливая лошаденка тащила грубо сколоченную телегу, в которой сидел со связанными руками средний принц Лавандины, облаченный, как всегда, во все белое. Но на этот раз это были не роскошные одежды благородного эльфа, а белая рубаша и белые холщовые штаны, в которые обычно одевали преступников в день казни. Феликс сидел сгорбившись и низко опустив голову, почти касаясь носом связанных запястий; золотисто-рыжие пушистые волосы закрывали его лицо. Сегодня для этого обворожительного "солнышка" должен был наступить закат.

Облаченный в черный плащ из недорогой тонкой материи

с надвинутым на нос капюшоном, Эруаль, затесавшийся в толпу поближе к Витеку, не мог не заметить, что его брат все же выглядит просто прекрасно для эльфа, которого ведут на смертную казнь. А уж он, несмотря на то, что был младшим в семье, на своем веку успел повидать немало бледных испуганных лиц преступников с трясущимися губами и бегаящими глазами, которых сама фраза "собственная смерть" приводила в невменяемое состояние.

С трудом отведя глаза от фигуры брата, Эруаль принялся искать в толпе эльфов Витека. Тот стоял, закутанный в такой же неброский черный плащ, и, едва почувствовав взгляд своего ученика, мгновенно повернулся к нему лицом и одним движением брови сделал знак приближаться к эшафоту. Эруаль легко выскользнул из толпы и в обход пробрался под самый нос к королевским лучникам, оцепившим столб. Взглянув на учителя, заметил его с другой стороны. Витек едва заметной полуулыбкой дал понять принцу, что пока все идет, как надо. Успокоенный, Эруаль вновь принялся искать глазами брата и увидел, что того уже привязывают к столбу помощники палача.

Когда они закончили, со своего места поднялся король. Он заговорил, тихо, но твердо и властно, без тени обуревающих его эмоций на лице и в голосе, и все невольно притихли, чтобы расслышать каждое его слово.

– Сегодня воистину печальный и горький день для всех нас, – говорил Элебрут. – Мой средний сын, принц Лаван-

дины, Феликс был пойман при попытке совершить ужасное преступление против короны. Он хотел освободить опасных темных эльфов – извечных врагов Алых цветков. Это большая боль для всех нас, но мы покорны воле Бога, не давшего ему совершить сие злодеяние, и исполняем волю эльфийского народа, приговорившего Феликса к смертной казни через сожжение. Что же, да будет так. Мы будем молиться всем известным нам богам за упокой его души. И пусть в наших сердцах он останется безгрешным. Мы прощаемся с тобой, Феликс. Ты желаешь что-нибудь сказать перед смертью?

На дворцовой площади стало еще тише, каждый из присутствовавших здесь эльфов боялся не расслышать негромкого печального голоса казнимого принца. И только Витеку было неинтересно предсмертное оправдание Феликса. Ставшими в один миг непроницаемыми черными глазами он смотрел прямо в лицо королю, упорно не желавшему заметить его и остановить на нем свой взгляд, и думал:

«Что же вы делаете, король Элебрут? Неужели вы настолько глупы и бессердечны, что подпишите смертный приговор собственному сыну? Честное слово, ни одна справедливость на свете не стоит этого! Интересно, а что бы было, окажись на месте Феликса ваш обожаемый первенец Элспет? Также безучастно вы бы себя вели, король?»

Между тем, все продолжали ждать речи Феликса. Тот долго собирался с силами и наконец произнес, нет, прошептал одними губами, так, что, невзирая на воцарившуюся тиши-

ну, никто ничего не услышал и не понял. А Феликс смотрел в глаза отца и говорил только ему. И один Элебрут, прочитавший все по губам, понял его:

– Отец, твоей вины в случившемся нет. Мне не в чем тебя упрекнуть. Ты – вечный раб общественного мнения, и ты всегда будешь марионеткой в его руках. Как твой потомок, я тоже неизбежно стал бы такой марионеткой. Спасибо, что избавляешь меня от этого. Прости, что оставляю тебя в таком тяжелом положении. Неизвестно, кому из нас сегодня повезло больше: твоему сыну, который умирает свободным, или тебе, который останется рабом молвы еще на долгие годы. Прощай, отец! Благословляю мир твой и царство твое!

С этими словами Феликс отвел в сторону взгляд своих светлых ясных глаз и опустил голову на грудь. С разных сторон к столбу подошли помощники палача и запалили сено. Веселое пламя с жадностью принялось грызть сухую траву. Толпа заморожено уставилась на столб, мгновенно забыв про несостоявшуюся для нее прощальную речь преступника.

Едва увидев алые языки пламени, Эрваль стал проявлять признаки заметного беспокойства. Он чувствовал, как его сердце в бешеном ритме колотится о ребра, хоть и помнил, что время для действия еще не пришло. Витек, находившийся немного правее своего ученика, казался невозмутимым. Он выжидал, когда внимание толпы будет окончательно усыплено видом сгорающего сена, внимание лучников – видом замороженной толпы, а внимание особ благородных

кровей – видом расслабившихся лучников, который в таких ситуациях имел обыкновение быть поводом для легкого беспокойства. И вот, когда Витеку показалось, что время пришло, он из осторожности кинул по сторонам пару незаметных цепких взглядов, оценивая обстановку, и мимолетным движением брови дал Эруалу знак приступать. Его ученик что-то быстро зашептал, воздвигая вокруг черноволосого эльфа прозрачную защитную стену, которая должна была поглотить все летящие в него предметы – эффективная оборона против лучников. Почувствовав на себе действие охраняющего заклинания, Витек потрогал ногой стоявший рядом с ним высокий ящик и, убедившись в его прочности, легким прыжком вскочил на него. Уже в следующую секунду он был на верхних стогах, еще не охваченных огнем, в непосредственной близости от удивленного его выходкой Феликса.

Оставшаяся внизу толпа, просыпаясь, пораженно ахнула.

Быстрым движением Витек вынул из складок плаща маленький острый кинжал и хотел уже перерезать веревки, удерживающие принца возле столба, но не успел. Предупрежденный Элебрутом командир дворцовой охраны, не сводивший пристального взгляда своих соколиных глаз с фигуры советника короля на протяжении всего утра, разгадал его план и, без труда повторив маневр Витека, оказался рядом с ним. Резким и сильным движением он выбил из руки черноволосого эльфа кинжал. Не удержавшись, Витек вскрик-

нул от боли и схватился за вывихнутую тонкую кисть. Пока он приходил в себя, ловкий командир дворцовой охраны безжалостно скрутил ему за спиной руки, быстро связав их крепкой веревкой. Оторвав клочок от плаща Витека и сделав из него кляп, чтобы помешать советнику короля использовать заклинания, командир подхватил свою бесценную ношу, оказавшуюся совсем легкой, на руки и с той же ловкостью спрыгнул обратно, на землю. Его сразу же окружили стражники, которые взяли черноволосого эльфа под конвой и увели во дворец – все, как и было велено.

Толпа начала возбужденно перешептываться. Сразу стало шумно.

Эруаль, видевший провал Витека, решил воспользоваться общим смятением, чтобы самому попытаться спасти брата. И в тот же миг заметил, что его окружают стражники, предупрежденные о том, что у Витека наверняка найдутся помощники. Принц попробовал вырваться, разорвать смыкающееся кольцо из эльфов в форме, но его попытки были быстро и решительно пресечены. Эруаль опомниться не успел, как его руки оказались связаны за спиной шелковым шнурком. Интуитивно он понял, что следующим их действием будет попытка заткнуть ему рот, и принц в отчаянье, уже плохо соображая, что делает, в самый последний момент выкрикнул заклинание. В следующий миг его лишили возможности говорить.

А магические слова, достигнув своей цели, развязали ве-

ревки, удерживающие Феликса возле столба. Удивленный внезапным чувством свободы, средний принц Лавандины и шага ступить не успел, как разогретый бушующим возле его ног пламенем стог сена осел под его весом, и Феликс, сильно пошатнувшись, полетел прямо в огненную бездну. Страшный душераздирающий крик разнесся над площадью, распугивая птиц.

Вокруг разом стало тихо-тихо. Все взоры были устремлены на охваченный огнем участок, в котором исчез средний принц. Он сгорел мгновенно, просто, как факел. Но вид чужой смерти все равно подействовал на толпу завораживающе.

И только до Эруаля не сразу дошел смысл произошедшего. Он смотрел на то, как сгинул в огне его брат, огромными, полными панического ужаса глазами, его предсмертный крик просто оглушил младшего принца, но сам факт случившегося он осознал только через пару минут. Эруаль понял, что его брат все-таки умер, что он не смог спасти его. Из глаз молодого эльфа брызнули слезы. С губ рвался безумный крик отчаяния, едва ли не страшнее того, что уже разлетелся над площадью, но кляп глушил все звуки, и Эруаль просто подавился собственным горем.

Стражники поспешили увести с площади это ставшее в один миг безвольным тело.

Глава 23

Эруаль смог успокоиться только ближе к вечеру. Сегодня он дал волю своим чувствам. Младший принц Лавандины рыдал, как маленький ребенок, не желал верить в смерть брата, бросался на запертую дверь. Он приказывал, просил, умолял позвать к нему Феликса, дать с ним поговорить и снова впадал в неистовство, получая в ответ безмолвие. В комнате с ним постоянно находились два стражника, удерживающие его от рукоприкладства и пресекающие слишком буйные порывы, и королевский лекарь, который каждый час давал ему успокоительные настои из трав. Но Эруалю ничего не помогало. Он ненадолго забывался спасительным сном, а с пробуждением дикая истерика начиналась по новой. В ТАКОМ состоянии всегда спокойного и кроткого принца еще никогда не видели.

Витека тоже заперли в его комнате, но, как и велел король, только до окончания казни. Ровно в полдень его освободили от пут и сняли с дверей стражу. Однако, черноволосый эльф сам отказался куда-либо выходить и каменным изваянием застыл возле окна. Абсолютно пустым бессмысленным взглядом он смотрел на выщербленные булыжники дворцовой площади и тоже пытался успокоиться. Но если его ученик искал утешения в слезах и крике, то сам учитель пытался вернуть себе хладнокровие мысленно. Он прекрасно понимал,

кому обязан своей неудачей. И он ненавидел за это Элебрута. Витек собирался с силами. Он был не из тех, кто, получив удар от судьбы, сдается ей на милость. Нет, Витек искал в себе силы для борьбы.

"Я должен сказать Элебруту все, что думаю о его поступках! – решил черноволосый эльф. – Так дальше продолжаться не может. Король стал недалновиден. Он совершает слишком много ошибок. Наверное, тому причиной возраст. Но... это не оправдание для него! Сегодня же я поставлю его перед выбором: либо он в ближайшее время передает власть в руки Элспета, а сам полностью отходит от дел без права давать новому королю советы, либо продолжает править сам, но в таком случае он потеряет и меня, и Эруаля и наживет себе страшного, непримиримого врага".

Примерно такими мыслями терзался весь день советник короля Элебрута. Вечером, когда он собрался навестить своего ученика, в его комнату заглянул дворецкий и доложил, что его величество желает видеть своего помощника.

– Скажи, что я занят, – неохотно откликнулся Витек. Сегодня он не желал пересекаться с королем. Боялся, что буря негодования, еще до конца не улегшаяся на дне его души, снова может разразиться. Витек боялся потерять над собой контроль и наделать глупостей, о которых потом придется долго сожалеть.

– Простите, но его величество сказал, что это приказ, которого вы не имеете права ослушаться, – робко заметил дво-

рецкий. – Не хотелось бы вам напоминать, но со вчерашнего дня ваша власть здесь не безгранична, как то бывало прежде. Вы больше не "второй король на троне", как все вас за глаза называли. Вы в опале, и вы обязаны подчиниться во избежание еще более серьезных последствий.

– Вот, значит, как? – против воли Витека его слова вырвались из горла со странным, пугающим шипением. – Мне нельзя выражать свою волю и меня лишают права выбора... Что ж, видимо, и вправду пришло время пообщаться с королем. Я иду.

И Витек вперед дворецкого вылетел в коридор. Его провожатый едва успел догнать его. Казалось, советник стоял возле кабинета короля уже через пару секунд. Решительно и громко постучав в дверь, вошел, да нет, скорее, ворвался внутрь помещения. Плотнo прикрыв за собой обе створки, Витек сурово уставился в бледное утомленное лицо короля и каким-то нехорошим, чересчур твердым и резким голосом прошипел:

– Ну что, ваше величество? Хотели поговорить? Давайте! Давайте объяснимся! Мне есть, что вам сказать! И очень много! Но для начала я хотел бы послушать вас. Что скажете вы мне в свое оправдание?.. Ну, не молчите же! Если вы уверены в своей правоте, не прячьте глаз! Взгляните честно мне в лицо! Вы же король!

Но Элебрут никак не реагировал на его слова. Он продолжал сидеть в кресле с закрытыми глазами и виновато опу-

щенной головой. Ни вздоха, ни малейшего шевеления не потревожило его сгорбившейся фигуры, и в сердце Витека заползло нехорошее чувство. Он приблизился к королю и решительно тряхнул его за плечо. Фигура в кресле безвольно накренилась. Потянувшись пальцами к его шее и нащупав артерию, Витек мгновенно определил, что король Элебрут мертв. Взгляд Витека быстро метнулся с тела на письменный стол. Там стоял открытый пузырек с ядом и пустой бокал. Рядом лежал развернутый лист бумаги, скрепленный внизу королевской печатью. Черноволосый эльф увидел в обращении свое имя, поэтому осмелился взять лист и прочитать написанное.

"Витек!

Прости мне мою утреннюю выходку. Но я должен был исполнить волю нашего жестокого народа. Теперь он удовлетворен и умиротворен. Но это стоило мне огромной внутренней выдержки и до сих пор разрывает чудовищной болью мое сердце. Я любил своего сына, своего Феликса. Так же, как люблю и двух других своих сыновей. Я ухожу в мир иной, потому что больше не могу выносить душевных мук, которые причиняет мне моя утрата. Я ухожу и оставляю своим преемникам, Элспету и Эруалию, успокоенный народ, проглотивший вожделенную жертву. Надеюсь, мои подданные примут и вторую жертву – своего неразумного короля.

Витек, ты знаешь, трон достанется Элспету. Я прошу тебя помочь ему разобраться в деле с той кампанельской про-

винцией, которая совсем недавно рассорила нас. Как ты и предполагал, здесь не обошлось без подвоха. Это провинция оборотней, абсолютно не контролирующая себя, когда они находятся в звериной ипостаси. С ними ничего невозможно сделать, к ним не получается приблизиться даже на расстояние выстрела. Мы уже потеряли много эльфов, пытаюсь усмирить их. Это очень страшное и очень опасное дело, требующее осторожности. Элспет самоуверен и горяч и на первых порах может не понять этого. Попытайся все объяснить ему.

Витек, я хочу мира! Надеюсь, ты все мне простишь, потому что я не хочу умирать, пребывая в ссоре с тобой. Помолись за упокой моей души.

Король Элебрут"

Отчего-то письмо вызвало у Витека не жалость, а гнев. Он с раздражением смял в кулаке бумагу и проронил сквозь зубы:

– Глупец!

Убрав письмо в карман плаща, черноволосый эльф решительным шагом направился к двери и, распахнув ее пинком ноги, вышел в коридор. Он, как ни в чем не бывало, отправился по своим делам и уже на ходу, как нечто само собой разумеющееся, бросил стражникам равнодушным тоном:

– Король покончил с собой! Примите необходимые меры.

Витек пересек пару коридоров и, поднявшись по одной из внутренних лестниц на верхний этаж, остановился у двери,

ведущей в комнату его ученика. Стражники честно попытались предупредить его, что принц не в себе, но советник грубо оттолкнул обоих в сторону и ворвался внутрь. Эруаль сидел на полу перед зеркалом, отвернувшись от него. На его лице застыло выражение упрямства, в глазах – страдания, а в позе – вялости. Зеркало за его спиной было разбито, ранее прикрывавшая его кремовая скатерть разорвана в клочья. Надо сказать, что помимо зеркала в комнате не осталось ни одной целой вещи. Все было поломано, порвано, разбито. Невозможно было поверить в то, что все это могло быть сотворено тонкими руками такого изящного эльфа. Витек, который в этот момент тоже был сам не свой, не обратил на все это внимания.

– Эруаль, быстро приведи себя в порядок! – тоном, не терпящим пререканий, распорядился черноволосый эльф. – Мы немедленно покидаем дворец!

Пока новость о смерти короля была достоянием только трех эльфов: двух стражников и советника. Прежде, чем она разлетится по всему дворцу, Витек хотел увести своего ученика. Он предполагал, каким страшным ударом будет для него смерть брата, и справедливо решил, что еще одного удара такой же силы чувствительная натура Эруаля не выдержит. Значит, принц должен пребывать в неведении насчет того, что случилось с его отцом, как можно дольше. Хотя бы пару-тройку дней.

Услышав голос учителя и увидев перед собой знакомый

силуэт, Эрваль сразу же поднялся на ноги.

– Я готов, – каким-то глухим, убитым, но безмерно покорным голосом сказал младший принц Лавандины.

Как ни торопился Витек, он все же не смог удержаться от полного сомнения взгляда, брошенного на ученика. За прошедшие несколько часов Эрваль снова превратился в свою бледную тень. Его волосы спутались и в беспорядке были разбросаны по плечам, под покрасневшими от слез глазами появились мешки, лицо побледнело до серого оттенка и сильно осунулось. На нежной коже запястий остались глубокие следы от стягивавших их утром веревок. Его одежда также пришла в полный беспорядок: порванная рубашка без нескольких пуговиц, одна штанина короче другой, превратившийся в жалкие лохмотья черный плащ, – все это было результатом его неравной борьбы с лекарем, стражниками и мебелью. Витеку стало жалко своего ученика. Он снял с себя плащ, в котором еще утром был на площади, и накинул его на плечи младшего принца Лавандины. Тот со словами благодарности закутался в него.

Учитель и ученик покинули комнату. Они чуть ли не бегом покинули дворец, оседлали своих коней и помчались куда-то на восток Лавандины, в сторону, противоположную Истерскому лесу. Витек ехал чуть впереди, выбирая дорогу, Эрваль неотступно следовал за ним.

А сразу же после их отъезда весь дворец буквально встал на уши...

Два всадника неслись по пыльным мостовым города с такой скоростью, какую только могли выжать из несчастных коней, просто выбивавшихся из сил, чтобы угодить своим беспокойным и подавленным хозяевам. Мгла окружающей ночи разлеталась в жалкие клочья, пронзенная их фигурами. Где-то на краю неба слышались первые раскаты грома. Хлынувший вслед за этим ливень до нитки вымочил моих героев, зато привел в себя Эруаля, который последние несколько часов и не жил вовсе, а так, находился в бездумной прострации. Осмотревшись по сторонам и поплотнее запахнув на груди плащ, принц, в непроглядной темноте не узнавший дороги, перекрикивая шум непогоды, спросил у наставника:

– Витек, куда мы едем?

– К Клавелию. Утром будем у него.

Глава 24

Вражеская компания в эту ночь тоже не спала. Взвинченный и злой Варлам д' Аруэ заявился в башню Виолетты как раз во время ее разговора с вызванным из пещеры мужем. Мимходом поздоровавшись с Лэмаром, наместник Кампанелы дал выход своему негодованию:

– Я больше не могу терпеть этого гадкого несносного мальчишку! Он точно что-то затевает. Он два раза вырывался из-под контроля моих лучших шпионов и пропал в неизвестном направлении. И его никто не мог разыскать, пока он сам не возвращался. Меня так это нервирует! Чует мое сердце, он готовит мне "сюрприз"!

Ясное дело, готовит! – весело фыркнул Лэмар, ничуть не обескураженный словами наместника. Он сразу понял, что с Хевингемом будет справиться не так-то легко. Конечно, проще было бы его убить. Но пока он был Лэмару нужен, а значит, он должен жить. – Твой изворотливый принц, как я и предсказывал, встретился с Витеком. Если помнишь, это советник Элебрута, который в свое время немало крови попортил вашим кампанельским дипломатам.

– Этого не может быть! Хевингема не настолько переключивает, чтобы в одиночку соваться во вражескую Лавандину! Да еще под нос к королю, – нахмурился Варлам.

– Дослушай сначала, – терпеливо попросил Лэмар. – Ви-

тек сейчас в Истерском лесу и, видимо, твой принц как раз прогуливался именно там. Было или не было, но они встретились. И Витек согласился помочь Хевингему. Понимаешь, чем это нам грозит?

– Нужно убрать Витека, – предложил Варлам.

– Практически невозможно. Старый лис слишком хитер. К тому же, ты испортишь мою тонкую месть. Витек должен увидеть, как умрет его ученик – последний в роду Алых цветков, и на трон Лавандины снова взойду я.

– Тогда нам нужно попытаться максимально ускорить события, которые приведут Эруалья к власти, – вмешалась Виолетта. – Это сократит время для действий Хевингему с Витеком.

– Умничка, Вио! Именно это я и хотел сказать, – криво ухмыльнулся темный эльф. Затем он снова обратился к д'Аруэ: – Если ты еще не в курсе, то нам это вполне по силам. Твой план удался. Более того, принес совершенно неожиданные по восхитительности результаты. Принц Феликс благополучно сгорел. Король Элебрут, не выдержав боли от потери сына, покончил с собой. Витек в опале и отстранен от власти. Согласись, это тот необходимый нам максимум жертв, о котором мы даже не могли помыслить! Итак, препятствием является только Элспет.

– Убрать его будет сложно. Даже в ходе военных действий. Он очень умелый воин, кроме того, его очень хорошо охраняют. Война – его стихия. На поле боя он чувствует себя, как

дома, – раскованно и уверенно, – Варлам задумчиво покачал головой, лоб его снова нахмурился, хотя в глубине души он был очень рад новостям, которыми поделился с ним темный эльф. Это значило, что их план близок к исполнению. Трон Кампанелы и Истерский лес вместе с его морем почти у него, Варлама, в руках.

"И что этих Алых цветков так много?" – с досадой подумал наместник Кампанелы.

– У меня есть одна неплохая идея, как подобраться к Элспету. Правда, она очень рискованная. Но если в итоге война прекратится, риск сойдет на нет, – словно размышляя вслух, проговорил Лэмар. – Способ верный и действенный. Неудача исключена... Ну что, выслушаете меня?

– Конечно. Не понравится – откажемся, – буркнул Варлам.

– Вы слышали об организации Небесный Свет?

Наместник и Виолетта обменялись удивленными и заинтересованными взглядами. Безусловно, они слышали о Небесном Свете и методах его работы и, похоже, уже догадывались о том, чего хочет Лэмар.

– Вы правильно меня поняли, – верно расценив их воодушевленные взгляды, произнес темный эльф. – Мы обратимся в Небесный Свет и заключим с ними договор. Во время одного из сражений они должны будут очистить воинам Кампанелы дорогу к Элспету. Как известно, заказать им убийство конкретного человека нельзя, но, если охрана принца заметно поредеет, дотянуться до него будет проще простого. И бой

этот должен случиться как можно скорее, – Лэмар уперся своим страшным взглядом в Варлама. – Д' Аруэ, я дам тебе адрес Небесного Света. Отправляйся туда прямо сейчас и заключи с ними договор. Затем уточни у своих шпионов точное место нахождения Элспета и начинай стягивать войска туда, где расположены отряды, которыми он командует. Мы должны торопиться, если не хотим увидеть обратную сторону сделки с Небесным Светом.

Лэмар протянул Варламу лист голубой бумаги с написанными на нем строчками заклинания. Наместник по привычке хотел прочитать их, но Виолетта остановила его.

– Подожди! – решительно сказала колдунья. – Я не считаю наш совет законченным. У меня тоже есть, что сообщить.

Варлам и Лэмар одинаково заинтересованно посмотрели на свою сообщницу.

– Вы уже знаете, что мне удалось втереться в доверие к Хевингему, и сегодня он имел неосторожность поделиться со мной кое-какой информацией. Да, он действительно познакомился с Витеком, который обещал помочь ему прийти к власти. Они избрали для этого законный путь, и советник Элебрута (прошу прощения, бывший советник) отправился в Лавандину в гости к моему первому мужу – Клавелию. Он хочет узнать у него, не помнит ли тот какого-нибудь древнего закона, безоговорочно утверждающего на престоле кандидатуру принца, каким бы он ни был. Поверьте мне на слово, мой первый муж – очень умный человек, и я наверняка не

поручусь, что он действительно не вспомнит такого закона. Я бы хотела навестить Клавелия и, пользуясь тем, что он все еще меня любит, попробовать убедить его не помогать Витеку. Но есть одна проблема. Я не знаю его адреса.

– Я знаю, – спокойно сказал Лэмар. – Когда-то давно я заглядывал и в его сны. Он живет на окраине маленькой полузабытой деревушки Черс, что возле Дымкового леса, в Лавандине. Ты молодец, что подумала об этом, Вио. Я восхищаюсь и ценю твое стремление помочь одновременно и мне, и наместнику. Отправляйся к Клавелию, ты опередишь Витека. Его наверняка задержала во дворце казнь Феликса, и магия перемещения ему не подвластна. В отличие от тебя. Как поговоришь с Клавелием, сразу же возвращайся сюда. Д' Аруэ, подпишешь договор, тоже загляни в башню к Вио, положишь, как все прошло. Я останусь здесь и буду вас ждать.

Лэмар вернулся в центр пентаграммы и демонстративно уселся там, скрестив ноги и приготовившись к долгому ожиданию своих сообщников. Варлам прочитал написанные на голубой бумаге слова и растворился в воздухе. Виолетта некоторое время искала в книге необходимое ей заклинание, а потом тоже исчезла. С тихим вздохом Лэмар погрузился в мрачные раздумья.

Так как мы уже знаем, как заключаются договора с Небесным Светом, то оставим это на совести одного лишь Варлама д' Аруэ, а сами последуем за Виолеттой Старшайн, посредством сильного заклинания перенесшейся прямо к порогу

дома бывшего мужа. Некоторое время женщина, зябко кутаясь в черный плащ, позволявший ей почти полностью слиться с темнотой окружающей ее безлунной ночи, стояла на грубо сколоченном крыльце и осматривала унылые окрестности.

Дом Клавелия Мудрейшего был расположен в заброшенной местности, пейзажи которой были настолько тоскливы, что при взгляде на них хотелось плакать. Все дома здесь были разваленные, старые; невысокая чахлая, какая-то больная травка оставляла тут и там серые проплешины голой земли; из деревьев здесь росли только ели, редкие, но зато большие и разлапистые. На память от других деревьев остались только пеньки. Ухабистой дороги почти не было видно за буреломом.

"Как сюда добираться пешком?" – удивилась про себя Виолетта и, не желая больше стоять на улице, уверенно постучала в дверь. Ждать, пока ее откроют, пришлось долго. Все это время женщина прислушивалась к стуку своего сердца. Она не хотела признаваться себе в том, что волнуется перед встречей с бывшим мужем даже больше, чем ожидала. Как он примет ее? Пустит ли вообще на порог? Согласится разговаривать? Ведь несколько лет назад во время восстания темных эльфов она бросила его на произвол судьбы, переметнувшись на сторону врага и оплатив предательством за то доброе отношение, которое он всегда испытывал к ней, невзирая на ее скверный строптивый нрав, романы на сторо-

не и занятия черной магией. Клавелий всегда был для Виолетты воплощением скромности, доброты и справедливости. Это был идеальный вариант мужа, отца, деда, а в далеком прошлом, наверное, и сына. Он одинаково хорошо справился бы с любой ролью, которую бы ни определила ему жизнь. Эта идеальность во всем иногда раздражала колдунью в Клавелии, а иногда восхищала. Она до сих пор не могла похвастаться однозначным отношением к своему бывшему мужу.

"Интересно, каким он стал?" – успела подумать Виолетта, и дверь перед ней распахнулась.

Она сразу узнала Клавелия, еще больше постаревшего со дня их последней встречи. Перед колдуньей стоял древний старик лет под сто очень высокого роста с лицом, нещадно изъеденным глубокими морщинами. Его длинные седые волосы были гладко причесаны и ровными прядями спускались на все еще прямую спину. Белая борода доходила до груди. Старик был облачен в длинный балахон, ниспадавший к его ногам широкими складками. Балахон был светло-фиолетового цвета, на нем ярко переливались вышитые серебряными нитями звезды. Под широкими и длинными рукавами Клавелий прятал свои худые руки с кривыми пальцами, пораженными какой-то костной болезнью. При виде бывшей жены его тусклые светлые глаза не отразили ни капли удивления.

– Что стоишь, Виолетта? Как будто не своя! Входи, раз пришла, – миролюбиво предложил Клавелий и поспешил по-

сторониться, пропуская женщину внутрь своего убогого жилища.

В домишке была всего одна небольшая комната, обставленная крайне скудно. Почти всю стену занимал очаг, на огне стоял противень с пирогом, распространявшим по всему помещению аппетитный запах. Рядом с очагом располагалась аккуратно забранная постель, состоящая из расстеленного на полу матраса и жесткой подушки из соломы, накрытых тонким шерстяным одеялом. Сверху постель была прикрыта черным плащом. Посередине комнаты стоял большой стол и четыре стула вокруг него. Стол был завален книгами, стопками бумаг и перьями, – все, что было нужно для исследований Клавелия. В углу возле входа высилась аккуратно сложенная горка дров для растопки очага. По стенам были развешаны связки разнообразных кореньев, цветов и трав. Их было так много, что они пропитали своими горько-сладкими ароматами не только воздух, но и сами стены домика.

Полной грудью вдохнув знакомые запахи и на минуту перенесшись в свое далекое прошлое, Виолетта почувствовала, что пришла домой. Как-никак, около четырех лет она прожила в похожей обстановке, и за это время она стала ей родной.

– Присаживайся, – закрывая дверь, предложил Клавелий. – Будешь со мной ужинать?

– На дворе давно ночь, а ты только садишься ужинать, – не без удивления заметила Виолетта, присаживаясь на колче-

ногий стул. Она откинула с лица капюшон и развязала шнуровку на вороте плаща.

– У меня бессонница. И вот я развлекаю себя готовкой и чтением старинных манускриптов, – спокойно откликнулся Клавелий. Голос его был чистым и высоким, даже несмотря на прожитые годы.

Старик освободил от бумаг один из уголков стола и, сняв с огня пирог с начинкой из малины и ежевики, поставил его перед Виолеттой. Откуда ни возьмись на столе появилась чашка, и гостеприимный хозяин налил в нее настоящий на шиповнике чай. Щедрый крошащийся кусок сам собой отломился от пирога и улегся в тарелку Виолетты. Колдунья не удивилась смеси волшебства и собственноручных хлопот хозяйина. Она давно свыклась с подобными причудами бывшего мужа. Затем Клавелий налил чаю и себе и, усевшись напротив Виолетты, произнес:

– Мне показалось, или ты и в самом деле еще больше похорошела? На мой взгляд, годы не властны над тобой.

– Мне кажется, или ты еще больше постарел? – в тон ему откликнулась колдунья, делая глоток из чашки. Чай показался ей восхитительно вкусным, таким, что даже захотелось зажмуриться он удовольствия. – По-моему, время берет свое. Ты совсем разваливаешься.

– Внешность обманчива. Во мне еще много сил. Я слаб телом, но силен духом.

– Из слабого тела одним ударом можно вышибить дух по-

сильнее твоего.

– Человек умирает, только когда его душа сама хочет покинуть тело. Значит, оно стало для нее тесно или уже не выполняет тех функций, без которых она просто не в состоянии обходиться. Тогда душа покидает человека и отправляется на поиски нового, более совершенного тела. В обычных обстоятельствах ни одна сила не способна выбить душу из ее телесной оболочки.

– К чему ты говоришь мне это?

– Просто так. Тянет пофилософствовать. Ты ешь пирог, ешь. Не отравлено. А сама расскажи, зачем пришла, – ясные глаза Клавелия одарили Виолетту чистым, честным и мудрым взглядом.

Женщина задумалась, не зная, с чего ей начать.

– Ты в курсе обстановки, которая сейчас сложилась в Кампанеле? – наконец, спросила она. – Ну, насчет того, что официальные правители мертвы, а власть пытаются поделить наместник и принц?

– Да, я в курсе, – Клавелий медленно кивнул. – Бедная Кампанела! Такой судьбы ни одной стране бы не пожелаешь! Говорят, тактика короля Элебрута действует. Войска противника постепенно сдают одну за другой позиции его сыну, Элспету, который на данный момент руководит всеми военными операциями. А ты что, шпионишь для Кампанелы?

– Не совсем, – решив, что с бывшим мужем можно быть предельно откровенной, призналась Виолетта. – Я пытаюсь

запихнуть на трон наместника.

– Так ты выбрала Варлама д' Аруэ? – старик преломил седую выцветшую бровь, как будто удивлялся.

– А ты бы предпочел Хевингема? Этого глупого полусумасшедшего мальчишку? – глаза колдуньи сверкнули недовольством.

– Благодарение Богу, что этот выбор лежит не на мне. Я просто пытаюсь понять, чего ты от меня хочешь.

– Тогда изволь не перебивать. Итак, мне нужно, чтобы на троне оказался Варлам д' Аруэ. Но твой друг Витек, если ты, конечно, еще его помнишь, взялся поддержать Хевингема. И он хочет, чтобы непосредственную помощь в этом ему оказал ты. Со дня на день он приедет к тебе и задаст интересующий его вопрос. Он хочет знать, был ли когда-нибудь в Кампанеле такой закон, который разрешает править страной только прямым потомкам правящей династии. Мне не интересно, существовал ли такой закон на самом деле или нет. Я просто хочу, нет, я умоляю тебя: откажи в помощи Витеку! Трон не должен достаться Хевингему! Он слишком неопытен и потому не готов стать королем! Пожалуйста, окажи мне эту небольшую услугу, и я буду у тебя в неоплатном долгу.

Виолетта умоляюще взглянула на своего бывшего мужа. Клавелий сидел, задумавшись. Казалось, он витает где-то далеко в облаках, и ему нет никакого дела до интриг его бывшей жены. Но колдунья отчего-то была уверена, что старик не проигнорирует ее, поэтому молча сидела и ждала, что же

послужит ей ответом.

– Пожалуй, я выполню твою просьбу, – наконец, определился Клавелий Мудрейший, и Виолетта не смогла сдержать вздоха облегчения, против воли сорвавшегося с ее губ. – Но не потому, что так уж хочу помочь тебе. Я имею на этот счет личные соображения. Мне кажется, на этот раз Витек ошибся, принимая сторону принца. Я не стану способствовать продвижению к власти такого неопытного претендента. Пусть Хевингем попробует каким-нибудь другим путем доказать, что достоин править страной.

– Уверяю тебя, он не сможет этого сделать. Потому что недостоин, – почувствовав, что партия выиграна, Виолетта стала разговорчивее.

Она с удовольствием откусила от свежееиспеченного пирога, который оказался на редкость сладким. Вместе с этим она поделилась с бывшим мужем свежими дворцовыми сплетнями и рассказала о том, что сейчас творится в Кампанеле. Клавелий же, в основном, молчал, давая женщине вдоволь выговориться, но сам внимательно слушал и запоминал каждое ее слово. Полученная информация показалась ему абсолютно непригодной для политических интриг, но очень интересной, если расценивать ее как пищу для ума.

Виолетта покинула дом Клавелия Мудрейшего далеко за полночь. С помощью заклинания переместившись в свою башню, она застала там только необыкновенно хмурого Лэмара. Ее второй муж по-прежнему продолжал сидеть в цен-

тре пентаграммы и даже не шелохнулся при появлении хозяйки.

– А где Варлам? – спросила Виолетта у темного эльфа, чтобы привлечь его внимание.

Тот перевел на нее неживой взгляд своих черных, как ночь за окном, глаз и откликнулся голосом, еще более хриплым, чем обычно:

– Уже ушел. Он благополучно заключил договор с Небесным Светом. Скоро Элспет будет мертв.

– Это же хорошие вести! Надо сказать, что и я сходила удачно. Клавелий не станет помогать Витеку. Хевингем на какое-то время нейтрализован, – Виолетта победно улыбнулась, явно гордясь собой, но, видя, что Лэмар не спешит прыгать до потолка, выражая радость по поводу услышанного, женщина обеспокоенно спросила: – Если все так замечательно складывается, почему ты такой хмурый?

– Мы рано празднуем победу, – еще больше помрачнев лицом, произнес Лэмар. – Видишь ли, в чем дело. Когда Варлам находился в резиденции Небесного Света, заключал наш договор, то на столе их главы совершенно случайно заметил другой договор. Он не успел прочитать условия, но хорошо разглядел, что договор был подписан Витеком. Получается, мой заклятый враг тоже обращался в эту организацию. В таком случае, если он успел заключить сделку раньше нас, почему ее условия до сих пор не выполнены? Небесный Свет не вмешивался в ход военных действий. Подозрительно мне

все это. Витек что-то замышляет, как будто чувствует, что я подбираюсь к нему. И меня пугает то, что я сейчас даже предположить не могу, какими будут его дальнейшие действия.

– Не паникуй раньше времени, – доля беспокойства от мужа передалась и жене, но Виолетта все же попыталась успокоить Лэмара. – Витек тоже может ошибаться. К тому же, до сих пор у нас все получалось. Мы легко манипулируем нужными нам людьми. С чего ты взял, что удача изменит нам? Осталось совсем немного. Когда Элспет будет мертв, тебе останется лишь дожать Эруалья, и дело в шляпе. Почему вдруг в тебе ожили твои прежние страхи перед Витеком?

– Он не так прост, как кажется, – проронил темный эльф. – Если он обо всем догадается, нам точно конец.

– Это невозможно. Ты сидишь в тюрьме, и при всем желании тебя нельзя заподозрить в творящихся в Лавандине бедах, – уверенно заявила Виолетта. – Ты придумал идеальный план.

– Спасибо. Спасибо, что возвращаешь мне надежду, стойкость и силы. Даже мне порой бывает нужна поддержка.

– Ведь я люблю тебя! Это мой долг – помогать тебе в трудную минуту, когда словом, а когда делом... Слушай, а что ты не идешь к Эруалию? Тебе давно пора быть у него.

– Принц не спит этой ночью, я не могу прийти к нему.

– Как хорошо! Значит, ты не занят? Останешься со мной до утра?

– Как в старые добрые?

– Да, как тогда.

Лэмар улыбнулся неожиданно приятной, ласковой и легкой улыбкой.

– Тогда останусь.

Глава 25

На рассвете Витек и Эруаль, продравшись через бурелом, остановили своих коней возле уже знакомого моему читателю домика. Ночь, которую они провели в пути, обошлась для них без приключений, не считая того, что проезжая через Дымковый лес, Витек прогнал пару наглых разбойников, желавших поживиться за счет припозднившихся путников, а на въезде в деревню они спугнули какого-то дремлющего под елкой бродягу.

Клавелий Мудрейший сидел на крылечке своего домика и мыл коренья под струями дождя, начавшегося еще ночью и с тех пор лившего, не переставая. Заметив эльфов, старик оторвался от своего занятия и принялся внимательным взглядом изучать приезжих. Витека он узнал сразу, а вот кем был юноша, приехавший вместе с ним, Клавелий догадаться не смог. Однако, осанка молодого эльфа и его манера держаться выдавали в нем особу знатного происхождения.

Тем временем эльфы спешили и подошли к старику. Оба были насквозь промокшие и продрогшие, но держались уверенно. При ближайшем рассмотрении Клавелий заметил, что выглядели его гости крайне неважно. Их строгие красивые лица носили на себе отпечаток проведенной бессонной ночи и следы недавнего беспокойства.

"Интересно, смогу ли я узнать от них что-нибудь касатель-

но политической обстановки Лавандины? – невольно подумалось Клавелию Мудрейшему. – Все про Кампанелу я узнал за одну ночь. Окажутся ли лавандинские господа столь же разговорчивыми, как моя бывшая жена?"

– Доброе утро, Клавелий Мудрейший, – Витек склонил голову в знак приветствия.

Эруаль в точности повторил его слова и жест.

– Ну здравствуй, Витек. Я не забыл тебя, – старик внимательно смотрел на черноволосого эльфа. – Знаешь, ты совсем не изменился.

Витек прикрыл глаза, пытаясь вернуть себе спокойствие.

"Уже третий из всех моих знакомых прошлых лет говорит мне, что я ничуть не изменился! – подумал он. – Что же в этом удивительного, если я эльф?"

– Проходите, – Клавелий поднялся на ноги, и Эруаль поспешил помочь ему.

Вслед за хозяином эльфы вошли в домик. Как и на Виолетту, на них произвела благотворное впечатление атмосфера, царившая здесь. Впрочем, они не выказали по этому поводу никаких чувств и молча расположились за столом на услужливо предложенных стульях. Клавелий же принялся вязать вымытые корешки в пучки, чтобы потом развесить сушиться. Между делом он попросил Витека представить ему его спутника.

– Это Эруаль, младший сын короля Элебрута. Мой ученик, – как бы нехотя откликнулся Витек. – Клавелий, мы бы

могли обратиться к тебе с просьбой о помощи?

– Какой же ты шустрый! Сразу к делу, – заметил старик.

– Наше время ограничено. Поэтому мы не можем подольше с тобой поболтать.

– А я бы очень хотел пообщаться и побольше узнать о том, кто знаменит своей красотой на всю Лавандину, – Клавелий уперся мудрым, всезнающим взглядом в иссиня-бледное лицо Эруаля.

Тот поспешно опустил глаза и даже попытался прикрыть лицо ладонью, но потом подумал, что это будет выглядеть глупо, и одернул руку.

– Расскажите мне о себе, ваше высочество, – попросил старик. – Вы представляетесь мне интересной личностью.

– Можно мы поговорим об этом в другой раз? – робко откликнулся принц, все еще не решаясь посмотреть прямо в глаза Клавелию. – Сейчас у нас в самом деле очень мало времени.

– Хорошо. Но я ваши слова запомню. Посмотрим, как принцы умеют выполнять свои обещания. Что ты хочешь от меня, Витек? – Клавелий повернулся к черноволосому эльфу, справедливо рассудив, что говорить будет он.

Предупрежденный Виолеттой, он заранее знал ответ на свой вопрос. И Витек подтвердил его ожидания. Он еще раз поведал старику о том, что за обстановка сложилась в Кампанеле и попросил помочь Хевингему. Клавелий почти не слушал его. Он смотрел в самую глубь непроницаемых чер-

ных глаз Витека и пытался понять его.

"Ведь ты неглупый, очень неглупый эльф, – думал про себя старик. – Почему, в таком случае, ты принял сторону Хевингема? Ты думаешь стать его опекуном, если он займет трон? Ты хочешь таким способом прибрать к рукам Кампанелу? Но зачем она тебе? Ведь, по сути, в твоих руках вся Лавандина. Ах, как это не похоже на тебя, Витек. В этот раз ты либо очень умело хитришь, либо очень умело глупишь. От всей души надеюсь, что все-таки ни то, ни другое".

Клавелий поймал себя на том, что оба эльфа молчат и внимательно смотрят на него, ожидая реакции на произнесенные слова.

– Не хочу вас огорчать, господа, но такого закона нет, – взгляд чистых глаз Клавелия Мудрейшего оставался кристально честным. Он не врал им. – Вы зря проделали такой долгий путь и будете вынуждены вернуться ни с чем.

Произнося эти слова, старик внимательно следил за лицами эльфов. Черты Эруаля мгновенно отразили последнюю степень отчаяния. Маска спокойствия, застывшая на лице Витека, ни на миг не поколебалась какими-либо чувствами.

– Что же, спасибо за содействие, – черноволосый эльф поднялся первым. – Мне жаль лишь одного: что мы отняли твое драгоценное время.

– Не сожалей об этом. Я всегда рад гостям, они у меня редко бывают, – Клавелий простительно ему улыбнулся.

– Эруаль, выйди, пожалуйста, проверь лошадей, – неужи-

данно обратился к своему ученику черноволосый эльф. – Мне нужно поговорить с Клавелием наедине.

Младший принц Лавандины повиновался беспрекословно. Такое послушание поразило Клавелия Мудрейшего. Чтобы эльф благородного происхождения так легко подчинялся бывшему безродному темному! Да где это видано!

"Воистину, у Витека природный дар поработать волю тех, с кем он общается", – подумал Клавелий.

– У меня к тебе есть еще одна просьба. Возможно, она даже важнее первой, – произнес черноволосый эльф, когда за его учеником захлопнулась дверь.

– Не боишься, что тебя подслушают? – понизив тон, спросил Мудрейший, многозначительно кивая в ту сторону, в которой скрылся Эруаль.

– Не боюсь, – отмахнулся его собеседник. – Если в этом мире не доверять Эруалю, то можно не доверять никому. Он самый честный и надежный эльф на всю Лавандину.

– Затмевает даже тебя?

– Ну где ты видел честного темного? – затем Витек перешел к делу. – Может быть, ты знаешь, вчера утром сожгли среднего сына короля – Феликса.

– Все-таки сожгли? – весть не особо впечатлила Клавелия. – Слышал, что он пытался освободить темных. Но я думал, что отец его спасет.

– Его отец, наш король, в тот же вечер кончил жизнь самоубийством.

Лицо старика в мгновение ока посерьезнело. Он заметно обеспокоился и, перебивая Витека, поспешно спросил:

– А Элспет? Тоже мертв? Неужели пять минут назад в моем доме находился новоявленный король?

– Элспет жив, и его судьба меня заботит. Перед смертью Элебрут оставил записку, в которой просил меня помочь ему уладить дело с провинцией оборотней. Ты, наверное, слышал о ней, – заручившись понятливым кивком собеседника, Витек продолжил: – Но у меня нет на это времени. Как ты уже понял, я целиком и полностью предан Эруалу. Но вопрос с кампанельской провинцией продолжает оставаться открытым. Элспет на первых порах может наделать ошибок и лишь усугубит и без того нелегкую ситуацию. Я прошу тебя, Клавелий, приехать во дворец и быть советником молодому королю. Тебя там знают, помнят и любят. Тебя не отвергнут, к твоим советам прислушаются охотнее, чем к моим.

– Так у тебя не все в порядке при дворе? – догадался Клавелий.

– Пройденный этап! – отмахнулся Витек. – Даже не бери в голову. Лучше скажи, что ты мне ответишь?

– Мне по силам исполнить эту твою просьбу, и я с радостью сделаю это. Но скажи мне. Кто позаботится об Элспете, если я умру, а вопрос с кампанельской провинцией останется нерешенным?

– Тогда Лавандина обречена, – черноволосый эльф равнодушно передернул плечами. Похоже, это его нисколько не

пугало. – Я не вернусь во дворец. Как ты правильно подметил, обстоятельства там сложились не в мою пользу. Даже с точностью до наоборот. Вернуться туда – значит начать войну со своими же. На это у меня нет ни сил, ни желания. Поэтому побереги свою жизнь не только для себя и Элспета, но и для всех эльфов.

– Ты прекрасно понимаешь, что в сложившейся обстановке это будет крайне сложно, – заметил Клавелий.

– Когда идет война, всем нелегко. Послушай, а с каких это пор ты боишься сложностей?

– С тех самых, когда стал слишком стар для того, чтобы с прежней легкостью преодолевать их. Для человека у меня очень большой возраст.

– Не напоминай себе об этом, и все будет хорошо. Однако, мне пора, – Витек направился к двери, но на пороге остановился. – Клавелий, во дворец нужно ехать уже сейчас. Хочешь, мы с Эруалем проводим тебя? На дорогах сейчас неспокойно.

– Для перемещения я воспользуюсь магией. Так что не стоит беспокоиться, – старик улыбнулся на прощание своему другу и помахал рукой.

Витек махнул в ответ и вышел под дождь. Эруаль подждал его, сидя в седле своего коня. Заметив учителя, он обратился на него вопросительный взгляд и, едва разлепив губы, тихонько спросил:

– Куда мы поедem теперь?

– В Истерский лес. Теперь наш дом там.

Глава 26

Ровно в полдень эльфы остановили своих уставших коней возле Развалин. Это Витек настоял на том, чтобы в первую очередь ехать в обитель разбойничьей шайки Гло Картер. Там он оставил Эруаля одного и отправился искать Катариону. Он нашел ее на заднем дворе, где девушка играла со своим волком. Заметив черноволосого эльфа, вампиресса оставила свое занятие и, ощущая привычное отталкивающее напряжение, обратила на него свое внимание.

– Мне нужно, чтобы ты оказала мне небольшую услугу, – без лишних предисловий начал Витек. – Волею обстоятельств я не могу справиться сам, и потому для меня она просто неоценима. Для тебя же это пара пустяков и минимум риска.

– Выражайтесь яснее, – потребовала девушка, нахмурившись. Ей не нравился тон, который взял Витек. Как будто это он делает ей одолжение, а не сам просит об этом. И вообще, меньше всего на свете ей хотелось помогать Витеку. Она стояла сейчас и слушала его только потому, что он учитель Эруаля, самый дорогой для него эльф.

Между тем, черноволосый эльф перешел непосредственно к делу.

– Ты должна проникнуть во дворец правителей Кампанелы, разыскать там принца Хевингема де' Мортеро, запом-

нила? Хевингем де' Мортеро. Ты видела его у нас в замке. Скажи ему следующее: "Меня послал Витек. Вести неутешительные". Или что-то в этом роде. Главное, чтобы принц понял, что ты пришла от меня, и что наш план не увенчался успехом. Старайся не попадаться никому на глаза. Принц там не на хорошем счету. Вдвойне опасайся тех, кто действует от имени Варлама д' Аруэ. Но к тебе не должны цепляться. Я уверен, ты сможешь все сделать быстро и тихо.

– А с чего вы взяли, что я вообще за это возьмусь? – Катарина неприступно сложила руки на груди.

– Потому что это одинаково важно как для меня, так и для Эруаля. Считай, что я прошу от имени своего ученика, то есть твоего доброго друга. Неужели ты не помогла бы ему?

– Зачем вы связались с Кампанелой? Тамошний народ так просто не одурачишь.

– Ну вот. Ты начинаешь меня разочаровывать. Я был уверен, что ты не станешь совать нос не в свое дело.

– Но это мое дело, раз меня в него хотят впутать!

– Это дело сильных мира сего. Оно не для ума вампирессы из глухого леса. Тебя просто просят о содействии.

– Действовать вслепую? Ну уж нет! Это может оказаться слишком опасным, даже для меня. Откуда я знаю, куда вы меня посылаете и что там происходит? Вдруг там восстание в самом разгаре, и все убивают друг друга без разбора?

– В кампанельском дворце? Думай, что говоришь. Это, может быть, самое безопасное место на всю страну.

– Зачем же тогда такие осторожности?

– Я не скажу больше ни слова. Либо ты выполняешь мое поручение, либо я поищу кого-нибудь другого.

– Я иду, – пришлось согласно кивнуть Катарине. – Но имейте в виду, рано или поздно я все равно обо всем узнаю.

– Вопрос только в этом "или". Коварные буквы, правда? – глаза Витека хитро сощурились, и это сильно не понравилось вампирессе. Однако, она не стала ничего говорить на этот счет. Только спросила:

– Я должна отправиться прямо сейчас?

– Желательно.

– Хорошо. Ждите меня на Развалинах. К вечеру я вернусь.

Катарина легко запрыгнула на Догрызка, и огромный волк быстро понес ее в глубь леса.

Витек долго смотрел вслед всаднице, а затем присел на выщербленные ступеньки и предался грустным размышлениям.

"Все происходящее кажется мне крайне подозрительным. Когда-то я все это уже видел, только при других обстоятельствах. Много жертв, какой-то оттенок неумолимой жестокости, прослеживающийся в их смертях, все умершие – не простые эльфы. Я узнаю этот почерк. Алых цветков один раз подобным образом уже свергали. Неужели все повторяется? Но этого просто не может быть! Я знаю только одного темного эльфа с таким изошренным умом. Но я уверен в его бездействии! Хотя... уже не уверен. Кажется, Лэмар нашел вы-

ход из лавандинской тюрьмы. Ах, хитрец! Только попадись мне еще раз в руки, я шанса не упущу. До сих пор жалею, что тебя оставили в живых. Ах, Элебрут, Элебрут... Ты был милосерден к врагам и безжалостен к друзьям. Тебе от этого уже все равно, а вот мне приходится расплачиваться за твои ошибки. Ладно, чего уж теперь жалеть. Я заплачу. Да так, что мало не покажется. Только ошибись, Лэмар, и ты пожалеешь, что встал у меня поперек дороги. Мы оба темные. Мы стоим друг друга. Ты играешь жизнями других, и я умею ими играть. Благо нам обоим не впервой делать высокие ставки".

Мстительная кривая усмешка исказила губы Витека. Таким страшным и злым его лица еще никто не видел. В этот момент он больше всего был похож на прежнего темного, которым когда-то был.

Тем временем, его ученик тоже нашел для себя местечко на ступеньках возле одного из обвалившихся входов в Развалины. В отличие от учителя, он был не один. Расстелив на еще сырой от прошедшего утром ливня земле чей-то дырявый плащ, на нем расположилась уже знакомая нам тройца разбойников: Венсан, Ариадна и Ник. Они самозабвенно играли в карты на деньги. Унылый вид расстроенного Эруаль совсем не мешал им веселиться. Разбойники отчаивались, ругались, хохотали, как сумасшедшие, прощали друг другу какие-то долги и тут же влезали в новые... Эруаль смотрел на них чуть ли не со слезами на глазах. Они были ровесниками. Но эти трое казались такими по-юношески восторжен-

ными, беспечными, совсем не знающими жизни. Тогда как младший принц Лавандины чувствовал, что за какие-то пару дней прожил всю свою жизнь от начала и до конца. Призрак брата неотступно преследовал его воображение, образ постоянно стоял перед глазами. Принц ни на минуту не мог забыть, как Феликс летит в огонь и сгорает в нем. Крик брата до сих пор звенел в его ушах.

– Папа... – невольно сорвалось с губ Эруаля. – Зачем ты так поступил с ним? Со мной, с Витеком? Неужели все мы это заслужили? О боги! Я прошу вас, если вы уготовили мне так много столь болезненных утрат, пошлите мне быструю смерть! Лучше умереть молодым, чем жить с такими ранами на сердце.

– Эй, принц! – отвлек его от печальных мыслей веселый крик Ариадны. – Есть мелочь? Одолжи немного до первого богача!

И девушка заливисто рассмеялась, видимо, порадовавшись собственной удачной шутке.

Эруаль машинально полез в карман плаща, забыв, что когда-то он принадлежал Витеку. Вместе с горсткой монет он вытащил оттуда смятый в комок лист бумаги. Кинув монеты Ариадне, младший принц Лавандины, думая, что держит в руках старый, никому не нужный черновик какого-нибудь приказа, развернул бумагу. Увидев первые строки написанного, он уже не смог оторвать взгляда. Казалось, принц прочитал записку за пару секунд, перепрыгивая через строчки

и забывая дочитывать слова до конца. То, что он узнал, повергло его в ступор.

– Нет... Только не это, – чувствуя, как немеют губы, прошептал Эруаль. – Витек сказал бы мне! Он не мог промолчать!

Прямо на глазах у удивленных разбойников молодой эльф вскочил на ноги и ни с того ни с сего бросился в глубь Развалин. Впрочем, они пребывали в недоумении недолго. Дружно повертев пальцем у виска, трое друзей продолжили игру.

А Эруаль мчался по коридорам Развалин, разыскивая Витека. Он чуть ли не сбивал с ног встречных разбойников и, забывая слова извинения, бросался к ним с единственным вопросом: не видели ли они его учителя? Кто-то все-таки подсказал ему, где можно найти оказавшегося практически неуловимым черноволосого эльфа, и принц, заметив, наконец, сидящего на лестнице возле одного из выходов учителя, кинулся к нему. Услышав шаги за спиной, Витек обернулся и поднялся навстречу своему ученику. Тот остановился прямо напротив него, пытаясь отдышаться. Витек почти сразу заметил в судорожно сжатых пальцах ученика скомканный лист бумаги, и ему не составило труда обо всем догадаться.

– Ты читал это? – взглядом указав на бумажный комоч, спросил черноволосый эльф с присущим ему хладнокровием. Одновременно с этим он тревожно подумал: "Черт побери! Не смог я его уберечь от очередного нервного срыва".

– Это правда?! – севшим, с нотками намечающейся исте-

рики голосом то ли спросил, то ли воскликнул Эруаль.

Витек видел глаза своего ученика и видел в них мольбу, тщетную просьбу ответить "нет". Но Витек больше не хотел лгать.

– Это правда, – жестоко подтвердил он. – Вчера твой отец покончил с собой. Я не сказал тебе, боялся твоей реакции. Но ты и сам все узнал раньше времени.

– Как вы могли!.. – только и смог обронить младший принц Лавандины, без сил прислоняясь к одной из колонн.

Из его безвольных рук выпала проклятая прощальная записка короля Элебрута. Тоска и боль, сильная и тупая, просто разрывали принцу грудь, пытаясь вырваться на волю в страшном крике безысходности. Но Эруаль крепко сцепил зубы и молчал. Вчера он достаточно плакал и кричал. Хватит! Больше никто не увидит его слез.

– Почему тогда вы уехали? – неожиданно тихо спросил Эруаль каким-то глухим надтреснутым голосом.

– Что? – удивленно преломив бровь, переспросил Витек. Ему показалось, что он не понял вопроса.

– Почему вы уехали из Лавандины?! – сорвавшись на истерический крик, спросил Эруаль, пораженный тем спокойствием и равнодушием, с которыми наставник отнесся к смертям двух дорогих ему эльфов. – Ведь отец просил вас помочь Элспету! Почему вы бросили его?!

– Глупец! Неужели ты не понимаешь, что ты сейчас нуждаешься в моей помощи больше, чем кто бы то ни было! –

голос Витека прозвучал резко и зло. Он всегда огрызался, когда на него пытались кричать и сыпать упреками.

– И где же она, ваша помощь? Вы только и делаете, что молчите! И избегаете моего общества!

– А что мне еще делать? Рыдать вместе с тобой?

– Помогите мне вернуть душевный покой! Я не могу так жить! Мне больно! Мне плохо! Мне невыносимо! Учитель, я нуждаюсь в вас!

– Ты правда хочешь этого? – неожиданно серьезно спросил Витек. – Ты хочешь покоя?

– Я жажду этого!

– А не боишься того, что я темный? Ведь это не пройдет бесследно для тебя.

– Сейчас я боюсь только сумасшествия. Пожалуйста, учитель, сделайте, что сможете.

– Будь по-твоему. Потом не упрекай меня.

Витек с силой схватил своего ученика за плечи и уставился прямо в его синие глаза. Зрачки красивых глаз черноволосого эльфа стали вертикальными и засветились золотым сиянием. Оно отразилось в зрачках Эруаля и как будто поработило его. Принц почувствовал, как сознание учителя вторгается в его мысли, проникает в сердце, затрагивает саму душу. Эруаль перестал чувствовать сам себя, но вот малейшие колебания в сознании Витека улавливал мгновенно. Оно было черным и холодным, от него веяло смертью и ужасом. Все чувствительные раны оно лечило опустоше-

нием. После его прикосновений в душе оставались темные следы, которые шипели и извивались, словно змеи, пытаясь пробраться в мысли Эруалья и свиться там в уютные клубки.

Все кончилось так неожиданно быстро, что младший принц Лавандины не сразу понял, что снова сам принадлежит себе, что учитель больше не держит его, и страшное чужое сознание не путает мысли. Прислушавшись к равномерному стуку своего сердца, Эруаль почувствовал, что горечь и отчаяние, совсем недавно владевшие всем его существом, теснятся теперь где-то в уголке, ненавязчиво ноют, чтобы только напомнить о себе. Абсолютно сухие глаза и холодный ум... Эруаль чувствовал, что намечающаяся истерика отступила.

– Спасибо, – взглянув в глаза учителя, с необыкновенной признательностью сказал он.

– Не благодари. При обычных обстоятельствах я бы никогда не стал этого делать. Но тебе слишком много пришлось перенести. Все, что я мог для тебя сделать, – это убить твои эмоции, заменить безразличием. Я должен просить тебя быть осторожнее. Я темный, и я оставил в твоей душе большие проемы для проникновения Зла. Ищи в себе силы, чтобы не поддаться ему. Мне жаль, Эруаль, но у тебя тяжелая судьба. Учись выдерживать ее удары.

– С самого начала судьба мне сделала большой подарок – вас, – улыбнулся Эруаль, – и я готов расплачиваться за него всю свою жизнь.

– Поостерегись бросаться словами. Спорим, что пару минут назад тебе такое даже в голову бы не пришло, – Витек тоже улыбнулся в ответ, но как-то горько, подавленно. – Иди, Эруаль, пообщайся с разбойниками. В их обществе ты немного развеешься. А я останусь здесь дожидаться Катарины.

– Я бы мог составить вам компанию, – робко заикнулся младший принц Лавандины.

– Не надо. Я хочу побыть один.

Эруаль, понявший, что его вежливо прогоняют, беспрекословно подчинился и вернулся внутрь Развалин.

Глава 27

Пока Витек и Эруаль выясняли отношения, Катарина успела добраться до границы Кампанелы. Прячась по кустам, как опытный партизан, незаметно для пограничных отрядов прокралась на территорию соседней страны. Добравшись до города, Катарина схватила Догрызка за шерсть на шее и, стараясь держать его поближе к себе, уверенно прошла в распахнутые массивные ворота. Шум улиц мгновенно оглушил лесную жительницу. Однако, морщась от недовольствия, она продолжала путь, внимательно поглядывая по сторонам и радуясь про себя, что она здесь ненадолго.

В послеполуденные часы в столице Кампанелы царили суета и шум. Улицы были полны неспешно движущихся повозок и стремительно проносящихся мимо всадников, на площадях рядами стояли торговые палатки, хозяева которых так и норовили всучить свой товар. Но больше всего на улицах было обычных горожан. Знатные особы прохаживались туда-сюда медленно и величаво; простой люд сновал между домов с такой быстротой, что за отдельными его представителями порой невозможно было уследить.

Катарина с изумлением рассматривала прохожих, не понимая устроенной ими возни, но с глупыми вопросами не лезла и молча продолжала идти вперед. На ней же, наоборот, встречались взгляды всех, кто проходил мимо. Короткое

платье вампирессы и ее огромная собака (так выглядел в глазах горожан Догрызок) были причиной всеобщего любопытства. Проходя мимо кабака, она спросила у какого-то пьяницы, как побыстрее добраться до дворца, и тот, дыхнув крепким, хорошей выдержки перегаром, доброжелательно посоветовал ей идти через бандитский квартал. И Катарина, не заостряя внимания на само за себя говорящем названии, конечно же, пошла.

Бандитский квартал понравился ей с первого взгляда. Здесь было заметно тише и людей было заметно меньше, двигались они почти бесшумно и, если и вели между собой разговоры, то делали это приглушенными голосами. Они носили одежду черных и серых цветов, и потому больше походили на тени, нежели на живые существа. Еще Катарине понравилось, что здесь на нее не пялились, как на картину на выставке, и не отворачивались, презрительно поджимая губы, при взгляде на ее короткую юбку и голые плечи. Бандитский квартал принял ее, как родную, и девушка, несмотря на неприкрытую аскетичность и заброшенность его улиц, сразу почувствовала себя здесь уютно.

Завернув за угол, Катарина не заметила начинавшейся сразу за ним лестницы, спускавшейся к площади с храмом, в котором давно уже не проводили богоугодные мессы, но зато с успехом торговали краденым, и парой колоколен, имевших совсем уже неприглядный вид, из-за того, что колокола давно сняли какие-то хитрые умельцы и сдали на переплавку,

и на мощных веревках теперь болталась лишь пара жуткого вида трупов. Так вот, не заметив лестницу, Катарина сделала неловкий шаг, подвернула ногу и съехала вниз на животе. Так как ступеньки были пологими и их было немного, то она отделалась лишь парой несильных ушибов. Поэтому была безмерно удивлена, когда ей протянули руку и участливо спросили откуда-то сверху:

– Вы ранены?

Воспользовавшись предложенной ладонью, чтобы подняться, Катарина взглянула в смуглое волевое лицо стоявшего перед ней уже немолодого мужчины и сказала, отвечая вопросом на вопрос:

– С чего вы взяли?

– На вашем платье кровь, – заметил незнакомец, кивком головы указывая, где именно.

Катарина опустила глаза и увидела, что сбоку, чуть выше талии, ее платье испачкано багрово-красной полосой. Девушке не составило никакого труда догадаться, что так сильно оцарапаться она могла, когда, ища лазейку, пряталась по кустам на кампанельской границе.

– А почему вдруг сразу предположение о ранении? – снова взглянув в лицо мужчины, продолжала допытываться вампиресса. – Мало ли что могли на меня вылить!

– Но мы же в бандитском квартале! Здесь следует ожидать нападения в любой момент. Так вы уверены, что с вами все в порядке и вам не требуется помощь?

– Уверена. Спасибо, – Катарина хотела благодарно улыбнуться заботливому незнакомцу, но, вовремя вспомнив про свои клыки, передумала.

– Хотите, я провожу вас до выхода из квартала? До вашего падения мы шли в одну сторону. Я вас запомнил, пока шел позади, – предложил настойчивый мужчина.

– Если нам по пути, то, конечно, пойдёмте вместе, – охотно согласилась Катарина. – Только... вас не пугает компания Догрызка?

– Догрызок? Это ваш пес? – отчего-то рассмеялся незнакомец. – Я его не боюсь. Я люблю больших собак.

Девушка и ее доброжелатель пошли дальше вместе. Когда они пересекали площадь, за ними увязался какой-то щуплый молодой человек скользкой наружности. Он повертелся рядом с Катариным спутником, а когда вознамерился убраться восвояси, был пойман им за руку при попытке спрятать к себе в карман чужой кошелек. Но парень неожиданно легко вывернулся из железной хватки незнакомца и что было сил помчался через всю площадь к стоявшим в отдалении заброшенным домам. Бесплезно было сыпать проклятия попеременно с криками о помощи. В бандитском квартале никто не кинулся бы на подмогу к пострадавшему, а прохожие посмеялись бы от души, да еще и помогли бы вору, рассчитывая на небольшую долю от вырученного в награду за оказанное содействие. Поэтому незнакомец, извинившись перед своей спутницей, бросился вдогонку за вором. Ката-

рина решила, что ее долг помочь человеку, который совсем недавно проявил участие к ней, и, пустив вперед Догрызка, тоже присоединилась к погоне.

Они пробежали по площади, завернули за угол одного из домов, миновали еще пару узких затхлых улочек и бежали до тех пор, пока впереди не показался мост. Мост был каменный, с высокими массивными перилами и выгибался дугой. Что находилось на другой стороне, не было видно, но, если судить по тому, как удвоил усилия Катаринин незнакомец, ему крайне не хотелось там оказаться. Сама вампиресса особо не беспокоилась. Догрызок почти догнал вора. Заметив, что волк следует за ним почти по пятам, Катарина расслабилась и перестала торопиться, предугадывая, что уже за следующим поворотом она увидит пойманного и обезвреженного карманника и своего знакомого, с довольной ухмылкой прячущего в карман отвоеванный кошелек.

Вдруг до ее слуха долетели какие-то странные звуки. Почти сразу вслед за этим окрестности огласил жуткий крик, оборвавшийся так же внезапно, как и начался. Катарина невольно ускорила темп передвижения, но, как только выбежала из-за угла, была вынуждена резко остановиться, пораженная увиденной картиной.

Догрызок, догнавший свою цель, огромными клыками разорвал ей горло и теперь сидел в луже крови, хищно облизываясь. Незнакомец стоял в сторонке, вжавшись в кирпичную стену одного из домов. От природы смуглое, его лицо

сейчас было белее мела, а волевые черты исказила гримаса подлинного ужаса.

Догрызок, фу! – крикнула Катарина, чувствуя, что при виде свежей крови сама непроизвольно начинает вести языком по губам.

Незнакомец заметил это и побледнел еще больше. Катарина сделала шаг вперед, намереваясь оттащить волка от трупа, но ее недавний спутник, содрогнувшись всем телом, вытащил из висевших на поясе ножен длинный кинжал и, загородившись им, крикнул девушке:

– Не подходи!

Вампиресса послушалась.

– Дайте мне все вам объяснить! – попросила она, но незнакомец, явно не слушая ее, перебил:

– Дай мне уйти! Я обещаю, что от меня никто не узнает о произошедшем!

– Идите. Вас никто не держит.

Но как только мужчина, по-прежнему придерживаясь стенки, попытался продвинуться навстречу свободе, Догрызок, распластавшись по воздуху в гигантском прыжке, вцепился ему в ногу. Тот вскрикнул от боли и, выронив кинжал, упал на землю.

– Догрызок, перестань немедленно! – вампиресса в одно мгновение оказалась рядом с волком и, схватив его за шкурку, с трудом оттащила от мужчины. В зубах ее "питомца" все же остался трофейный клочок штанины.

Катарина нагнулась над потерявшим сознание пострадавшим. Убедившись, что он жив, девушка схватила его за шиворот и закинула на спину чуть не съевшему его волку. Сама запрыгнула следом. Вампиресса решила вернуться в Истерский лес, пока для ее незнакомца не стало слишком поздно. Она надеялась, что Витек, хорошо знакомый с медициной, сможет ему помочь. До Хевингема де' Мортеро она решила добраться в следующий раз.

"Человеческая жизнь важнее", – подумав так, Катарина погнала своего раззадоренного волка через весь квартал в обратном направлении. Люди, попадавшие на ее пути, с криками ужаса шарахались в разные стороны, едва успевали разглядеть странную всадницу с окровавленным телом на руках. Но Катарине не было до этого никакого дела. Она подгоняла Догрызка, который, словно не зная усталости механическая игрушка, несся вперед быстрее ветра.

Пограничную зону миновали так быстро, что охрана даже насторожиться не успела. Длинная извилистая тропинка впереди, и вот запыхавшийся волк, свесив язык, остановился перед одним из запасных входов в Развалины. С невероятным облегчением Катарина отметила тот факт, что Витек все еще сидит на лестнице, дожидаясь ее возвращения.

При виде всадницы черноволосый эльф вскочил на ноги и уставился на нее полным знаков вопроса взглядом.

– Витек! Пожалуйста, помогите ему! Он ранен! – встревожено крикнула Катарина, стаскивая своего незнакомца с

волчьей спины на землю.

Разглядев как следует всю перемазанную кровью и пропитанную пылью троицу, Витек не выказал удивления. Нагнувшись к пострадавшему, эльф подхватил его на руки и, неожиданно вскрикнув, чуть не уронил. Почувствовав тяжесть, у него сразу разболелась вывихнутая командиром королевской стражи кисть – "подарок" на память о попытке спасти от смерти Феликса. Поглощенный мыслями сначала об Эруале, потом об Элебруте, Клавелии и Элспете, Витек забыл позаботиться о себе, и теперь вывих дал о себе знать.

– Давайте я его понесу! – Катарина подхватила на руки бессознательного незнакомца, отнесла в первую попавшуюся комнату и бережно положила на кровать.

Осмотрев зоркими глазами окрестности, Витек нарвал каких-то трав и, тоже пройдя в комнату, сделал из них повязку на ногу пострадавшего.

– Травы очистят рану от грязи, остановят кровь и уменьшат боль, – объяснил Витек. – А я пока съезжу в замок за мазями и лекарствами.

Пока черноволосый эльф гонял своего коня, во второй раз заставляя в рекордные сроки покрывать огромное расстояние, Катарина сидела возле постели своего незнакомца. Раздобыв у разбойников воду и марлю, она время от времени меняла ему компресс. В промежутках между этим занятием она ходила на задний двор, собирала те же самые травы, которые до нее рвал Витек, и делала укушенному новую повяз-

ку на ногу.

– Вот видишь, Догрызок, что ты наделал? – укоряюще сказала лежащему в углу волку вампиресса. – Ни за что ни про что обидел хорошего человека, вдобавок заставил меня просить помощи у этого противного Витека. Вот какие неудобства я из-за тебя претерпеваю! Тебе должно быть стыдно! Зачем ты загрыз вора и набросился на этого любезнейшего мужчину? Мы же обедали перед выходом.

Волк в ответ на ее слова лениво зевнул. Весь его вид говорил о том, что он ничуть не раскаивается в содеянном, наоборот, представься ему удобный случай, доделал бы начатое до конца. Стыд и совесть, о которых ему толковала хозяйка, Догрызку не снились даже в кошмарах.

Через полчаса вернулся Витек и вновь принялся обрабатывать рану своего пациента. Чтобы не подвергаться соблазну при виде крови, вампиресса вышла на улицу и расположилась на ступеньках. Оглядев себя, девушка пришла к выводу, что выглядит просто ужасно. Платье грязное, сама вся перемазанная...

"Представляю, какого было всем тем, кто видел меня по дороге!" – с горькой усмешкой подумала она.

Вместе с воспоминаниями о Кампанеле пришли мысли о невыполненном задании.

"Интересно, Витек очень разозлится? – невольно ежась при мысли о том, что ей еще предстоит объяснение с черноволосым эльфом, попробовала угадать вампиресса. – Се-

годня мы либо помиримся, либо разругаемся навсегда. Держись, Кати. Похоже, сегодня у тебя выдался не самый удачный денек".

За ее спиной неслышно появился Витек. Катарина одними оголенными нервами почувствовала его присутствие и обернулась, надеясь, что он облегчит ей задачу и заговорит первым. Витек не приближался, продолжая стоять под аркой выхода и сверлить девушку гневным взглядом своих снова ставших злыми черных глаз. Негодование переполняло все его существо, и он молчал, потому что по привычке мысленно пытался успокоиться, не давая своей страшной ненависти со всей силой обрушиться на причину его недовольства.

– Поздравляю! – наконец прошипел черноволосый эльф. – Таких злых шуток со мной никто еще не играл!

– Простите! Я не могла его бросить! Он пострадал по моей вине! – залепетала Катарина, чувствуя, как сильная воля Витека отнимает у нее решимость. – Я привезла его к вам, потому что знаю, что вы всегда милосердны к больным! Эруаль много про вас рассказывал! Простите, что доставила вам беспокойство!

– Ты что, не знаешь, кого притащила? – Витек вопросительно изогнул одну бровь.

– Кого? – Катарина со смесью недоумения и заинтересованности взглянула на своего собеседника.

– Два раза поздравляю! – с тихим нервным смешком произнес черноволосый эльф, добавив в голос обидного сарказ-

ма. – Это Варлам д' Аруэ!

– Тот самый Варлам д' Аруэ, которого вы мне советовали остерегаться? – ахнула вампиресса, потихоньку начиная сожалеть, что не дала Догрызку дожевать любезного незнакомца.

– Да, представь себе, тот самый! Хитрый и жестокий конкурент Хевингема де' Мортеро, о котором я просил тебя позаботиться. А в результате я должен вытаскивать его с того света! И где тебя только угораздило с ним встретиться!

– Не хотите – не вытаскивайте. Давайте добьем его, пока не поздно? И у Хевингема больше не будет конкурента! – черные глаза Катарины загорелись воодушевлением. Она так мечтала хоть как-то загладить свою досадную оплошность!

– У эльфов так не принято. Если пострадавшего можно спасти, ты обязан оказать ему помощь. Даже если к тебе на порог приполз твой заклятый враг, – как-то глухо откликнулся Витек.

– Тогда давайте возьмем его в заложники! – идеи сыпались из Катарины одна за другой. Внезапный спад агрессии собеседника ее не удивил. Она привыкла к тому, что Витек быстро умирал гнев, предпочитая вести разговоры в спокойном тоне. Надолго вывести его из себя умел только покойный король Элебрут. – Судя по вашим словам, Варлам д' Аруэ – не последний человек в Кампанеле! Мы можем попробовать выручить за него деньги! Если хотите, оставьте все себе, я никому ничего не скажу. Все равно о присутствии

Варлама здесь знаем только мы двое.

– Посмотрим, чем может нам пригодиться д' Аруэ, – задумчиво пробормотал Витек. – Угрозу для его жизни я ликвидировал. Теперь ему нужен хороший уход, а там придумаем, чем он может послужить на благо обществу.

– Возможно, мне следует вернуться в Кампанелу? – неожиданно спросила девушка. – Я ведь так и не выполнила ваше поручение.

– Не надо! – черноволосый эльф явственно содрогнулся, видимо, представив, кого может притащить ему вампиресса на этот раз. – Пока Варлам отсутствует во дворце, Хевингем получит немного больше свободы, а значит, встревоженный отсутствием вестей от нас с Эруалем, скоро вырвется в Истерский лес. В замке ему скажут, что мы на Развалинах. Здесь он нас и найдет. Получится даже лучше. Мы сможем поговорить с глазу на глаз без опасения быть подслушанными.

– Вот видите, как все, оказывается, хорошо сложилось! Значит, вы больше на меня не сердитесь?

– Бесполезно! – махнул рукой Витек.

Он подошел к Катарине и сел рядом с ней на ступеньках. Девушка инстинктивно отодвинулась от него подальше, хотя и понимала, что в случае драки с магом никакое расстояние ее не спасет. Но Витек больше не излучал угрозы. Свесив руки между колен, он, глядя куда-то вдаль, промеж массивных дубовых стволов, будничным тоном попросил:

– Расскажи мне, что случилось в Кампанеле.

Катарина решила быть предельно краткой, чтобы случайным словом снова не вызвать гнева у своего собеседника. Спорить с ним ей всегда было тяжело. Кроме того, в такие моменты она обычно чувствовала себя виноватой, а ее это раздражало. И вампиресса, аккуратно подбирая выражения, рассказала Витеку о своем недолгом и бесславном путешествии.

Глава 28

Утром, едва рассвело, Витек разыскал возле Развалин своего коня и, вскочив в седло, помчался в глубь леса. Разбойники еще спали глубоким сном, и его отъезд остался никем не замеченным. Он торопился, то и дело подгоняя своего и без того молниеносного коня, и тот не бежал – летел с такой быстротой, что деревья сливались перед глазами черноволосого эльфа в сплошную линию. Витек хорошо знал дорогу и не смотрел по сторонам. Через четверть часа бешеной скачки конь вынес своего хозяина к морю Элх в том самом месте, где расположились казармы лавандинских солдат. Спешившись и взяв взмыленного вороного под уздцы, Витек пошел к воротам лагеря.

Несмотря на ранний час, охрана не спала и сразу же пропустила бывшего советника Элебрута, стоило ему показаться в поле их зрения и назвать свое имя.

– Где я могу найти принца Элспета? – спросил он у запиравшего за ним ворота караульного.

– Он на тренировочной площадке, господин, – тот указал куда-то прямо.

Не выказав никакого удивления по поводу того, что в столь ранний час старший принц не спит, Витек оставил своего коня на попечение охранника и прошел дальше. Впереди он увидел широкую, посыпанную песком площадку в окру-

жении высоких сосен, посреди которой были врыты деревянные манекены. Там в золотисто-розовом утреннем свете упражнялась с мечом одинокая фигура высокого стройного эльфа. Витек остановился поодаль, невольно залюбовавшись его быстрыми уверенными движениями, теми легкостью и силой, которыми может обладать только молодое тело.

Обычно из эльфов получались хорошие лучники. У них были зоркие глаза и, благодаря своему изящному телосложению и от природы бесшумным движениям, они хорошо умели прятаться. Но Элспет всегда использовал только клинок. Свой первый меч он подобрал возле тела убитого темного эльфа, когда, несмотря на свою юность и неопытность, горел желанием помочь отцу вернуть законную власть, и с тех пор с ним не расставался. Тонкий легкий, с острым длинным серебристым лезвием, темноэльфийский клинок удобно ложился в ладонь и казался продолжением руки своего хозяина.

Элспет обрушивал на мишени настоящие вихри ударов, прочная сталь со свистом рассекала воздух, во все стороны летели куски дерева. Казалось, это работает какой-то сумасшедший резчик, пытаясь стесать грубые деревянные куклы до изящных форм декоративных статуэток. В очередной раз крутанувшись на месте, старший принц заметил на краю площадки Витека. Он остановился, опустив меч и переводя дыхание. Черноволосый эльф не спеша направился к нему. Он учтиво поклонился принцу в знак приветствия и, к свое-

му удивлению, получил в ответ глубокий почтительный поклон. Видимо, советник, опальный для покойного короля, все еще не утратил авторитета в глазах его старшего сына.

– Витек! Рад встрече. Как вы нашли меня?

Элспет был поразительно похож на Эруалья. Те же пепельно-серые волосы и глубокие синие глаза. Только взгляд их был взглядом Элебрута – умного, рассудительного, много повидавшего в жизни мужчины. В нем не было ни тепла, ни доверчивости, с которыми неизменно смотрел Эруаль. Характер Элспет полностью унаследовал от отца – честный, сильный, надежный. Не было никакой тайны в том, что все эти годы Элебрут видел в нем молодого себя и, наверное, поэтому любил больше других своих сыновей. Его рубашка взмокла от пота и прилипла к телу, волосы, для удобства собранные в хвост на затылке, растрепались и отдельными прядями падали на узкое строгое лицо.

– Истерский лес – мой второй дом. Здесь для меня шпионит даже трава, по которой ты ходишь, – улыбнулся Витек.

Элспет рассмеялся.

– Ах да! Я и забыл, что лучше вас никто не собирает информацию!

На самом деле о присутствии Элспета в Истерском лесу обмолвился вчера вечером один из разбойников, только что вернувшийся из лагеря Кампанелы. Витек по чистой случайности проходил мимо, когда тот весело болтал со своими товарищами в Каминной зале. Для разбойника эта информа-

ция не имела никакой ценности, он преподнес ее наравне с прочими сплетнями и тут же забыл, а Витек внезапно понял, что должен поговорить с будущим королем. Он мог дать ему шанс.

– Да, Элспет, ты очень кстати вспомнил об этом, – произнес черноволосый эльф. – Также, надеюсь, ты не забыл о моем безошибочном чутье. Я приехал не просто так, а потому, что хочу предупредить тебя.

Элспет нахмурился и молча продолжал смотреть на Витека, ожидая продолжения. Эта его привычка – никогда не нервничать и не задавать лишних вопросов, – безусловно, делала его любимцем не одного Элебрута.

– Смерти твоего отца и среднего брата – не случайность. Вспомни, когда и при каких обстоятельствах умерли в свое время твой дед и прадед. А главное, в какие сроки. В какие чудовищно короткие сроки. И как сразу же вслед за этим началось восстание темных эльфов. Элспет, я вижу, что история повторяется. Лэмар, наш враг, хочет вернуть себе власть над Лавандиной и освобождает дорогу к трону. Понимаешь, к чему я веду? Ты – следующий в его списке. Элспет, я бы советовал тебе немедленно вернуться в Лавандину и отдать приказ казнить Лэмара.

– Но Лэмар в тюрьме, – Элспет все еще продолжал хмуриться. – Оттуда он ничего не может нам сделать. Пещеры хорошо охраняются, ему не сбежать, а стены блокируют любую магию.

– У Лэмара очень длинные руки. И очень извращенный мозг. Наверняка на свободе у него остался кто-то, кто помогает ему.

– Все его сообщники заточены вместе с ним. А те жалкие остатки, что все еще скрываются в наших лесах, ни на что не способны. Витек, вы уверены в своих подозрениях?

– В противном случае меня бы здесь не было, – качнул головой черноволосый эльф.

– Хорошо. Через неделю состоится моя коронация. Я вернусь в Лавандину и решу, что нам делать с нашим врагом.

– Через неделю? Почему так поздно?

– Грядет сражение, – Элспет убрал со лба пару прилипших прядей. – До нас дошла информация, что Кампанела стягивает сюда, к самым берегам моря Элх, своих лучших воинов. Я должен мобилизовать все наши отряды здесь, чтобы не дать людям продвинуться дальше в лес.

– Элспет, ты хочешь сам возглавить армию? – Витек уставился на старшего принца своими непроницаемыми черными глазами.

– Это мой долг.

– Но ты будущий король, и в такое тяжелое время ты, как никогда, нужен своей стране. Ты не можешь рисковать своей жизнью. Особенно сейчас.

– Да, Витек, я король, – Элспет спокойно выдержал тяжелый взгляд бывшего советника, более того, ответил ему таким же, – и мой долг – защищать свой народ. Сражение

предстоит тяжелое. Я не могу передоверить командование вторым лицам.

– Король не может все делать сам. В умении разделять и распределять обязанности и состоит его мудрость.

– Витек, поверьте, я ценю ваше мнение. Я и мои братья любим вас и привязаны к вам с самого детства. Но... Дети давно выросли. Время постепенно разжимает ладони взрослых, за которые нам всегда так привычно и легко было держаться. Как все мы сначала учимся самостоятельно ходить, так всем нам однажды приходится учиться самостоятельно выживать. Сейчас вы не вправе судить мои решения.

– Лавандина потеряла правителя, который столько лет был на троне. Для нее сейчас начнется непростой период привыкания к новому правлению. Наименее болезненно он может пройти только под твоим руководством. Ты – старший из всех сыновей Элебрута, и подсознательно тебя каждый эльф в Лавандине давно уже считает единственной достойной заменой твоему отцу. Ты легко усмиришь недовольных и успокоишь трусливых. Ты – прирожденный лидер!

– Именно поэтому я должен не просиживать штаны на троне, а вести свою армию в бой. Если Кампанела одержит верх, Лавандиной уже никогда не будет править ни один Алый цветок.

Вот оно... Упрямство Элспета, его уверенность в себе и неколебимое знание того, где именно и в какой момент он должен находиться. То, о чем предупреждал Элебрут в своей

предсмертной записке. Он слишком любил и слишком хорошо знал своего старшего сына.

Витек вздохнул и, повернувшись, чтобы уйти, не без боли в обычно ровном голосе проронил:

– Будь осторожен.

– Витек, вы не задержитесь? – спросил Элспет. – Мы могли бы вместе позавтракать.

– Прости. Мне нужно спешить. Увы, даже вдали от королевского двора забот у меня меньше не стало.

– Я провожу вас.

Вместе они дошли до ворот, и будущий король сам подвел бывшему советнику его коня. Эльфы обнялись на прощание, и Витек вскочил в седло.

– Не тревожьтесь. Через неделю я буду в Лавандине, и Лэмар больше никогда вас не побеспокоит.

– Я тебя предупредил. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, мальчик.

Сразу же по возвращении Витек заглянул в комнату, где лежал Варлам. Всю ночь он просидел рядом с ним, опасаясь, как бы тому не стало хуже. Наместник все еще был без сознания, но в его состоянии ничего не изменилось. Позволив себе отлучиться только на завтрак, Витек снова вернулся к постели пострадавшего, где и просидел весь день. Он машинально готовил мази и менял повязку, делал холодные компрессы, если замечал, что температура тела у Варлама начинает подниматься, но мысли его были заняты исключительно

Элспетом. Он раз за разом прокручивал в голове их разговор, и все яснее понимал: в Лавандину принцу уже не суждено вернуться. Он выбрал бой, потому что видел в Кампанеле главную угрозу для своей страны. Но настоящая опасность исходила изнутри. Только Витек понимал, что один Лэмар был страшнее всей Кампанелы, но все, что он мог сделать – это предупредить старшего принца. В остальном Элспет был прав: дети давно выросли. Они в состоянии сами принимать решения.

"Ах, если бы Эруаль был хоть немного похож характером на своего брата! – впервые подумалось Витеку. – Все могло бы пойти совсем по-другому".

Глава 29

Варлам д' Аруэ пришел в себя на следующий день. Сначала он не понял, где находится. Безрадостный обветшалый потолок, готовый в любой момент рухнуть на голову, потрескавшиеся стены и пол, в котором в некоторых местах не хватало плит, скудная меблировка комнаты – все это заставило его подумать, что он в плену. Но потом он обратил внимание на распахнутые настежь окна и приоткрытую дверь и вынужден был отказаться от этой мысли. Наместник Кампанелы попытался подняться и сразу же почувствовал резкую боль в левой ноге. События двухдневной давности, – последнее, что он помнил, – вспышкой озарения пронеслись в сознании. В тот же миг Варлам почувствовал на своем плече уверенную руку, и чей-то голос над ним произнес:

– Лежите.

Варлам послушно опустил голову на подушки и скосил глаза, чтобы рассмотреть говорившего. Над ним стоял черноволосый эльф с лицом какого-то странного землистого цвета, высокий и стройный. Он мог бы даже показаться красивым, если бы в его глаза не закралось бесприютство, а в черты лица – холодная суровость. Голос у него тоже был какой-то странный, вобравший в себя хриплые нотки давно курящего человека и не имеющий ничего общего со звонкими эльфийскими голосами.

"Неужели темный?" – вглядываясь в это смутно знакомое лицо, прикинул про себя Варлам д' Аруэ. Невольно ему вспомнились слова Лэмара: "Единственный темный, законно гуляющий на свободе... это Витек..." Мужчине сразу стало понятно, почему ему кажется знакомым это лицо. Варлам хоть мельком, хоть один раз в жизни, но где-то видел советника Элебрута. А таких знаменитых эльфов так просто не забывают. Однако, желая наверняка исключить возможность ошибки, Варлам осведомился:

– Ваше имя Витек?

– Да. Но вы можете не беспокоиться. Лавандина не имеет отношения к тому, в каком положении вы сейчас находитесь. Нападение на вас – чистой воды недоразумение.

– Хорошенькое недоразумение! – Варлам издал хриплый смешок. – Хотите сказать, что та волчара покусала меня случайно? Даже не по вашему приказу?

– Именно это я и хочу сказать, – спокойно подтвердил Витек, даже бровью не поведя.

– И это не происки ненормального Хевингема?

– Нет.

– Ну да! Если бы на меня натравили волка по его указке, мы бы сейчас с вами не разговаривали. Мне бы уже освободили местечко в фамильном склепе.

Прекратите наговаривать! Что может сделать вам, опытному и дальновидному политику, тринадцатилетний ребенок?

– Хорош ребеночек! Я в его возрасте не совмещал в себе такое огромное количество пороков. Я знаю, вы взялись помочь ему, – Варлам унял нарастающее в нем раздражение и заговорил спокойным тоном. Теперь он пристальным взглядом смотрел в глаза Витека и, удивляясь и радуясь про себя, замечал, что черноволосый эльф так же открыто смотрит в лицо своего собеседника, не торопясь отводить взор от его узких серых глаз. – Витек, вы ведь умный человек... эльф, то есть. Неужели вы не понимаете, что Хевингем не в состоянии править страной? Он безумен, и он в два счета уничтожит Кампанелу. Вы этого добиваетесь? Хотите таким способом выиграть войну?

– Я разговаривал с Хевингемом, и он не произвел на меня впечатления безумца. Я полагаю, он вправе занять трон своей страны. Что же касается меня, то к войне я больше не имею никакого отношения. Как и к политике Лавандины вообще. Алые цветки отrekliсь от меня, и я покинул страну.

– Что? Вы в опале? Ваши эльфы в своем уме? Как можно было прогнать вас после всего того, что вы для них сделали?

– Не будем об этом. Что случилось, то случилось, – Витек недовольно поморщился. – Скажите, я могу вас кое о чем спросить, рассчитывая на откровенный ответ?

– Полагаю, что можете. Здесь я полностью в ваших руках и кое-что должен вам за спасение своей жизни. Только не требуйте невозможного: коммерческие и военные тайны я вам не выдам даже под пыткой, – откликнулся Варлам. Он

решил не ссориться с бывшим советником Элебрута, наоборот, попробовать наладить с ним хорошие отношения, раз судьба подбросила ему такой шанс. Как знать, может, удача улыбнется Варламу, и он сможет привлечь Витека на свою сторону. Подумать только, самого Витека! Эльфа, которого все боятся и уважают за его хитрый и коварный ум и слова, никогда не расходящиеся с делом.

– Не знаю, является это для вас тайной или же нет, – произнес черноволосый эльф, – но я бы хотел побольше узнать об одной кампанельской провинции – Шеэ. По собственной инициативе она вышла из состава вашей страны и присоединилась к Лавандине. Но жители Шеэ оказались оборотнями. Вам наверняка известно это обстоятельство. И вам также должен быть известен способ, как их усмирить, ведь оборотни не нападали в землях Кампанелы. Я хотел бы просить вас рассказать мне об этом способе.

– Нет никакого способа, – криво ухмыльнулся Варлам д'Аруэ, едва поняв, о чем идет речь. – Хотите знать правду? В Кампанеле люди из этой провинции не были оборотнями и ни на кого не нападали, потому что жили в окружении таких же людей. Но ни для кого не было секретом, что как только жители Шеэ встречались с эльфами, они превращались в волков и начинали проявлять агрессию. Эльфы для них что-то вроде раздражающего фактора. Зная об этом, я отдал приказ владельцу этой провинции подать прошение о присоединении в Лавандину, и все прошло как нельзя более удачно. А

что, Шеэ до сих пор доставляет вам проблемы? Я уж думал, вы там всех давно перебили.

– Значит, снова война, – задумчиво проронил Витек. – Война как средство избавления от этой напасти.

– Расплачивайтесь за свой хитрый ход со смертью правителей Кампанелы, – равнодушно передернул плечами Варлам. – Нам теперь тоже несладко.

– Не слишком ли высока плата? За гибель двоих отдавать сотни жизней ни в чем не повинных эльфов? – суховато заметил Витек. – Не подумайте, это не упрек. Я же знаю, что имею дело с Варламом д' Аруэ. Всем известно, что ваше имя почти не разделяется со словами "жестокость" и "холодный расчет".

– Мне было бы гораздо приятнее, если бы мое имя было неотделимо от таких слов, как "правитель" или "король", – самонадеянно заявил Варлам. Затем, пристальнее взглядевшись в лицо своего собеседника и наконец-то решившись, заговорил: – Послушайте, Витек. Помогите мне занять трон Кампанелы. За это, положитесь на мое слово, я вас облагодетельствую. Да, я жестокий и расчетливый, но и вы не можете не понимать, что сейчас вы для меня – козырная карта в рукаве и идеально вписываетесь в любой возможный расклад. Как известно, Элебрут мертв, и вы можете стать моим советником. У нас это принято, и король никогда не принимает важные решения в одиночку. Я дам вам титул наместника – это самый высокий титул в Кампанеле. Вы ни в чем

не будете нуждаться. Только окажите мне услугу, о которой я вас прошу. Вы даже можете не участвовать во всем этом деле. Только не помогайте Хевингему!

– Вы всерьез полагаете, что я способен предать Кампанеллу в руки жадного и деспотичного человека, который всегда думает только о себе? Конечно, это вражеская страна, но в ней живут ни в чем не повинные мирные люди. Я беспокоюсь за то, что с ними будет, если власть получите вы.

– А вы думаете, ваш Хевингем не жаден и не деспотичен? Он не меньше моего любит поживиться за чужой счет. Его планы на Кампанеллу еще смелее моих. Наше с ним различие только в одном: Хевингем глуп и не знает меры, он забудет о вас, едва взойдет на трон, и уже на следующий день доведет страну до разорения. Я же знаю, как не торопясь и с максимальной выгодой растащить это сокровище по кускам, и, хорошо зная и высоко расценивая таких выдающихся личностей, как вы, щедро воздам вам по заслугам.

– Я никогда не думал о себе, неужели вы еще не поняли этого? Мне жаль Хевингема. Он пережил большую утрату по нашей вине. Я сделаю все, чтобы облегчить его страдания.

– Страдания? Да он знать не знает, помнить не помнит, что это такое! – невольно вырвалось у возмущенного Варлама, но, видя, как полнятся досадой и гневом черные глаза его опасного и благородного собеседника, осекся. Восстанавливать Витека против себя не входило в его планы. – Вы не верите мне. Потому что я всегда на виду, и вы достаточ-

но наслышаны обо мне, чтобы сформировать нелестное мнение. Преимущество Хевингема в том, что он всегда в тени. Ему легче прикинуться в ваших глазах жертвой, тогда как я себе такой роскоши позволить не могу. Но я могу доказать вам, что вы ошибаетесь на его счет. Как всякому малолетнему амбициозному безумцу, за неимением единомышленников обреченному вести затворнический образ жизни, ему все же хочется хоть с кем-то поделиться своими планами. И он ведет дневник. В нем он своей собственной рукой обнажает свое истинное лицо. Это то единственное доказательство моей правоты, на которое вы просто не сможете закрыть глаза.

– Вы так уверенно говорите. Дневник у вас? – спросил Витек. Внешне он оставался абсолютно спокойным.

– Да. Я хотел показать его Королевскому Совету Кампанелы, чтобы изобличить Хевингема. Но я готов отдать его вам в обмен на ваше обещание не помогать принцу прийти к власти. Разоблачение Хевингема перед Королевским Советом в тот же день даровало бы мне трон Кампанелы, но, зная, что оставляю за своей спиной не только его, но и вас, я бы все время оглядывался. Я не считаю необходимым бояться принца, но было бы слишком беспечно с моей стороны не питать опасений на ваш счет. Поэтому я готов удлинить свой путь к власти в обмен на уверенность в том, что не встречу на нем вас.

Варлам говорил и не отрывал глаз от лица черноволосого

эльфа, пытаюсь прочесть на нем хоть какие-то чувства. Он не врал. Про дневник прознала и выкрала из спальни Хевингема шустрая Виолетта. Быстро поняв, какие перспективы открывает перед ними эта простая ученическая тетрадка с коряво нарисованными королевскими гербами на обложке, колдунья передала ее наместнику в неудачный день его встречи с Катариной, и если бы не досадное недоразумение, в ходе которого д' Аруэ чуть не лишился ноги и на два дня выбыл из действительности, он бы сейчас готовился к коронации, а не лежал, прикованный к скрипучей кровати в разваливающемся разбойничьем замке.

Молчание длилось больше минуты, и все это время Витек смотрел в пол, словно борясь сам с собой за низменное право столь недостойным образом узнать истинные мысли отсутствующего здесь человека. Наконец, он поднял глаза и спросил:

– Когда я смогу получить дневник?

– Хоть сейчас. Он во внутреннем кармане моего камзола. Надеюсь, вы его не сожгли.

– Все ваши вещи в этой комнате, сложены на стуле. Вы можете быть уверены в том, что кроме меня к ним никто не прикасался... Варлам, вы все больше бледнеете. Вам тяжело? Вам больно?

– Да вот, нога некстати разнылась, – д' Аруэ досадливо поморщился.

– Выпейте это, – Витек протянул ему чашку, которую тут

же взял с прикроватной тумбы.

Наместник принял ее, при этом задержав взгляд на руках эльфа. Сделав пару глотков, он позволил себе заметить:

– Вы, кажется, тоже не совсем здоровы. У вас кисть перебинтована. Тоже укусили?

Витек с необъяснимой тоской взглянул на свою руку, на которую ему тоже пришлось наложить повязку, и неохотно откликнулся:

– Да так... Считайте, что неудачно подрался. Надеюсь, вы не расцените как ловушку мое предложение остаться здесь до вашего выздоровления? У вас сильный организм. Мои лекарства помогут вам быстро пойти на поправку.

– Вот уж никогда не думал, что мою жизнь будут спасать враги-эльфы! – хрипло рассмеялся Варлам д' Аруэ.

– Я сам никогда об этом не думал, – кисло подтвердил черноволосый эльф.

Он прошелся по комнате и, взяв со спинки стула камзол наместника, быстро перерыл карманы, вытащив из одного тетрадку, на мягкой черной обложке которой золотистым карандашом были нарисованы неуверенной детской рукой гербы Кампанелы.

– Это дневник? – уточнил у внимательно наблюдавшего за его действиями Варлама эльф.

Тот согласно кивнул. Но Витек не успел открыть тетрадь. В дверь тихонько постучали, и черноволосый эльф незамедлительно дал разрешение войти. Порог перешагнула Катари-

на. Кинув сначала любопытствующий взгляд на Варлама д' Аруэ и не без радости отметив, что выглядит он по-прежнему плохо (девушка не оставляла надежды на то, что наместник умрет и избавит Витека от забот), она затем посмотрела на черноволосого эльфа и сказала ему:

– Внизу стоит какой-то мужчина с охраной из семи эльфов. На их плащах лавандинские трилистники. Они хотят видеть Эруаля. Вы не знаете, где он? А то я его везде ищу, с ног сбилась.

– Посиди с нашим общим знакомым, а я сам поищу Эруаля, – попросил Витек, кивая на Варлама. – У тебя появилась идеальная возможность, чтобы объясниться с ним и принести свои извинения.

Витек с Катариной поменялись местами: девушка присела рядом с кроватью кампанельского наместника, а черноволосый эльф вышел в коридор, унося с собой дневник Хевингема де' Мортеро. Эруаля он обнаружил в одной из комнат на первом этаже в компании известной троицы – Ариадны, Венсана и Ника. Последние усиленно готовились к предстоящему ограблению. Корвен метал в нарисованную на стене мишень кинжалы; Бетт рисовал на клочке бумаги примерный план действий; Ариадна, сидя на подоконнике с Эруалем, развлекала его хрониками ограблений шайки Гло Картер. Принцу, может быть, было и не очень интересно, но ему определенно нравилось общество рыжеволосой красавицы, и потому он внимательно слушал. Колдовство Витека помог-

ло: пережив в один день потерю двух дорогих ему эльфов, Эруаль до сих пор продолжал себя чувствовать хоть и неестественно, но благотворно спокойно, и, хоть мысли его нет-нет да и возвращались к ужасной казни брата и душераздирающей предсмертной записке отца, они уже не ранили сознание настолько, чтобы смысл разговора ускользал от него.

Увидев на пороге Витека, Ариадна обрадовалась и пригласила его присоединиться к ним. Тот, естественно, отказался, сообщив, что зашел только за тем, чтобы забрать Эруаля. Очутившись с ним наедине, в коридоре, Витек передал ему сообщение Катарины. Принц мгновенно насторожился.

– Мне это не нравится. С чего бы это посол Лавандины стал меня разыскивать? – с явным беспокойством в голосе проронил Эруаль.

– Может быть, ты зачем-то понадобился Элспету, – без особой уверенности предположил Витек. Он сказал это вслух просто так, чтобы не молчать. В глубине души он знал ответ. Вернее говоря, чувствовал.

– Пойдемте со мной, – предложил Эруаль.

Его учитель выразил свое согласие легким кивком.

Они спустились в Каминную залу и вышли на улицу. Перед Развалинами разместились целая делегация эльфийских всадников – все высокие, стройные, чем-то неуловимо похожие один на другого. Вдобавок ко всему, одежда у них тоже была одинаковая, сочетавшая в себе серые и желтые тона. Лишь один из них носил другие цвета – багрово-крас-

ные. Как свежепролитая кровь! Именно он соскочил с коня навстречу вышедшему к нему принцу и отвесил низкий поклон.

– Господин Делсон? – Эруаль узнал посла. – Что вы хотели?

– Принц, у меня для вас прискорбная весть, – с подлинным страданием в голосе и взгляде произнес Делсон, с трудом удерживая обуревающие его чувства.

– Что-то с Элспетом? – не дожидаясь продолжения, догадался Эруаль, чувствуя, что голова его идет кругом, и смысл происходящего начинает ускользать от него. Рука учителя, уверенно легшая ему на плечо, вернула принца к действительности. Чувствуя, что выходит из себя, он крикнул: – Ну, говорите же! Не молчите!

– Элспет погиб, даже не успев короноваться, – сказал Делсон. – Вчера, в ходе сражения у моря Элх. Теперь вы должны занять трон. Я приехал, чтобы забрать вас. Вы нужны Лавандине.

Эруаль в задумчивости опустил голову и прикрыл глаза, пытаясь свыкнуться со своей новой ролью – ролью короля. Со стороны могло показаться, что он о чем-то напряженно думает, но на самом деле в голове принца не было ни единой мысли. Это было уже знакомое ему состояние полного ступора, так часто посещавшее его в последнее время.

Пока Эруаль разбирался с собственными чувствами, Витек, помнивший, как важна была для Элспета победа в этой

битве, спросил у Делсона:

– Чем закончилось сражение?

– Нам удалось задержать армию Кампанелы, но не разгромить. Думаю, что в скором времени люди предпримут еще одну попытку. Принц Элспет сделал очень много, и победа досталась бы нам, но на стороне врага был Небесный Свет. Сами понимаете, ни одна земная сила не в состоянии противостоять силе сверхъестественной...

Господин Делсон продолжал говорить что-то еще, но Витек уже не слушал.

"Небесный Свет? Варламу тоже нужна была эта победа?.. Да нет... Лэмару был нужен Элспет... Значит, следующий в очереди мой договор".

– Принц Эруаль, простите мне мою настойчивость, но нам лучше поторопиться, – окликнул будущего короля лавандинский посол.

Он обернулся, и один из всадников по его знаку подвел Эруалю свободную лошадь. Витек принял поводья вместо него и почти силой впихнул их в безвольные руки своего ученика. Тот посмотрел на черноволосого эльфа потерянными глазами и тихо пробормотал:

– Учитель, но я не хочу... Я не хочу быть королем. Я не справлюсь! Я ненавижу политические интриги! Вам не жалко бросать меня на растерзание власти?

– Я больше чем уверен, что из тебя получится прекрасный правитель, – спокойно сказал Витек. Душа его невыносимо

болела, предчувствуя долгую разлуку, но по лицу понять это было совершенно невозможно. – Ты будешь достойным преемником своего отца на троне. И не потому, что в тебе течет кровь Алых цветков, а потому, что ты мой ученик. А я верю в тех, кому посвятил свою жизнь.

– А вы разве не поедете со мной?

– В Лавандине мне делать нечего.

– Но как же я буду жить без вас? Без ваших советов?

Вы помогали даже моему отцу, который был намного мудрее и опытнее меня, а мне отказываете! Витек, хотите, я отдам власть вам? – неожиданно предложил Эруаль, и его слова заставили Делсона подавить крик возмущения, готовый вот-вот вырваться из его горла. Словно не замечая реакции посла, принц продолжал: – Вы умный, справедливый и честный. Лавандина достойна такого правителя, как вы. Вы идеально подходите на эту роль. Вас знают и уважают во всех кругах общества, вы прекрасный дипломат и дальновидный политик, вы лишены себялюбия и всегда думаете об окружающих, вы хорошо разбираетесь в людях и умеете общаться с ними, вы всегда точно знаете, когда и с кем можно договориться миром, а когда нужно прибегнуть к угрозам... Витек, вы справитесь лучше меня!

– Но я не принц. При живом наследнике меня на троне не потерпят, – откликнулся Витек, впрочем, не испытывая по этому поводу никакого сожаления. – Даже если бы это было возможно, я все равно отказался бы. И причина моего отказа

известна тебе лучше всех.

Одними губами, так, чтобы разобрал один Эруаль, он добавил:

– Ведь я – темный.

Но младший принц Лавандины неожиданно разозлился, услышав отрицательный ответ. Он вдруг вскочил в седло, круто развернул лошадь и, уже потрянув поводьями, обернулся к учителю и произнес таким тоном, будто проклинал:

– В таком случае, я вас заставлю!

И он помчался по тропинке прочь от Развалин. Посол и семеро сопровождавших его эльфов поскакали следом, не желая потерять принца из виду.

Эруаль гнал свою лошадь во весь опор. Он ни капли не сожалел о том, что так холодно и грубо расстался с учителем. Сейчас он больше, чем когда бы то ни было, походил на темного. Когда, услышав весть о трагической гибели брата, он стоял в оцепенении, осознавая, что теперь настала его очередь унаследовать трон, Эруаль неожиданно понял, что это прямая дорожка к его смерти. Он сам не понимал, чем было вызвано это странное чувство, но он боялся возвращаться в Лавандину и брать власть в свои руки.

"Темный у власти! Витек хотя бы может преодолеть себя, а я себя – нет! – раздраженно думал Эруаль. – Почему он не хочет понять меня? Почему отказывается помочь? Ведь Витек и в самом деле прирожденный правитель! Что же, поздравляю тебя, Лавандина! Более бездарного короля, чем я,

тебе вряд ли придется увидеть!"

А Витек провожал ученика, стоя возле Развалин и глядя ему вслед долгим грустным взглядом. Он был удивлен минутной вспышкой гнева всегда покорного Эруаля, но не чувствовал себя обиженным, потому что понимал его причину. Это был удивительный эльф, который мог понять каждого, но не каждому простить. Эруаля он прощал. Всегда.

"Я не смог уберечь тебя. Простишь ли ты мне это? – думал черноволосый эльф. – Я отдаю тебя, самое дорогое, что у меня есть, в руки своего заклятого врага. Мне больно и тяжело это делать. Но твой покойный отец, король Элебрут, дал мне в свое время совет: жертвовать малым, чтобы достичь большего. Готов ли ты, мой милый Эруаль, принести себя в жертву ради блага своего народа? Хотя... теперь уже все равно. Пути назад нет. Если бы Элспет остался в живых и стал королем, он бы справился с Лэмаром и прекратил войну. Ты – нет. Прощай, Эруаль. Едва ли нам с тобой еще доведется свидеться".

Витек отвернулся. На минуту чувства завладели им: его обычно бесстрастное лицо отразило страшную боль, с губ сорвался горький стон, в уголках глаз блеснула предательская влага. Всего минута – и уже в следующий миг он снова был собран и спокоен. По привычке расположившись на изъеденных временем и обстоятельствами ступеньках, Витек открыл дневник Хевингема и углубился в чтение.

Глава 30

Между тем, Эруаль прибыл во дворец. Сопровождавших его эльфов он сразу же отпустил и шагнул под арочные своды в полном одиночестве. Знакомые стены, знакомые лица, знакомая атмосфера печальной суеты – теперь все это принадлежало только ему. В просторном холле принц увидел дворецкого, который, издав вздох облегчения, радостно воскликнул:

– Какое счастье! Вы так быстро приехали! Вы еще успеете переодеться и почтить своим присутствием церемонию похорон его высочества принца Элспета. Это ужасная потеря для всех нас! Он был так молод! Все во дворце разделяют вашу скорбь. Я сразу распорядился развесить по всей Лавандине траурные флаги. Такое ощущение, что на всех нас наслали проклятие...

– Замолчите! – раздраженно воскликнул Эруаль, недовольно морщась. – Не забывайте, я в курсе всех произошедших в Лавандине событий. И я не нуждаюсь в том, чтобы мне все это еще раз пересказывали. В котором часу похороны?

– Через тридцать минут, – уязвленный и удивленный неожиданными холодностью и жесткостью, проявленными в общении младшим принцем, откликнулся дворецкий.

– Мне хватит, – решил Эруаль. – Я буду у себя. Позаботьтесь о том, чтобы ко мне никто не входил. Через полчаса я

спущусь в склеп. Попрощаюсь с братом там. Провожать меня не следует. Займитесь своими делами.

И молодой эльф быстрыми шагами направился к лестнице. Дворецкий неодобрительно посмотрел ему вслед и проворчал себе под нос:

– Второй Витек! О боги! И что же нам так не везет?

Поглощенный своими мыслями, Эруаль поднимался по лестнице и совершенно случайно столкнулся с каким-то стариком. Машинально извинившись, принц, не поднимая глаз, пошел дальше, но знакомый, полный удивления голос окликнул его:

– Ваше высочество! Вы разве не узнали меня?

Принц нехотя обернулся. Окинув безжизненным взглядом абсолютно пустых глаз Клавелия Мудрейшего, он равнодушно спросил:

– Как вы здесь оказались? Насколько мне помнится, ваш дом был в деревушке Черс.

– Я подумал, что мог бы пригодиться молодому королю Элспету. Поэтому я здесь. Но мне не довелось даже встретиться с ним. Как, впрочем, и ему так и не довелось стать королем. Скажите, ваше высочество, а где же ваш верный спутник – Витек?

– Забудьте о нем, – Эруаль быстро отвернулся, опасаясь, как бы Клавелий не прочитал каких-либо чувств на его лице.

– Ты предал своего учителя? – уважительный тон старика сразу сменился на резкий. Его добрые ясные глаза нехорошо

сузились.

– Нет, но собираюсь, – тон Эруаля сейчас мало чем отличался от тона Клавелия. Хоть Старый Сказочник и не видел лица принца, он без труда угадал его настроение. Слова тому давались с болью, но и с непреклонной злостью.

– Порождение Тьмы! – не сдержавшись, процедил сквозь зубы Клавелий.

– Достойный ученик своего учителя! – отпарировал Эруаль.

– Ты смеешь обвинять Витека? Эту неприкосновенную святыню? Можешь даже не надеяться, что тебе удастся причинить ему боль. Вопреки твоей воле или нет, но я останусь во дворце и буду следить за каждым твоим шагом. Не хватало еще, чтобы трон Лавандины снова достался темному!

– Поздно вато спохватились. Я единственный наследник. Мои права на трон неоспоримы. Хотя я готов отдать его первому встречному бродяге и еще доплатить, чтобы он взял. Что же касается вашего решения остаться во дворце, я не против. Наоборот, я готов пожаловать вам самый высокий титул, который есть в Лавандине, только оставайтесь. Все равно вам это не поможет оградить Витека. Мы, темные, изобретательный народ.

И, не дожидаясь ответа, Эруаль преодолел последние ступеньки и скрылся в коридоре.

"И что же такое, интересно, замышляет эта темная тварь?" – подумал интеллигентный старичок Клавелий Муд-

рейший и продолжил спуск.

Эруаль заперся у себя в комнате. После того, как он в последний раз уезжал отсюда, оставив после себя жуткую разруху, здесь все изменилось. Постелили новые ковры, поставили новую мебель, повесили новое зеркало. Зеркало... Эруаль встретился глазами со своим отражением и, как обычно, заговорил с ним, как со старым другом:

– Вот видишь, как тебе повезло? Ты отражаешь лицо короля. Твой предшественник каждое утро видел всего лишь принца, самого младшего принца. А тебе достался король. Как думаешь, у меня получится быть мудрым и справедливым правителем, достойным такой прекрасной страны, как Лавандина? Хотя... я знаю, что бы ты ответило, если бы умело говорить. Ты видишь перед собой темного. Еще одного темного правителя. Я погублю страну. И себя погублю. Но ты не волнуйся. Я не ставлю высоко свою жизнь. Я спасу Лавандину от себя самого. Не сейчас. Позже. Но это "позже" наступит совсем скоро. Я... чувствую это.

Не спеша Эруаль облачился во все черное. Черная рубашка с длинными рукавами и сильно распахнутым воротом не имела пуговиц. Черные узкие штаны легко заправились за голенища высоких сапог. Тонкий черный плащ с вышитым у ворота трилистником почти касался земли.

"Вот она, черная одежда темных, – Эруаль снова встретился глазами со своим отражением. – Никогда бы не подумал, что по доброй воле буду ее носить".

Отступив от зеркала, принц опустил­ся в кресло и надолго задумался. Так он просидел все отведенное ему время, затем нехотя поднялся и, как и обещал, спустился в склеп, в котором уже покоились под каменными плитами его отец и брат. Там же теперь стоял открытый для прощания гроб с телом Элспета. Все придворные уже были там и провожали своего будущего короля сочувствующими взглядами. Склонившись над гробом, Эруаль положил на белый атлас чайные розы и молча встал у изголовья. Место в ногах отводилось священнику, и тот, встав напротив своего будущего правителя, принялся читать последние молитвы над телом старшего принца.

Эруаль вернулся в свою комнату только под вечер, усталый и измученный, и сразу завалился спать. Так тяжело ему еще никогда в жизни не приходилось. Строить свое царство на телах преждевременно покинувших этот мир отца и старших братьев было ему невыносимо. Терзаемый нерадостными мыслями и болезненным чувством вины, принц заснул и сам не заметил, как очутился во власти черных пятен, которые оставил в его душе Витек, когда в последний раз пытался его успокоить. Подсознательно молодой эльф все-таки думал о своем учителе, и эти мысли были настолько желанными и неотвратимыми, что всю эту ночь охраняли сон Эруаля от губительного проникновения Лэмара. Имя Витека подобно каменной стене закрыло мысли принца, и темный эльф не смог разрушить этот заслон.

Впервые за долгое время Эруаль провел действительно спокойную ночь, дарящую отдых, а не мучение. Мудрый учитель даже на расстоянии оберегал своего ученика, но тот оказался не способен ни понять, ни оценить этой заботы.

Глава 31

Следующий день приготовил для Эруалья новое испытание, которое называлось коронация. Принц с детства помнил, что это очень долгая и утомительная процедура, и заранее ненавидел ее. А еще боялся. Боялся того, что сразу же по ее завершении между его прежней, простой и понятной жизнью и жизнью новой, заполненной обязанностями короля, о которых он ничего не знал, ляжет глубокая непреодолимая пропасть. Эруаль вообще не представлял себе, как это – править Лавандиной? Стараясь не думать о предстоящих проблемах, с которыми он неминуемо столкнется вследствие политической неосведомленности, принц в это утро старался думать о чем-нибудь приятном, но не мог. Поэтому он просто слонялся туда-сюда по дворцу, долго гулял по саду, постоял в кругу мага. Воспоминания одолевали его с необычайной силой.

Вдобавок ко всему его угнетала совершенно никчемная ссора с Клавелием Мудрейшим. Тогда Эруаль был в скверном настроении, а почтенный старец некстати попался под руку. Теперь будущего короля немилосердно мучила совесть. Он хотел найти его и извиниться, но Старый Сказочник, как нарочно, не показывался на глаза.

А встретились они непосредственно на коронации. Клавелий Мудрейший вел будущего короля к алтарю, на котором

на бархатной подушке лежала корона – узкий золотой обруч, украшенный трилистником. Его со словами благословения должен был возложить на голову Эруаля верховный священник.

В храме играла негромкая музыка, но сохранить обычную тишину, обязательную для таких торжеств, было невозможно. Присутствующие перешептывались между собой, обсуждая проклятие, обрушившееся на головы Алых цветков, и прочили Эруалю недолговечность пребывания на троне и такую же быструю смерть.

Воспользовавшись тем, что на них мало обращают внимание, молодой эльф обратился к идущему рядом с ним Клавелию:

– Я очень задел вас вчера своими жестокими словами? Могу я рассчитывать на прощение?

– Неужели ты одумался, мальчик? – Клавелий спокойно, без видимой неприязни взглянул на Эруаля. – Много же тебе на это понадобилось времени. Объясни мне причину своих нападков на Витека. Ты был сам не свой.

– Он меня бросил. Он отказался ехать со мной в Лавандину. Я так хотел, чтобы он был моим советником!

– Рано или поздно тебе придется самому принимать решения. Скорее всего, с его стороны это было простым испытанием. Ты должен показать себя способным правителем, и Витек вернется и с радостью будет помогать тебе. Он не хочет, чтобы ты зависел от него и был марионеткой в его ру-

ках. Ты должен научиться самостоятельности. В твоих руках – судьба целой страны.

– Я знаю это! Но... у меня никогда не получится! – отчаяние прорвалось в голосе Эруаля. – Я предлагал Витеку занять мое место, но он отказался! Согласитесь, Клавелий, власть – его второе имя. Он создан быть королем. Почему же он отказывается оказать эту услугу не столько мне, сколько народу Лавандины?!

– Я не могу ответить на этот вопрос. Но, зная характер Витека, могу предположить, что он всегда ведет за спиной свою игру, постепенно воплощая в жизнь какую-нибудь очередную безумную идею. И, если честно, я слегка побаиваюсь этого. От задумок Витека всегда веет опасностью и риском. Ты прав, мальчик. Такой правитель – мечта любой страны, – Клавелий улыбнулся своему спутнику.

Они как раз подошли к алтарю и вынуждены были прервать разговор. Клавелий, выполнивший свою задачу, уже вознамерился удалиться в ряды зрителей, но Эруаль неожиданно схватил его за руку, останавливая.

– Вы простили меня? – с трепетом спросил он.

– Да, мальчик. Теперь я твой самый верный друг и союзник, – Старый Сказочник слегка сжал пальцы Эруаля в своей сухонькой морщинистой ладошке в знак примирения и быстро затесался в стройные ряды эльфов.

Оставшись один, Эруаль преклонил колени перед алтарем и, пропуская мимо ушей речи верховного священника, пред-

ставлявшие собой поздравления, пожелания, наставления и благословения, с блуждающей улыбкой на губах – признаком спокойной совести, – заново принялся прокручивать в голове разговор с Клавелием. Он был так безмерно рад их примирению, что даже не заметил, как корона отца оказалась на его голове, возложенная заботливыми ручками священника, и правила церемонии потребовали от него подняться и повернуться лицом к подданным.

Эруаль очнулся только тогда, когда изумленные взгляды всех собравшихся схлестнулись на нем, а тихий голос верховного священника откуда-то сверху неприветливо буркнул:

– Да что он там, заснул, что ли?

Эруаль поспешно вскочил. И в этот момент, разбивая цветные стекла в окнах, в храм ворвался огромный темно-серый волк, шкура которого была перемазана эльфийской кровью. Сопровождаемый испуганными криками, волк прыгнул на Эруаля. Реакция не подвела новоиспеченного короля, и он успел выпустить навстречу зверю огненный шар. Животное сгорело в одну секунду и рассыпалось пеплом.

Но на этом все не закончилось. Разлетелись вдребезги стекла в оставшихся окнах, сорвались с петель тяжелые, инкрустированные золотом и серебром двери, и в храм хлынули со всех сторон огромные серые звери.

– Это оборотни Шеэ! – догадался кто-то рядом с Эруалем, но его слова почти заглушили крики, которыми разом

наполнился храм.

Здесь смешалось все: удивление, боль, испуг... На коронацию запрещалось приходить с оружием, и большинство эльфов оказались беззащитны перед этими агрессивными клыкастыми тварями. По счастью, среди гостей было несколько магов. Сейчас они парили в воздухе и обрушивали на спины врагов потоки магического огня. Но они не могли защитить всех.

Эруаль оказался в самом центре событий. Он очень хотел помочь своим сородичам, но на него самого набросились сразу три волка, и ему с трудом удавалось удерживать их на расстоянии. Неожиданно под ноги молодому эльфу подкатилась маленькая колбочка, и он нечаянно наступил на нее. Хрустнули осколки стекла под подошвой сапога, и Эруаля окружил густой молочно-белый туман. Раздался хлопок, и оборотней, окружавших короля, отшвырнуло к стенам. Когда туман рассеялся, Эруаль стоял уже не один, а с Клавелием.

– Ты цел? – спросил мудрый волшебник, одновременно с этим кидая еще одну колбочку туда, где оборотней было больше всего.

– Да. Спасибо, – Эруаль отправил еще один огненный шар в ближайшего волка. – А что происходит? Откуда здесь оборотни?

– Ты что, ничего не знаешь о Шеэ?

– Так вот, что за твари убивают жителей Лавандины!

– Да. И, похоже, они уже добрались до столицы. Как раз к твоей коронации.

– Думаете, это случайность?

– Думаю, это горячее желание удовлетворить такую естественную потребность, как голод. Послушай, мальчик, тебе здесь не место, – неожиданно прямо сказал Клавелий. – Ты – новоявленный король, и тебе нужно на первых порах поберечь свою шкуру. Давай-ка уходить отсюда. Мертвым уже все равно, а живым помогут твои придворные маги, они у тебя толковые ребята.

Эруаль не стал спорить. Освобождая себе проход к выходу с помощью взрывающихся колбочек Клавелия, которых у него оказалась целая дюжина, моим героям удалось выбраться на улицу. Причем старичок проявил даже больше прыти, чем молодой эльф. Вскочив в седла привязанных ближе к дверям коней, они помчались во дворец.

– Ну вот, теперь ты в безопасности, – удовлетворенно сказал Клавелий после пятиминутной сумасшедшей скачки и прекратил то и дело оборачиваться. – Послушай меня, мальчик. Я дам тебе совет как молодому королю. Займись провинцией Шеэ в первую очередь. Иначе нападения никогда не прекратятся. Если оборотни почувствуют слабость с нашей стороны, их будет не остановить. Как лавина, они будут уничтожать все на своем пути.

– Но что мне делать? – недоуменно взглянул на Старого Сказочника Эруаль. – Даже Витек ничего о них не знает.

– Знает, – уверенно откликнулся старик. И, насладившись полным радостного удивления взглядом молодого короля, продолжил: – Сегодня утром он прислал во дворец какого-то оборванца с запиской для меня. В ней он просил меня позаботиться о тебе и передать следующую информацию: провинция Шеэ населена людьми, которые превращаются в волков при виде эльфов. Понимаешь, да, какой подарок преподнесла нам Кампанела? Вернуть его не получится, остается решать проблему с помощью оружия.

– Но там же все-таки люди! Это слишком жестоко – перебить их всех! – пораженно воскликнул Эруаль.

– Полчаса назад ты запросто убивал их, не испытывая при этом никаких мук совести!

– Я защищал свою жизнь!

– А так ты защитишь жизни тысяч мирных эльфов. Даже моралист Витек признал этот выход единственно верным. Пойми ты, будучи королем, со всеми быть добрым не получится! Ты улыбнешься одному – это обидит другого, скажешь что-то другому – заденешь третьего. Кампанельская провинция обречена на уничтожение. Рано или поздно ты и сам пришел бы к такому решению. Это страшное место, и оно ослабляет Лавандину. Ты ведь хочешь выиграть войну? Или уступишь Истерский лес Кампанеле?

– Как распорядится судьба... – пробормотал Эруаль. – Но скажите, каким же способом мы сможем разом избавиться от жителей Шеэ?

– Пока не знаю, – качнул головой Клавелий. – Предлагаю устроить завтра собрание, и все как следует обдумать. Но у меня для тебя есть и еще кое-что. Тоже Витек просил передать. Вот, возьми, – кони двух моих героев теперь скакали мерной рысью, так что молодой король спокойно смог протянуть руку и взять у старика тетрадь в мягкой черной обложке. Она сразу же исчезла во внутреннем кармане его плаща. – Это дневник Хевингема де' Мортеро. Витек просил, чтобы ты был очень осторожен при общении с кампанельским принцем. Это хитрый и двуличный человек.

За разговорами они добрались до дворца. Сегодня здесь царила праздничная суета. Слуги вели активные приготовления к балу, который должен был состояться вечером. Но, едва очутившись во дворце, Эрваль распорядился все прекратить и вновь вывесить траурные флаги. Он рассказал дворецкому об ужасном происшествии, случившемся на коронации, и тот сразу понял, почему король не намерен сегодня веселиться.

Эрваль и Клавелий поднялись наверх и расположились в комнате короля. Укрывшись от посторонних глаз, молодой эльф почувствовал себя намного свободнее. Нервно поведя плечами, он скинул церемониальный плащ на пол и сел в кресло, откинув голову на спинку. Мимолетным движением руки снял с головы корону и зашвырнул в угол. Вся поза молодого короля выражала безмерную усталость.

Клавелий Мудрейший, которому позабыли предложить

присесть, ничуть не обиделся на Эруаля за негостеприимность, прошел по комнате и выглянул в окно. Некоторое время он стоял молча, потом произнес:

– Из твоего окна открывается чудесный вид на сад. Ты, наверное, подолгу любишь природой.

– Все это было раньше, – с тяжелым вздохом отозвался Эруаль. – Сейчас моя душа не воспринимает красоту. Страшно... Давайте не будем об этом. Вы слышали, о чем шептались эльфы, пока мы шли к алтарю? О том, что на Алых цветках лежит проклятие. Как вы думаете, такое возможно?

– На твоём челе нет следа проклятия. Можешь быть спокоен.

– Тогда как объяснить череду внезапных смертей, свалившихся на мою семью? Траурные флаги просто не имеет смысла снимать с наших дворцов и домов. В Кампанеле, наверное, умирают со смеху, глядя на нас.

– Не думай о Кампанеле. Это может быть как происками неведомых тебе врагов, так и превратностями судьбы. Никто не скажет тебе наверняка, – откликнулся Клавелий, а про себя подумал: «Хочешь знать правду, мальчик, – ты пешка в чужой игре. Игра эта затеяна, конечно, не Витеком, но он участвует в ней. Бедный мальчик! Все вокруг тебя используют».

– Ты боишься, что тебя убьют? – неожиданно спросил Старый Сказочник.

Эруаль вздрогнул от его слов.

– Этого следует ожидать, – сказал он. – У меня плохое предчувствие.

– Здесь я ничем не могу тебе помочь. Мы не знаем, кто наш враг, если он действительно существует. Но если ты дашь волю страху, то станешь замкнутым, мнительным, нервным, поглощенным только своей собственной персоной эльфом. Такой король ничем не поможет Лавандине, поэтому на первых порах тебе потребуется вся твоя выдержка. И еще, хочешь мой совет? Женись. И как можно скорее. Если тебя убьют, Лавандина окажется на грани гибели. Здесь, как и в Кампанеле, начнется борьба за власть. В таком состоянии эльфы проиграют войну. А так у тебя будет возможность оставить наследника. Пусть еще не рожденного или очень маленького, но, по крайней мере, его права на трон будут неоспоримы. Его мать сможет править от его имени. Подумай о других. Что будет с твоей страной, если ты умрешь? Ты не просто эльф, ты – король!

– Я знаю одну девушку, – подумав, сказал Эруаль, – и я очень ее люблю. Но, боюсь, что никогда не получу от нее взаимности. Правда... ее может заинтересовать мое богатство.

– Я не настаиваю, – мягко сказал Клавелий. – Я просто высказал свои мысли. Если ты не хочешь, не будем больше поднимать тему с женитьбой.

– Нет-нет! Вы во всем правы. В первую очередь я должен думать о благе Лавандины. В конце концов, брак – не такая

уж страшная вещь. Я сегодня же сделаю этой девушке предложение и узнаю ответ, – Эруаль улыбнулся старику, благодарность светилась в его глазах. – Но если у вас есть на примете подходящая партия для меня, я с радостью прислушаюсь к вашему мнению.

– Я не намерен принуждать тебя. Приводи свою девушку, – кивнул Клавелий.

Эруаль поднялся и направился к выходу. На пороге он обернулся и попросил:

– Прикройте меня. Мне бы не хотелось, чтобы мое отсутствие в такое время подняло шумиху во дворце. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

– Любовные дела в спешке не решаются, мой мальчик, – мудро улыбнулся Клавелий. – Поэтому, несмотря на все твои заверения, рано ты не придешь. Но ты можешь положиться на меня. Во дворце будет тихо.

Эруаль ясно улыбнулся ему в ответ и вышел из комнаты.

Глава 32

Увидев возле крыльца коня, на котором он прибыл по дворец и которого еще не успели распрячь, король легко вскочил в седло и помчался галопом. Радуюсь, что выносливое животное взяло такой хороший темп, Эруаль подставил лицо теплему ветру и наконец-то смог вздохнуть с облегчением. Ему казалось, что дела его скоро пойдут на лад. По-прежнему внушало беспокойство печальное начало его царствования: преждевременная смерть брата, которого все давно привыкли заранее считать королем и который, бесспорно, в большей степени, чем его младшие братья, был достоин власти, затем ссора с Витеком и Клавелием, и, наконец, – трагическое происшествие на коронации, – все это заставляло Эруаля думать о досадной случайности, возведшей его на трон. Казалось, судьба смеется над ним, сделав его королем. Но потом все оказалось не так уж плохо. С Клавелием молодой эльф помирился, Витек, как выяснилось, не держал на него зла, а секрет кампанельской провинции, жители которой напали на храм во время церемонии, был раскрыт, что позволяло питать надежду на избавление от нее в самом скором времени. Это немного подбодрило Эруаля.

Въехав в Истерский лес, король попытался отвлечься от мыслей о политике, кампанельской провинции и Лавандине. Трудности начнутся завтра, когда придется заняться всем

этим вплотную, а сегодня у него еще есть полдня для того, чтобы снова почувствовать себя свободным эльфом, тем беззаботным младшим принцем, наивно полагавшим, что бремя власти никогда не ляжет на его плечи. Впереди у него был целый вечер – вечер, который он, несмотря на обещание скоро вернуться, намеревался провести в компании веселых и бесшабашных разбойников, которые наверняка найдут способ поднять ему настроение.

Сами собой нахлынули воспоминания о тех днях, которые Эруаль провел вместе с Ариадной, Венсаном и Ником. А еще с Катариной. Это было первое знакомство с вампирессой в его жизни. И самое незабываемое.

Король остановил коня возле Развалин. В лучах заходящего солнца они выглядели еще более заброшенно, чем обычно. Спешившись, Эруаль юркнул под каменные своды и прошел в Каминную залу. Там, за столиком у самого огня, он сразу же увидел знакомую троицу. Они делили между собой небольшую кучку золотых монет. Их приятное занятие то и дело прерывалось шепотом Венсана, как всегда, рассказывавшего какие-то байки, а затем взрывами хохота, его и Ариадны. Ник был сосредоточен на подсчете денег и на своих товарищей почти не обращал внимания.

– Ник! Венсан! Ариадна! Здравствуйте!

Эруаль подошел к ним.

Дружное "О-о-о!!!" повисло над столом. Затем Ариадна, смеясь, добавила:

– Какие люди к нам пожаловали! В смысле, эльфы. Ребята, кажется, это король Лавандины, я не ошибаюсь?

– Если ты и ошиблась, то ты такая не одна, – со смешком поддержал подругу Венсан. – Садись, Эруаль. Выпьешь с нами? У нас большой праздник: мы удачно раскрутили на золотые одного богатого дуралея. Этим вечером будет веселье. Мы отправляемся в кампанельские казармы. Там есть неплохая таверна. Покутим!

– Да ты мот, Венсан, – Эруаль тоже рассмеялся своим серебристым смехом, звонким, как трели соловья. Он присел рядом с ним на скамейку. – Я зашел проведать вас. Сегодня последний день, когда я принадлежу сам себе. Потом на меня свалится куча государственных дел и постоянный надзор придворных. Я не знаю, как буду так жить!

– Тогда точно сегодня вечером надо оторваться! – зеленые глаза Ариадны зажглись воодушевлением. – Попрощаемся с Эруальчиком, как подобает, пока он совсем не заплесневел от своей светской жизни. Вот нам и еще один повод повеселиться! Эй, ушастенький, пойдем с нами в таверну! Последний день ведь нормальным эльфом проводишь!

– Я боюсь стеснить вас, – Эруаль смущенно опустил глаза.

– Да брось ты! Мы все считаем тебя своим, – спокойно сказал Ник. – Ты наш друг. И мы надеемся на то, что ты тоже считаешь нас своими друзьями. Да, думаю, так оно и есть, иначе ты бы сейчас не сидел с нами. И мы приглашаем тебя провести вечер в компании друзей. К тому же, может

статься, это будет последний вечер, который мы проведем все вместе. Вдруг ты больше не сможешь к нам прийти?

– Ну, хорошо. А в кампанельской таверне ничего не скажут по поводу того, что я из вражеской страны? – Эрваль все еще сомневался.

– Конечно, ничего не скажут! Ты же будешь с нами, – Венсан ободряюще ему улыбнулся. – А там наш авторитет по сильнее твоего.

– А Катарина пойдет с нами?

– Не знаем. Мы ее еще не спрашивали. Но, я думаю, что она согласится, – сказал Венсан, и друзья продолжили делить деньги.

Эрваль спросил их о Витеке и Гло и, получив ответ, что они сейчас вместе разговаривают в ее комнате, отправился к боковой двери. Пройдя по коридору, он остановился на пороге комнатушки Гло. Дверь была открыта. Главарь банды и наставник молодого короля пили чай и о чем-то спокойно говорили.

– Я вам не помешаю? – спросил Эрваль, ощутив неясный трепет и стыд при виде учителя.

Давние друзья повернули к нему головы. Гло радостно улыбнулась молодому эльфу и поспешила пригласить его войти, а затем по-матерински ласково обняла. Витек же окинул цепким взглядом королевское одеяние своего ученика и, сохранив бесстрастное выражение на белом лице, глуховато спросил:

– Ничего, что мы не поклонились при вашем появлении, ваше величество?

– Учитель, ну зачем вы так? Вы же прекрасно знаете, что для вас я навсегда останусь прежним Эруалем, – с тихим укором произнес молодой эльф.

– Обычные слова для всех Алых цветков. В начале царствования Элебрута я слышал от него то же самое.

– Витек, не обижай Эруальчика, – строго попросила Гло, а затем обратила полный нежности взгляд на короля: – Ты приехал просто так?

– Да. Хотел в последний раз увидиться с вами, – кивнул молодой эльф. – Но лично к вам, Гло, у меня есть одно дело. Учитель, – Эруаль робко взглянул на Витека, – вы бы не могли оставить нас одних?

Витек без лишних слов поднялся и вышел, бросив на пороге своему ученику:

– Как закончишь, зайди ко мне. Я должен с тобой поговорить.

Подождав, пока легкие шаги черноволосого эльфа не затихнут в коридоре, Эруаль, тяжело вздохнув, позволил себе присесть на освободившийся стул.

– Госпожа Гло, я хотел просить у вас руки вашей дочери Ариадны, – произнес молодой король и умоляюще посмотрел в глаза главаря банды. – Я очень ее люблю и хотел бы жить с ней и в радости, и в горе до самой смерти. Но я не осмелюсь сделать ей предложение без вашего благословения.

Гло застыла, как громом пораженная. В ее глазах промелькнуло чувство, похожее на сострадание.

"Бедный мальчик! – думала в этот момент старая разбойница. – Как же ты ошибся с выбором невесты! Ариадна превратит твою жизнь в ад. Попробую тебя отговорить... Интересно, а что сказал бы Витек, услышав сейчас своего ученика?"

И Гло заговорила, аккуратно подбирая слова, чтобы не слишком сильно задеть чувства своего собеседника:

– Эруальчик, мой мальчик... Ты знаешь, как я к тебе отношусь, и ты не можешь сомневаться в том, что я желаю тебе только добра. На мой взгляд, ты достоин гораздо большего, чем моя дочь. Она будет не самой достойной и верной спутницей на жизненном пути для молодого короля. Стервозная самовлюбленная гулящая девица, вечно гоняющаяся за большими деньгами и мимолетными удовольствиями, – вот, кто твоя избранница. Разве ее ты искал, чтобы прожить душа в душу всю свою жизнь? Мой мальчик, одумайся, пока не поздно. Это говорю тебе я, ее мать, человек, который знает Ариадну лучше, чем кто бы то ни было. Поверь старой и мудрой женщине – вы с ней не пара.

– Мне это расценивать, как отказ? – Эруаль мгновенно поднялся, собираясь уходить.

– Эруальчик, я люблю тебя, как собственного сына, и мой долг – предупредить тебя. Я искренне надеюсь, что ты не пожалеешь о своем решении, – продолжала Гло. – Я даю тебе

свое благословение. Можешь сделать из Ариадны королеву, если она того захочет. Но моих слов не забывай.

– Гло, спасибо вам! – сразу же просиял молодой эльф и, поцеловав женщину в щеку, радостно выбежал из комнаты.

– Эх, молодежь, молодежь, – тяжело вздохнула, глядя ему вслед, Гло Картер. Она была уверена, что все ее предостережения были мгновенно позабыты восторженным новоиспеченным королем. – Надеюсь, Витек, узнав обо всем, будет не слишком резок с ним. Так приятно видеть радость на лице этого измученного мальчика.

Эруаль, как и обещал, после разговора со старой разбойницей заглянул в комнату учителя. Витек встретил его с подчёркнутой почтительной холодностью.

– Клавелий передал тебе мою посылку? – едва завидев ученика на пороге, без лишних предисловий спросил он.

– Какую-то тетрадку? Да, передал. Она сейчас со мной, – Эруаль вытащил дневник Хевингема из внутреннего кармана плаща.

– Судя по тому, как ты о ней отзываешься, ты не читал, – заметил Витек, и в его голосе прибавилось еще прохладцы.

– У меня не было времени, – смущенно потупившись, сказал Эруаль.

– Неужели у королей его так мало?

– Вам ли не знать.

– Значит так, послушай меня. Наш принц Хевингем – такой же хитрец, как Варлам д' Аруэ. Его с нами показная

дружба не что иное, как желание свести знакомство с умными и сильными магами, которые бы возвели его на трон Кампанелы. После того, что мне стало о нем известно, помощь принцу для нас недопустима. Я читал его дневник, о котором ты отзываешься как о "какой-то тетрадке", и все написанное мне сильно не понравилось. Вчера я виделся с Хевингемом. Так и не получив от нас вестей, он имел наглость разыскать меня на Развалинах. Между нами произошел достаточно неприятный разговор, но его итогом стала полностью исключенная возможность непонимания друг друга в будущем. В любых вопросах. Я тебе советую не вмешиваться в дела Кампанелы. Варлам и Хевингем – как два голодных волка, которые делят кусок мяса, и, не заметив, загрызут любого, кто посмеет влезть к ним, даже если у "кого-то" будут самые благие намерения.

– Почему бы нам все же не помочь кому-нибудь из них? Если единственные наследники, добравшись до власти, собираются разорять страну, пусть так и делают. Мы воспользуемся этим, чтобы выиграть войну, – произнес Эруаль.

Витек с подозрением взглянул на своего ученика. Обычно такие жестокие мысли не забредали в наивную голову молодого эльфа.

– Этого можно добиться тем ранее, – не обращая внимания на реакцию учителя, продолжал Эруаль, – что у нас на руках есть компромат на Хевингема. Если предать содержимое дневника огласке, репутация мальчика будет загублена

безвозвратно.

– Если действовать, как ты предлагаешь, то лучше всего "топить" Варлама. Я бы не желал видеть его на троне вражеской страны, пока ты правишь Лавандиной. Вы с ним будете неравными противниками. Поверь мне, Варлам страшный человек. Думаешь, как в мои руки попал этот дневник? Наместник с легкостью добыл его.

– Варлам д' Аруэ добывал дневник для вас? С какой это стати? – удивление появилось в голосе молодого короля.

– Он добывал его для себя. Хотел поступить точно так, как ты предлагаешь. Но в итоге отдал мне. Я не все рассказал тебе о результатах поездки Катарины в Кампанелу, когда я просил ее передать слова Клавелия Мудрейшего Хевингему. Твоя подруга вернулась ко мне с раненым наместником, и я должен был оказать ему помощь.

– Так д' Аруэ сейчас здесь?! – глаза Эруаля округлились от удивления.

– Он давно здесь и еще нескоро покинет Развалины.

– Может быть, вы добьете его, пока он зависит от вас?

– Эруаль, такие мысли недостойны эльфа такого высокого положения! Издеваться над врагом, который заведомо слабее тебя! Это низко! – Витек нахмурился.

– Извините, учитель. Я и сам чувствую, что сглупил, – король виновато опустил голову.

– Я рад, что ты понимаешь это. Все, что хотел, я тебе сказал. Ты волен идти.

– Вы не боитесь такого тесного общения с Варламом д' Аруэ? Он даже когда болен, хитер и опасен, – король проигнорировал предложение об уходе.

– Трепетать перед ним? Никогда! – суровая насмешка, смешанная с необыкновенной твердостью, сквозила в голосе черноволосого эльфа, когда он произносил эти слова. – Пусть д' Аруэ меня боится!

– Что же, вы достойны этого, – подумав, сказал Эруаль и, попрощавшись, вышел из комнаты.

В коридоре он столкнулся с Венсаном.

– Я тебя везде ищу! – воскликнул разбойник. – Куда ты запропастился? Мы же хотели идти в таверну! Или ты решил отказаться? Нет, дорогой мой, не получится! Пойдем-пойдем, мы просто обязаны отпраздновать твою коронацию и нашу удачно обернувшуюся аферу!

Венсан схватил друга за локоть и потащил с собой. Эруаль не сопротивлялся. На выходе из Развалин их ждали Ник, Ариадна и Катарина. Мигом завязав веселый разговор, впятером они направились к морю Элх, сопровождаемые взрывами неудержимого хохота Ариадны и Венсана.

Всю дорогу травили байки и анекдоты, шутили, дразнились и подкалывали друг друга. Ни грамма серьезности не было сейчас в разбойниках, и этим безудержным весельем заразились и их спутники. Разговоров о делах и проблемах никто даже не заводил. С шумом и смехом друзья ввалились в кампанельскую таверну, расположенную у самой воды и

предназначенную для отдыха солдат. Перед тем, как войти на вражескую территорию, Эруаль набросил на голову капюшон легкого белого плаща, чтобы спрятать под ним заостренные уши, и тем самым не выдать того, что он эльф.

Шустрые разбойники, поприветствовав хозяина заведения, заказали несколько бутылок вина и заняли стол возле окошка. Тут же к ним подсели какие-то приятели, абсолютно не знакомые Эруалью и Катарине, поэтому они вдвоем немного заскучали, не желая прислушиваться к чужой болтовне. Затем принесли вино, и разговор разбойников с кампанельскими солдатами стал еще веселее и оживленнее.

– А вы слышали, на коронации младшего лавандинского принца наши оборотни из Шеэ чуть его не съели! Вот потеха-то, да? – неожиданно краем уха услышал Эруаль и уперся возмущенным взглядом в сказавшего эти жестокие слова солдата.

Он многое бы мог сейчас сказать этому человеку, но предпочел промолчать, опасаясь того, что по его чистому звонкому голосу в нем могут узнать эльфа. Он подумал, что разбойники заступятся за него. Хотя бы Ник. Но все трое были уже изрядно навеселе, поэтому не только не осадили приятеля, но даже поддержали его громким смехом.

– Что же в этом забавного? – не выдержал Эруаль, когда солдат отпустил еще одно замечание подобного свойства. Он старался, чтобы его голос звучал как можно грубее и некрасивее, и он не спросил – бросил слова, словно обвинение, в

лицо остряку, при этом глаза его гневно сверкнули.

– Ты не понимаешь шуток, парень? Сочувствую! – весело хмыкнул солдат, никак не отреагировав на благородный гнев неожиданного защитника. – Представляешь, как было бы удачно, если бы этого простофилю растерзали? Пока Лавандина выбирала бы нового правителя, мы бы ее захватили! Всего дел-то!

– В Лавандине быстро нашли бы эльфа, достойного занять трон! – запальчиво воскликнул Эруаль. – Там не как в вашей Кампанеле! Всего два претендента – и оба одинаковые мерзавцы!

– Ты что-то имеешь против моей страны и моего законного господина Варлама д' Аруэ? – взбешенный наглостью незнакомца, солдат порывисто вскочил. Его брови в один миг сошлись на переносице, глаза нехорошо сузились.

– Я ничего не имею против Кампанелы. Я не могу слушать, как смешивают с грязью имя моей страны! – Эруаль тоже вскочил.

– Эруаль, сядь! – тихонько попросила Катарина, дергая его за край плаща и испуганно озираясь по сторонам. – На вас все смотрят!

– Пусть смотрят! – почти хором откликнулись соперники. А тут еще не совсем трезвая (вернее, совсем не трезвая) Ариадна, которой намечающаяся драка показалась событием интересным и презабавным, заливисто рассмеялась и произнесла:

– Деритесь-деритесь! Победителю обещаю провести с ним ночь.

– Ари, да я за тебя от него мокрого места не оставлю! – прорычал солдат, тогда как Эруаль от ее слов слегка покраснел.

– Ух ты! Здорово! Может быть, мне тоже принять участие в потасовке? – мгновенно загорелся Венсан.

– Ты уж сиди! – грубо рявкнула на него Катарина.

И, как только она отвлеклась на Корвена, кампанельский солдат бросился на Эруаля с кулаками. Сцепившись, они покатались по полу, сшибая столы и стулья. Солдат все время метил в глаз Эруалю, но все время промахивался, эльфу, в свою очередь, было все равно, куда бить, лишь бы сбросить с себя тяжеловесного противника, который с каждой минутой все сильнее прижимал его к полу. Но тут в пылу драки капюшон упал с головы короля Лавандины, и пораженный солдат застыл, так и не донеся кулака до лица противника.

– то же эльф! – на всю таверну крикнул мужчина, и столько презрения было в его голосе, как будто он увидел червяка.

На крик товарища сразу обернулись все те, кто еще минутой назад активно болел за него, но в драке участия не принимал.

– Эльф?! – ропот недовольства и злобы прошел по их рядам, перемежаемый переглядываниями.

В следующую минуту они бросились на помощь товарищу. Но ни один из них не успел добраться до короля Лаван-

дины, потому что звонкий голос Ариадны, вскочившей на стол, прокричал, останавливая намечающуюся драку:

– Все! Хватит! Прекратите! Это наш личный эльф! Тоже разбойник. Новенький!

Мужчины остановились, не успев затеять потасовку. Слова давней хорошей знакомой, безусловно, имели здесь авторитет. Люди нерешительно и не сразу вернулись на свои места. Затеявший драку солдат, презрительно сплюнув в сторону, оставил Эруалья в покое и снова сел за стол к разбойникам. Молодой эльф, то и дело ловя на себе недовольные взгляды, полные здорового раздражения и ненависти, поднялся на ноги и тоже занял свое место. Мало-помалу в таверне все успокоилось.

– Молодец! – раздраженно прошипела на ухо Эруалью Катарина. – Устроил драку! Тоже мне, эльф благородных кровей! Король называется...

– А что, я должен был молчать? Он оскорбил мою страну! – недовольно откликнулся Эруаль.

– Но ты же среди врагов! Чего ты хотел, чтобы они тут на твою Лавандину молились? Сидел бы тихо, ничего не случилось бы. Испортил ребятам праздник.

– Не упрекай меня хоть ты, Катарина!

– Извини. Понимаю, что несправедлива к тебе. У меня есть предложение: быстро собираемся и уходим отсюда, чтобы не нервировать общественность. Ребята пусть остаются.

– Но... у меня еще есть одно дело. К Ариадне, – чуть за-

пнувшись, признался король.

– Ну, и чего ты до сих пор сидишь? – недоуменно покосилась на него вампиресса. – Давай, быстрее все улаживай и пошли.

Эруаль кивнул. Поднявшись, он подошел к Ариадне и, шепнув ей на ухо, что хочет поговорить наедине, вышел на улицу. Через некоторое время разбойница последовала за ним. Они встретились на крыльце, и молодой король, не зная, с чего начать свое признание, предложил пьяной подруге прогуляться по берегу моря. Абсолютно не понимавшая романтики Ариадна нахмурилась и с явной неохотой согласилась. Некоторое время они молча брели по пляжу, вслушиваясь в шум прибоя, ощущая на лицах теплое дыхание бриза, глядя на круглую румяную луну, показавшуюся над верхушками сосен.

Ариадна не выдержала первой.

– Зачем ты позвал меня? – нетерпеливо спросила она. – Чтобы просто так ходить туда-сюда? Мне скучно.

– Нет. Я хотел сделать тебе предложение, – Эруаль, опасаясь смотреть в ехидные зеленые глаза Ариадны, взглянул на море, ища в нем успокоения для себя.

– Предложение руки и сердца? – пошутила девушка, но ее спутник серьезно откликнулся:

– Да.

– Что?! – Ариадна встала, как вкопанная. – Ты признаешься мне в любви?! Ты – мне?! – Ты серьезно? Но ведь я

разбойница, а ты король! Как ты себе представляешь наш брак?

– Так же, как и любой другой, – Эруаль передернул плечами. – Нужно только твое согласие.

– А если я откажу?

– Я пойму тебя. Но... Можно подумать, тебе каждый день предлагают стать королевой!

– Ты прав. Не каждый.

Ариадна задумалась. Вот оно! Ее давняя мечта начинает воплощаться в жизнь! Она всегда хотела быть замужем за богатым человеком, настолько богатым, чтобы она могла жить в беспечной роскоши до конца своих дней. Ариадна мечтала о шелковых платьях и дорогих украшениях, о золоте, которое позволило бы ей никогда ни в чем себе не отказывать. А также о красивых, воспитанных, хорошо одетых молодых людях, которых полным-полно во дворцах и которые были бы для нее намного более приятной компанией, чем общество подвыпивших солдат и грубых разбойников. И вот, от желаемого ее отделяет всего одно слово. И, вроде бы, все прекрасно. Жених – красавец, умница, добрейшей души человек. Эльф, то есть.

Вот оно что! Эльф!

Ее мечта сейчас стояла рядом с ней, но уж очень она была ушастая!

"Ну что, Ари, потерпишь возле себя этого малахольного эльфа ради своих любимых золотых монеток?" – мысленно

задала себе вопрос Ариадна, а ответила на него вслух:

– Да.

– Ты выйдешь за меня замуж? – Эруаль впервые за время их прогулки заглянул в ее зеленые глаза.

– Ты не ослышался, – подтвердила разбойница. – Если ты уверен, то сословные предрассудки не будут помехой, то мы станем самой убойной парой правителей века!

Ариадна звонко рассмеялась, мысленно уже рисуя себя в короне и шелках.

Это все, что мне хотелось узнать. Теперь мы можем вернуться, – Эруаль вздохнул с облегчением, как будто с его плеч свалился тяжелый груз.

– Эй! Ты даже не поцелуешь свою невесту? – игриво окликнула его рыжая разбойница.

– Это может подождать до свадьбы.

Но Ариадна проигнорировала его слова. Она ласково обвила руками шею будущего мужа и, прижавшись к нему всем телом, с силой поцеловала в губы. Эруаль не решился отстраниться от девушки, и поцелуй вышел долгим, а потом она просто толкнула молодого эльфа в песок и...

Ночь у обоих выдалась бессонной.

Катарина, так и не дождавшись Эруаля и, безусловно, догадавшись об истинной причине задержки своего друга, отправилась к Развалинам одна.

Глава 33

С утра пораньше Эруаль и Ариадна чуть ли не наперегонки уже мчались через лес к Развалинам. Едва проснувшись, молодой король сразу же подумал о Клавелии Мудрейшем, который наверняка безрезультатно прождал его всю ночь. Устыдившись собственной безответственности, молодой эльф поторопил свою невесту, сообщив, что они давно уже должны быть во дворце.

Бегом они добрались до Развалин, там, даже не думая о завтраке, вскочили на коней и помчались в Лавандину. Ариадну вся эта спешка веселила, и она всю дорогу хохотала, как безумная, сильно рискуя свалиться с лошади. Эруаль же все больше хмурился, беспокоясь о том, как бы в его отсутствие чего-нибудь не случилось.

Таким образом, во дворец король и будущая королева ворвались взмыленные, уставшие и голодные. Клавелий Мудрейший встретился им на входе и, без лишних предисловий сопроводив парочку в комнату Эруаля, плотно прикрыл за собой дверь.

– Ты обещал вернуться как можно быстрее, – напомнил молодому королю старик. – И хоть любовные дела не вершатся спрехвала, я все-таки не ожидал, что они задержат тебя на всю ночь.

– Извините. Этого больше не повторится, – покаялся мо-

лодой эльф. – Зато я вернулся с невестой. Знакомьтесь, это Ариадна Картер. Ариадна, это мой советник, Клавелий Мудрейший.

– Ты прочишь в королевы разбойницу? – Клавелий посмотрел на Эруаля, как на сумасшедшего. – Да при дворе тебя с костями съедят!

– Подавятся, – хмыкнул молодой эльф.

– Остришь? А я бы на твоём месте поостерегся. Ты бросаешь вызов общественности, у которой ты и так не на хорошем счету. Тебя не любят за то, что ты слишком рано пришел к власти, по сути дела пройдясь по трупам своего отца и братьев. Тебя не любят за излишнюю чувствительность и склонность к истерии, – ведь это черты, далекие от присущих великим королям. Лорды тебя не любят за то, что ты слишком красив и нравишься всем, без исключения, их дамам. Леди тебя возненавидят, как только ты представишь им свою будущую жену. Мальчик, не ставь жизнь под угрозу, ради своих амбиций.

– Он уже давно не мальчик! – вмешалась Ариадна, и тон ее был дерзок и суров. – Что вы с ним обращаетесь, как с недалеким? Оставьте ваше старческое брюзжание! Эруаль сам знает, что делает. Настоящей любви не страшны никакие преграды!

– Помолчите, девушка, – Клавелий бросил на рыжую выскочку просто уничтожающий взгляд, и это заставило ее замолчать. По крайней мере, на некоторое время.

– Поверьте, я отдаю себе отчет в своих поступках, – вмешался в разговор Эруаль. – Не стоит делать из женитьбы проблему. Мы проведем церемонию тихо, быстро, без лишних глаз. Присутствовать будут только лорды, давно приближенные к особам нашего рода.

– При дворе этого не поймут.

– Скажем, что боимся очередного нападения оборотней. Тогда поймут.

– Кстати, об оборотнях. Мы хотели обсудить эту проблему.

– Я в вашем распоряжении в любое время.

– Только не сейчас! Ты выглядишь измученным, – заметил Клавелий. – Отдохни, приведи себя в порядок и приходи ко мне. Твою будущую жену я отведу к портным, пусть снимут мерки для свадебного платья. Заодно покажу дворец.

– Как у вас все быстро! – изумилась и восхитилась Ариадна.

Послав Эруалю воздушный поцелуй, девушка ушла со стариком. Король устало рухнул в кресло и с содроганием подумал:

"С появлением Ариадны здесь все встанет с ног на голову! Боги, помогите мне пережить первые дни правления, и я буду вечно вам благодарен!"

Послушавшись совета Клавелий Мудрейшего, Эруаль вымылся, переоделся, позавтракал и, отправившись на поиски старика, нашел его в саду. Он стоял рядом с кругом мага и,

не заходя в него, разглядывал белые камни. Заслышав легкие шаги молодого короля, Старый Сказочник обернулся и произнес задумчивым голосом:

– Надо же, у вас еще сохранился круг мага. Я думал, он давно разрушен.

– Витеку нравилось это место. Из уважения к его интересам круг мага не уничтожили. А теперь он нужен мне. Поэтому ему придется простоять здесь еще несколько столетий, – Эруаль спокойно вошел в круг и сел на траву, обхватив колени руками. – Мы с вами хотели обсудить ситуацию с кампанельской провинцией. У вас есть какие-нибудь идеи?

Клавелий Мудрейший тоже вошел в круг и, прислонившись к одному из камней, как-то неуверенно откликнулся:

– Да, есть. Только не знаю, согласишься ли ты на мое предложение. Оно тебя не обрадует.

– Говорите. Что же делать, если в последнее время ничто не способно меня порадовать! – Эруаль досадливо поморщился, однако, взглянул на старика с интересом.

Старый Сказочник с минуту молчал, собираясь с мыслями, а потом медленно и ласково заговорил:

– Мы должны повторить на твоей свадьбе то, что произошло на коронации.

– Зачем?! – ужас отразился на лице Эруаля.

– Я попытаюсь объяснить. Я собираюсь наложить на Шеэ сильное защитное заклинание. Оно полностью блокирует провинцию. В нее нельзя будет войти, из нее нельзя будет

выйти. Но в Шеэ могут быть маги, которые наверняка попытаются мне помешать. А значит, их всех надо выманить оттуда. Это делается легко. Прослышав про то, что состоится очередное массовое мероприятие, маги из Шеэ первыми устремятся туда, так как их сила нуждается в свежей крови. Тогда я смогу действовать. Все оставшиеся на территории кампанельской провинции оборотни будут отрезаны от внешнего мира, а магов и тех, кто придет вместе с ними, перебьют наши, эльфийские колдуны. Таким образом, с Шеэ будет покончено.

Но ведь будут жертвы!

– Само собой, будут. Зато меньшие и последние.

– Это очень жестоко! Я не могу дать своего согласия, – Эруаль с выражением подлинного отвращения на лице покачал головой.

– Тогда нам придется перебить их всех с помощью оружия. Это будет намного сложнее и тоже, как ты понимаешь, не бескровно. Рисковать жизнями эльфов придется в любом случае. Так, чтобы и овцы были целы, и волки сыты, у нас не получится. Мы не можем закрыть глаза на существование Шеэ. Это верная гибель для Лавандины.

– Но... может, тогда исполним ваш план не на моей свадьбе? Я не хочу подвергать опасности жизнь Ариадны.

– Твоя свадьба – ближайшее событие, на которое соберется поглазеть большое количество эльфов. А медлить нам нельзя. К тому же, если хочешь знать мое мнение, Ариадна –

последний человек, за которого нам на этом торжестве надо будет беспокоиться. Ловкости и смелости твоей разбойнице не занимать.

– Все это так. Но при встрече с оборотнем лицом к лицу она может испугаться!

– А ты ей на что?

– Все равно, риск очень велик.

– Мы примем меры предосторожности. Охраны будет больше, чем воздуха.

– Но ведь оборотней будет много! Да еще магов!

– Мальчик, ты паникер, – Клавелий Мудрейший испустил усталый вздох. – Даже если ты не дашь своего согласия, я претворю свой план в жизнь. И мне никто не помешает. Знаешь, иногда нужно рисковать малым, ради достижения большего.

В эту минуту Клавелий говорил, как Витек, который, в свою очередь, повторял слова покойного короля Элебрута. И Эрुалю пришлось уступить.

Глава 34

Свадьба короля Эруаля и разбойницы Ариадны состоялась через неделю после описываемого мною здесь разговора молодого эльфа со своим мудрым советником. Она вызвала много толков и пересудов, а также открытое возмущение благородных эльфов и ехидные усмешки у простых горожан. Видеть разбойницу своей королевой никто не хотел, но молодой король был глух к мнению общественности. И его советник во всем поддерживал своего господина. "Такой же своенравный, как и учивший его Витек!" – слышалось на каждом углу дворца. Среди благородных эльфов крепло недовольство новым правителем. Как и предсказывал Клавелий, все потенциальные невесты были глубоко уязвлены выбором короля, и вместо томных вздохов по коридорам его теперь сопровождал сердитый шепоток.

Ариадну невзлюбили все женщины. Зато мужчины, стоило им, презрев свою гордость, познакомиться с ней поближе, быстро становились самыми яркими ее защитниками. Ариадне, конечно, не очень нравилось общество, состоящее исключительно из ушастых эльфов, но то, что при дворе она имела такой же успех, как и в Истерском лесу, безусловно, льстило ее самолюбию.

Так что ко дню королевской свадьбы Лавандина окончательно погрязла в беспорядке общественных мнений. Это

было бы временем быстрых и легких побед для Кампанелы, но страна людей почему-то затихла, как перед грозой. Эруаль не беспокоился на ее счет. Могушественный и страшный Варлам д' Аруэ находился сейчас на попечении Витека и со своей раной пробудет у него еще долго, а значит, с его стороны опасаться нечего. Что же касается сумасшедшего принца Хевингема, то разве можно предугадать действия безумца?

Но молодой король и предположить не мог, что опасность для него исходит с совсем другой, третьей стороны.

Продолжали пугать Эруаля его сны. Темный эльф стал резок в обращении, настойчив и требователен. Он то и дело переходил от увещеваний к угрозам, но Эруаль боялся внимать речам Голоса. Тот хотел невозможного. Он пытался добиться от молодого короля согласия на подписание приказа, которым он, Эруаль, передавал бы Истерский лес Кампанеле. Темный эльф настаивал, что если Эруаль поставит условием нахождение Варлама д' Аруэ на троне Кампанелы, то это будет долгожданным окончанием войны. Наместник никогда больше не будет иметь никаких притязаний к бывшему врагу, наоборот, даже поможет заключить выгодные договоры, как только море Элх станет судоходным.

Несмотря на то, что слова Голоса были не лишены смысла (от войны устали все, и прекратить этот многолетний кошмар одним росчерком пера было большим соблазном), Эруаль осторожничал. В глубине души он чувствовал подвох и старался не прислушиваться к тому, что говорил темный

эльф. Однако, его слова обладали свойством надолго оставаться в памяти, и это беспокоило и угнетало молодого короля, как некоторое время назад, когда Голос старательно убеждал его в принадлежности к темной расе.

В день свадьбы Эруаль, обеспокоенный больше, чем обычно, своими призрачными страхами и неизвестными опасностями, выкроил часок, чтобы остаться одному. Он чувствовал себя обессиленным, и в душе у него не было радости по случаю предстоящего торжества. Когда Эруаль жаловался на слабость Голосу, тот всегда говорил, что это естественные признаки угасания света в его душе, постепенно подчиняющейся тьме. Это причиняло Эруалю лишнее беспокойство и снова пробуждало давнее предчувствие скорой смерти. Оставшись в одиночестве в своей комнате, он сел за стол и, вытащив из ящика листок бумаги, принялся что-то писать на нем. Перед тем, как положить на страницу следующую фразу, эльф долго думал. Он подбирал каждое слово, как будто боялся где-то ошибиться. Неожиданно в дверь постучали.

"Вовремя!" – подумал Эруаль, успевший к этому моменту все дописать, и дал разрешение войти.

Порог переступил Клавелий Мудрейший.

– Мальчик, если ты не поторопишься, то рискуешь опоздать, – заметил старик. – Стыдно заставлять невесту ждать.

– Подойдите, пожалуйста, – попросил Эруаль, закрывая все написанное им книгой и оставляя на виду только немно-

го чистого места внизу. Когда старик выполнил его просьбу, молодой король снова попросил, протягивая ему перо: – Подпишите.

– Я должен знать, что подписываю, – хмуро произнес Клавелий, тем не менее, беря в руки перо.

– Мое завещание, – совершенно спокойно сказал Эруаль. – Я не хочу, чтобы вы знали его содержание. Но мне нужно, чтобы вы его заверили. Думаю, двух подписей и моей личной печати будет достаточно, чтобы считать его действительным.

Клавелий, холодно глядя в глаза молодого эльфа, вслепую поставил свою роспись на листе бумаги. Его тонкие пальцы с такой силой сжали перо, что оно сломалось. Эруаль прочел в глазах старика еле сдерживаемую ярость и испуганно вздрогнул. Клавелий тихо прошипел, вложив в свой голос богатую гамму недовольства и раздражения:

– Рановато себя хоронишь, мальчик!

Резко развернувшись, Старый Сказочник быстрыми шагами вышел из комнаты.

Эруаль остался сидеть в оцепенении. Когда Клавелий произнес эти насквозь пропитанные его неодобрением слова, ему на мгновение показалось, что перед ним стоит его драгоценный учитель – темный эльф Витек, настолько все сказанное стариком было в его духе! Опомнившись, Эруаль скрепил завещание своей печатью и убрал в тайник за зеркалом. После чего покинул комнату.

В храм он приехал с небольшим опозданием, но, за исключением этого, ничто венчания не испортило. Клавелий на церемонии не присутствовал. Подписав завещание Эруаля, он сразу же направился в Шеэ, поджидать удобного момента для использования своего заклинания, поэтому сегодня молодому эльфу поддержки было ждать не от кого. Пара из короля и разбойницы получилась совсем не подходящая друг другу. Печальный усталый измученный Эруаль пытался ввести гостей в заблуждение насчет своего состояния чересчур любезной натянутой улыбкой. Ариадна, наоборот, была свежа и хороша, много смеялась (сегодня, правда, больше в силу привычки, нежели обстоятельств) и то и дело посылала собравшимся воздушные поцелуи. Про вероятность нападения оборотней Эруаль и Клавелий ей рассказали, но это не напугало и не расстроило девушку, наоборот, обрадовало. Выяснилось, что она всегда мечтала сразиться с оборотнем, и с радостью будет поджидать их появления на свадьбе.

Сразу же после венчания Эруаль и Ариадна вместе с гостями отправились во дворец, где все было подготовлено к праздничному балу. Отдав дань традиции, жених и невеста станцевали первый танец, после чего Эруаль сразу же сел на свое место во главе стола, предоставив Ариадне возможность веселиться без него. Что же, она это умела, и вскоре все придворные подарили свое внимание красавице-невесте, которая с необыкновенной легкостью увлекала всех собравшихся в круговорот придуманных ею самой танцев и нехит-

рых игр. Об угрюмом Эруале все сразу же позабыли.

Между тем, он сидел, как на иголках. Он считал секунды, они складывались в минуты, минуты – в часы. Иногда он вздрагивал, словно от испуга или неожиданности: ему казалось, что в следующий миг в залу ворвутся огромные клыкастые волки, нарушая беззаботное веселье мирных эльфов, и начнут рвать их на куски. Шум, паника, ужас, истерические крики – вот все воспоминания Эруаля о коронации. Вот, что он прочил в завершение своей свадьбы.

Несмотря на то, что еще перед началом венчания молодой король просил Ариадну держаться поближе к нему, девушка, конечно же, его не послушала. Поэтому к моменту появления оборотней она оказалась как раз рядом с дверьми. И двое волков, первыми проскочившие внутрь, кинулись прямо на нее. Волки, ворвавшиеся следом, устремились в центр помещения, в самую гущу гостей.

Нервный Эруаль, весь день ожидавший этого нападения, единственный из всех был настороже. Поэтому он отреагировал мгновенно, и два огненных шара, метко пущенные им один за другим, успели испепелить тех оборотней, что выбрали своей жертвой Ариадну. Затем он сразу же бросился на помощь гостям.

Ариадна, получив свободу, развязала один из бантов на свадебном платье и вытащила кинжал. Прокладывая с его помощью себе дорогу между широких волчьих спин, она добралась до праздничного стола. Вскочив на него, она приня-

лась собирать тарелки и приборы и метко кидать в оборотней. Острые предметы ранили и отвлекали опасных зверей от их жертв, но наброситься на самоуверенную разбойницу им уже не давали яростно защищавшиеся эльфы. Ариадна так увлеклась, что не сразу заметила, что на столе она вышасяется уже не одна. Двое мужчин прикрывали ее спину. Обернувшись, разбойница узнала своих друзей.

– Венсан! Ник! Как вы здесь оказались? – радостно вскрикнула девушка.

– Мы же не могли пропустить такое важное событие в жизни нашей подруги! – откликнулся Ник, отправляя в очередного оборотня сразу несколько вилок.

– Мы наблюдали за вами из сада, – добавил Венсан, молниеносно орудуя волшебным кинжалом, подаренным ему Катариной. – Как видишь, мы не зря заглянули к тебе на свадьбу!

– Вы всегда вовремя! Теперь мы точно спустим шкуру с этих собак! – ножи и вилки замелькали в руках Ариадны с удвоенной скоростью.

– Не попади в Катарину. Она тоже где-то здесь, – предупреждающе крикнул Венсан.

– Да разве вампира убьешь холодным оружием! – легка на помине, Катарина эффектно запрыгнула на стол.

Оказавшись вчетвером, друзья почувствовали себя намного увереннее, и бой продолжился уже веселее. Вскоре к ним присоединился Эруаль. Вместе с вампирессой и тремя

вечно хохочущими, как ненормальные, разбойниками, ему удалось подманить оставшихся оборотней поближе к столу и, используя одно из сильнейших заклинаний, обрушить на головы кровожадных зверей огненный дождь. Меньше, чем за минуту, от страшных врагов остались только горстки легкого пепла.

Праздничная зала была разгромлена и усеяна десятками мертвых тел. Оставшиеся в живых бродили по ней, как по полю боя, выискивая, не осталось ли тех, кому еще можно помочь. Кто-то предпочел сразу же покинуть дворец, опасаясь, как бы в доме их ненормального короля не приключилось еще чего-нибудь похуже.

На пятерку моих героев никто не обращал внимания. Воспользовавшись этим, Катарина с извинениями спрыгнула на пол и с плохо скрываемым наслаждением вонзила клыки в неестественно вывернутую шею ближайшего трупа. Эруаль старался не оборачиваться, чтобы не видеть этого. Он, словно изваяние, застыл на праздничном столе. От вида такого количества истерзанных тел его тошнило. Разбойники же, как ни в чем не бывало, с усталыми вздохами соскочили со стола и попадали на уцелевшие стулья.

– Веселенькая у вас свадьбка, скажу я вам! – с беззаботным смехом заметил Венсан. Нагнувшись к лежащему внизу трупу, он оторвал клочок от его плаща и принялся обтирать им свой кинжал.

– И не говори! – Ариадна с сожалением рассматривала

свое изодранное в клочья и перепачканное чужой кровью белое шелковое платье. Долгожданная корона, которую возложили на ее голову во время венчания, потерялась в ходе боя. Ариадна даже видела, где именно она лежала, но поднимать побрезговала: корона была смята и сплюснута под невероятными углами. Вряд ли этот шестиугольный блин когда-нибудь понадобится молодой королеве.

– Вот это орава! – как ни в чем не бывало продолжала говорить Ариадна. – Меня, конечно, предупреждали, что это будет самый оригинальный подарок мне на свадьбу, однако, он превзошел все ожидания! Какая разруха! Сколько трупов! Мы никогда с таким погромом никого не грабили!

– Ари, помолчи! Не видишь, Эруаль плохо! – одернул подругу Ник.

– Зато Катарине хорошо! – Ариадна переглянулась с Венсаном, и они весело рассмеялись.

– Да уж! У меня давно не было такого калорийного ужина, – донесся уже откуда-то из-под стола сытый голосок вампирессы, что вызвало у двух разбойников еще один взрыв смеха.

"Как они могут смеяться, когда тут плакать надо? – с ужасом думал Эруаль, пока Ник продолжал стыдить друзей, а Катарина – пить кровь мертвых эльфов. – Столько жертв! Безвинных жертв! Разве над этим смеются? Да, мы победили. Но какой ценой? Ведь это мой народ! Мои подданные! Какое мы с Клавелием имели право приносить их в жертву

своим страшным планам? Разве они хоть чем-то перед нами провинились? Бедные, бедные мои эльфы! Как это мерзко – начинать свое правление с пролитой крови и десятков загубленных жизней! Как я буду смотреть в глаза их родным и близким?!"

– Эруаль! Эруаль, ты чего? – Ник подошел к молодому королю, выводя того из состояния задумчивости, и подал ему руку. – Спускайся! Ты так бледен! Сам на себя не похож. Тебе плохо? Уходи отсюда.

– Я не могу! – слова вырвались вместе с тяжелым горестным вздохом. Опершись на предложенную руку, Эруаль прыгнул на пол и чуть не поскользнулся в луже чьей-то крови. Ник успел ухватить его за локоть. – Я должен дождаться Клавелия.

– Подожди его в своей комнате. Как только он появится, мы отправим его прямо к тебе, – сказал Ник. – Поверь, так будет лучше. На тебе лица нет! Вот-вот с ног свалишься! Иди давай!

Молодой король, преодолевая слабость во всем теле, пошел к выходу. Он не помнил, как брел по коридорам и поднимался по дворцовой лестнице, направляясь в свою комнату. Он очнулся только тогда, когда повалился в кресло за своим письменным столом и увидел на нем запечатанное письмо.

– Это от Клавелия? – с удивлением вырвалось у Эруаля, едва он прочитал надпись на конверте. – Как оно здесь ока-

залось?

Эльф распечатал письмо и быстро пробежал глазами по строчкам. Острая боль коснулась его сердца. Это была скорбь. Клавелий Мудрейший, старик-волшебник, известный больше как Старый Сказочник, советник молодого короля Лавандины писал письмо-прощание. Тот барьер, которым он хотел оградить Шеэ от пограничных земель Лавандины, на самом деле был самим Клавелием. Он отдал свою жизнь заклинанию, и теперь все его знания и вся его магия на века изолировали провинцию оборотней от внешнего мира. Даже этот старый благородный и мудрый человек принес себя в жертву страшному царствованию последнего из рода Алых цветков.

Эруаль легким броском швырнул письмо обратно на стол.

"Из меня получился никудышный король, – подумал он. – Ах, ведь я был прав, когда говорил Витеку, что он больше меня достоин этого звания! Когда же придет моя смерть и освободит меня от этого непосильного бремени?"

А тем временем его смерть уже начала подумывать об этом.

Глава 35

И Лэмар, и Виолетта, встретившись в ее башне, пребывали в страшном бешенстве в этот вечер. Женщину злило длительное отсутствие ее любовника Варлама д' Аруэ. Прошло больше недели, как он забрал у нее дневник принца Хевингема и пропал, и с тех пор от него ни слуху, ни духу. Все его шпионы и доносчики повадились ходить с докладами и за дальнейшими указаниями к ней, тем самым лишив Виолетту привычного спокойного существования.

Лэмар был недоволен упрямством и неподатливостью Эруаля, которого он в свое время считал легкой добычей. Его раздражало то, что у молодого короля неожиданно появился другой наставник вместо Витека и что он вовсе не торопится обращаться за советами к нему, Лэмару. Не то чтобы темный эльф переживал из-за того, что не выполнит обещания, данного Варламу д' Аруэ, просто... просто было неприятно потерпеть фиаско на заключительном этапе. Ведь он добился желаемого: Эруаль поверил в то, что он темный, смирился... и отчего-то стал отвергать общество Лэмара. Воистину, странный эльф!

Итак, вражеская компания была взвинчена и разозлена неизвестностью, непослушанием и неудачами. В эту ночь эти обстоятельства толкнули ее на решительные действия.

– Слушай, Вио, не кажется ли тебе, что нам пора под-

нять голову и отобрать Лавандину не хитростью, а силой? – неожиданно предложил Лэмар.

– Есть какие-то идеи? – Виолетта взглянула на своего мужа непривычно хмуро.

– Есть. И по моим расчетам, мы уже завтра будем стоять у власти. Но большую роль в этом деле должна сыграть ты.

– Ты же знаешь, Лэмар, я всегда готова.

– Хорошо. Сегодня ты должна будешь вернуть в наши ряды д' Аруэ...

– Ты знаешь, где он?! – восклик удивления невольно сорвался с губ женщины. – И все это время молчал?!

– Поверь, все это время он нам тут был не нужен. Я видел его сны. Он находится в Истерском лесу, в местечке, называемом Развалины. У него прокушена нога или что-то вроде того. Думаю, всю эту неделю ему было безопаснее находиться там: его внезапное исчезновение изводило маленького кампанельского принца неизвестностью, но стоило только ему увидеть своего конкурента калекой, как это мгновенно развязало бы ему руки. В Развалинах живут разбойники, но они для тебя не помеха. Тебе предстоит выкрасть д' Аруэ прямо из-под носа Витека.

– Опять твой Витек? Он и в этом деле замешан?

– Он замешан везде, – Лэмар досадливо поморщился.

– Это он ранил Варлама? – глаза Виолетты зло сузились.

– Не знаю. Мне все равно. Встретитесь – разберетесь. А мы идем дальше. Ты перенесешь д' Аруэ в свою башню.

Здесь мы с ним обговорим план военной кампании. Вио, д'Аруэ должен будет еще раз собрать армию и привести ее к границе Лавандины. Мы навяжем королю Эруалу бой, тот последний бой, который решит все: кто победит в войне и кому достанется Истерский лес.

– Но, Лэмар, как Варлам возглавит армию, если у него повреждена нога?

– Вио, у него столько народу на побегушках, что он может спокойно отсиживаться в палатке и раздавать указания! Главное, чтобы он поторопился с мобилизацией людей.

– Ты так уверен в победе Кампанелы? – сомнения не покидали Виолетту. – А вдруг армия Лавандины окажется сильнее?

– А вот тут у меня припрятан козырь, – откликнулся Лэмар. Похоже, он вообще не допускал мысли, что Лавандина может выиграть. – Сидя в своей пещере, я скуки ради проникал в сны разных людей и эльфов. Совсем недавно мне попался эльф, от которого я узнал о существовании заклинания, способного сломать запирающую печать и выпустить всех темных на свободу. Темные встанут на сторону Кампанелы. Используя эффект неожиданности, численное превосходство и то обстоятельство, что армия Лавандины к моменту нашего освобождения уже будет порядком измотана, мы одержим победу. Вио, заклинание невероятно сложное, но начать его читать придется именно тебе. Как только я почувствую, что стены моей тюрьмы слабеют, и я могу исполь-

зовать хоть часть своей силы, я помогу тебе. Вместе у нас должно получиться.

– О, Лэмар! – женщина застыла в немом восхищении.

– Медлить нельзя. Отправляйся за д' Аруэ. И пока он будет занят сбором отрядов, не выпускай из виду Хевингема де' Мортеро. Он не должен мешаться у твоего наместника под ногами. И так уже хромой...

Пропустив мимо ушей очередную колкость в адрес своего любовника, Виолетта воспроизвела в памяти слова заклинания перемещения и, четко и осторожно прочитав его, исчезла из комнаты. Лэмар по привычке уселся в центре пентаграммы. Виолетта одобрила его план, а она неглупая женщина и не знает лести, когда речь заходит о таких важных вещах. Но все-таки Лэмару кое-что не нравилось. А именно то, что параллельно с ним будет действовать и Витек. Уж он-то не останется равнодушным к происходящему. Именно реакции Витека Лэмар боялся больше всего. Его враг был непредсказуем. Жестокость и лояльность, хитрость и простота уживались в нем с удивительной гармонией. Сочетание этих качеств в темном превращалось в гремучую смесь. И Лэмар не мог не бояться, что она взорвется.

Также его беспокоил договор, заключенный Витеком с Небесным Светом. Когда и где он успел привести его в исполнение, да так, что никто об этом не узнал? Или же условия договора еще не выполнены? Тогда почему Витек выжидает? Он ничего не может знать о предстоящем сражении, и

Эруаль не успеет его предупредить, потому что, когда узнает сам, уже будет по уши втянут в самую гущу. Для Лэмара этот эльф и через много лет остался загадкой, тайной за семью печатями, за вскрытие каждой из которых приходится дорого платить.

"Что за сюрприз ты мне приготовил на этот раз, темный Витек? – думал Лэмар, ощущая, как в его подлую душу юркой змейкой заползает страх перед неизвестностью. – Чего же ты все-таки ждешь?"

А Витек ждал первого хода от Лэмара, и тот, несмотря на всю свою вековую хитрость и сообразительность, сам того не зная, сделал его.

Глава 36

Разговаривающую на горизонте зарю ждали с надеждой, нетерпением, страхом и ненавистью как воины Кампанелы, так и воины Лавандины. Еще до рассвета обе армии выстроились на границе, разделяющей их страны. Граница проходила посередине широкого поля, с одного края окаймленного высокими деревьями Истерского леса – предмета давнего жаркого спора двух этих стран. Никто не давал сигнала к атаке. Все как будто ждали зарю.

Варлам д' Аруэ, прокушенная нога которого еще плохо его слушалась, рисовал, сидя в походной палатке, планы действий и, объясняя их своим командирам, искренне надеялся, что те не допустят губительной ошибки. Виолетта находилась в своей башне. Медный таз с заколдованной водой показывал ей то и дело сменяющиеся картины происходящего на границе. На коленях у нее лежал листок со словами заклинания, которое должно было вернуть свободу ее мужу, и она выжидала условленного часа. Принца Хевингема на поле боя никто не пустил, и ему пришлось остаться во дворце под присмотром слуг, в глубине души уповая на то, что это сражение станет для его конкурента последним.

Во главе армии Лавандины стоял сам Эруаль, как известно, давно простившийся с жизнью. Как и его старший брат, он не желал слушать справедливых возражений своих

лучших военных командиров, каждый из которых был готов занять место главнокомандующего эльфийской армией. Те только качали головами и, вспоминая печальную участь принца Элспета, еще сильнее опасались за жизнь короля. Ариадна, от которой все бои и сражения были далеки, продолжала веселиться во дворце со своими многочисленными поклонниками. Что до войны, то ей было все равно, кто выиграет. Она была уверена в том, что сумеет одинаково благополучно ужиться с любым победителем. Она целиком и полностью полагалась на свою молодость, красоту и смекалку. Три этих качества никогда ее не подводили.

Между тем, заря разгоралась, но армии все еще бездействовали, когда по рядам лавандинских солдат прошел глухой удивленный ропот. Это отвлекло Эруаля от невеселых размышлений и заставило обернуться, чтобы спросить у одного из командиров, что происходит. Тот ничего не ответил, только показал рукой куда-то влево. Эруаль проследил за его движением и увидел, что со стороны леса к ним быстро приближается одинокий всадник на черном коне. В нем молодой король узнал своего наставника.

– Витек... – Эруаль почувствовал, что на душе у него стало легче.

Тронув поводья, он поскакал навстречу черноволосому эльфу. Поравнявшись друг с другом, они осадили лошадей и встретились взглядами.

– Учитель, я так рад, что вы вспомнили обо мне в такую

трудную минуту! – с необыкновенной признательностью в голосе проронил молодой король.

– Мой долг быть здесь и помочь тебе, – холодно откликнулся Витек. – Я слышал, ты уладил проблему с кампанельской провинцией.

– Не я. Клавелий. И он умер, – Эруаль проронил это так тихо и с таким виноватым видом, как будто это он убивал Старого Сказочника.

– Да. Я знаю, – снова кивнул Витек. В его голосе не было и тени скорби по поводу утраты старого друга. Он принял это как факт. – Ты доволен своим браком с Ариадной? Венсан, Ник и Катарина, когда вернулись с вашей свадьбы, еще долго обсуждали подробности.

– У нас все в порядке, – Эруаль заметно занервничал, когда учитель затронул тему его личной жизни.

– Ладно. Не будем о пустяках, – пожалел его Витек. – Хочешь мой совет насчет предстоящего сражения? Не суйся на рожон. Передоверь командование кому-то другому. А то я смотрю, ты уже расхрабрился идти в первых рядах и героически сложить голову.

– Я должен вести в бой свой народ, а не отсиживаться за его спиной!

– Типичная фраза всех Алых цветков, – патетика Эруаля не произвела на Витека ровным счетом никакого впечатления. – Слишком много гордости и благородства именно тогда, когда тебе надо спасти свою шкуру. Пойми, эльфийский

народ многочислен, а король у них только один. Если ты погибнешь, они потеряют стимул к победе. Ведь они борются за свою страну, а значит, и за тебя тоже. А значит, для них ты должен жить.

– Хорошо. Я буду действовать со стороны.

– Используй магию. И держись поближе ко мне.

Пока молодой король беседовал с наставником, войско Кампанелы получило приказ нападать. На глазах удивленных внезапною атаки Эруаля и Витека лавандинские командиры, не дожидаясь возвращения главнокомандующего, уверенно и умело бросили свои отряды наперерез врагу. В воздухе повисли боевые кличи двух враждебно настроенных по отношению друг к другу рас.

Какое-то время Витек и Эруаль оставались в стороне, молча наблюдая происходящее. Битва закипела перед их взорами легко и быстро. Эльфы гордились своими лучниками, люди – пехотой. В искусстве владения мечом они запросто побеждали изящных лавандинцев, для которых такое оружие было слишком громоздким. Но храбрые солдаты Кампанелы всякий раз падали замертво, стоило эльфийским лучникам спустить стрелу с тетивы.

Поле в один миг усеялось трупами, воздух дрожал от стонов раненых и умирающих.

– Учитель, как вы думаете, у нас есть шанс победить? – осторожно спросил у черноволосого эльфа Эруаль, не в силах оторвать полного ужаса взора от разворачивающегося

прямо перед ним кровавого действия. В этот момент он почему-то думал о Катарине, о том, что она, наверное, просто обожает сражения. Ведь вампиресса, по сути, жила за их счет. Хорошо, что его подруга никогда не распространялась на эту тему. Молодой король плохо представлял себе, как можно вести подобный образ жизни.

– Я уверен в победе Лавандины, – между тем, ответил Витек на боязливый вопрос ученика. При этом он с надеждой взглянул на стремительно голубеющее небо, а рукой произвольно дотронулся до спрятанного под рубашкой небольшого мешочка, в котором был спрятан пузырек с неизвестной жидкостью – подарок Мариша из Небесного Света.

– Мне кажется, нам пора вмешаться, – Витек резко развернулся к ученику. – Бери под свое командование магов и веди их в бой. Я буду действовать в одиночку.

– Но учитель! Мы хотим оставить магов на потом! – глаза Эруаля возбужденно блеснули. – Они должны будут помочь нашим солдатам, когда те начнут уставать. Это будет сюрпризом для Кампанелы, у которой магов очень мало.

– Не возражай! – грубо осадил молодого короля его наставник. – У нас есть сюрприз для Кампанелы и без твоих магов.

– Как?! Вы что-то задумали?

– Когда этого не было! И прекратишь ты, наконец, болтать! Поезжай в лагерь, выполняй мое указание. А я займусь солдатами Кампанелы.

– Берегите себя! – прокричал Эруаль вслед удаляющемуся Витеку.

На всякий случай он прочитал пару заклинаний, накладывавших на учителя защиту от ближнего боя, и отправился выполнять приказ.

Вскоре к армии Лавандины присоединились маги. На поле стало еще страшнее. К звону оружия, к едва различимому свисту летящих стрел, к бешеному ржанию коней и жалобным стонам людей и эльфов примешались еще и звуки читаемых нараспев или же резко брошенных в воздух заклинаний. Они порождали страшные взрывы, от которых земля уходила из-под ног и взлетала в воздух; с неба сыпались камни и лед; сверкающие молнии и огненные шары смешивались с летящими стрелами, наверняка поражая выбранную цель.

Огонь, вода, воздух, земля – все вокруг сошло с ума, маги все заставляли работать на себя. Они вырывали пласты земли и, горящими, обрушивали их на головы врага; они размывали почву, превращая ее в топкое болото под ногами кампанельских солдат; они забирали жизни с помощью искусственно созданных воздушных воронок, а потом превращали души в призраков, которые вооружались тем, что находили возле мертвых тел, и сражались до тех пор, пока их хозяина-мага не убивали.

Разноцветные искры, вспышки, странные сияния затмевали солнце и чистый голубой цвет утреннего неба. Только некому было любоваться первозданной яркостью природных

красок. Перед глазами сражающихся стояли только грязь, кровь, пыль, комья земли, лица раненых товарищей и убитых врагов... А в следующий миг кто-нибудь из них уже был убит, и на его место вставал другой, такой же солдат, с таким же отчаянным рвением и слепой решимостью в душе, с той же ненавистью и болью во взоре.

Сейчас все эльфы были похожи друг на друга, как один, и все люди – похожи. И между собой они тоже все имели сходство. Эта война принадлежала не им, а их предкам, завещавшим ее потомкам, которым сегодня предстояло положить ей конец. Любой ценой.

Немного легче становилось в тех местах, где появлялся одинокий черноволосый всадник на черном коне. Опытный воин, Витек с помощью магии расшвыривал кампанельцев в разные стороны, освобождая своим сородичам простор для лучшего маневра. На ходу он успевал лечить раненых, просто приказывая нужным травам сплетаться в повязки для беспомощно лежавших на земле эльфов (ведь, как известно, травы любили и охотно слушались Витека). Однако, черноволосый эльф надолго нигде не задерживался, отчего казалось, что каким-то удивительным способом ему удается одновременно оказываться в разных частях поля. Никто не мог уследить за ним, и на самом Витеке не было ни царапинки.

Бой длился уже около двух часов. За это время и люди, и эльфы устали, их реакция стала затормаживаться, активная деятельность – сходить на нет. Их силы были равны. Никто

не желал отступить.

Вдруг на один миг всем показалось, что наступил конец света. Вокруг стало темно-темно, даже не как ночью, а как в кладовке, не имеющей окон и в которой позабыли зажечь свет. Со стороны Лавандины появился столб красного света, тянувшийся от неба до земли. В этом столбе немислимо извивались страшные черные тени, и с каждой секундой их становилось все больше. Когда столб до отказа наполнился этими тенями, он распался на тысячи красных лучей, которые ударили в разные места на поле. На их месте выросли высокие тонкие фигуры, мгновенно обретшие плоть и кровь.

В воздухе запахло черной магией.

Это были темные эльфы.

Почувствовав долгожданную свободу, они с ликующими криками набросились на лесных эльфов. Кампанельцы, понявшие, что Небеса прислали им подмогу, воспряли духом и с новыми силами ринулись в бой. Эльфы явственно дрогнули и как будто даже попятились к границе Лавандины. Но потом одумались: отступить им было некуда. Они должны защитить свою страну не столько от кампанельцев, сколько от этих страшных тварей, темных эльфов. Однако, испуг закрался в их храбрые сердца. Он не давал эльфам сосредоточиться и действовать слаженно, но, что самое печальное, их боевой дух был подорван.

Отряды Лавандины вынужденно сдавали занятые ранее позиции одну за другой. Темные эльфы вступили в бой, об-

ладая свежими силами и движимые здоровой ненавистью к приговорившим их к пожизненному заключению лесным эльфам. Помимо этого, все они были прекрасными воинами. Война – искусство, которому они посвящают всю свою жизнь с самого детства. Темные оказались в своей стихии и, опьяненные свободой и безнаказанностью, уверенно начали пролагать себе путь к победе.

Отбивавшийся где-то на краю поля сразу от трех кампанельцев Эруаль при свете вернувшегося на небо солнца видел, как все больше отступают его отряды под неудержимым натиском темных эльфов. Улучив момент, молодой король успел прочитать короткое заклинание, которое отбросило его противников далеко в сторону, и принялся высматривать в мешанине людей и эльфов своего наставника. Ситуация была тяжелой, и ему требовалась помощь Витека. Но учителя, как назло, нигде не было видно.

Эруаль уже хотел броситься на его поиски, опасаясь самого худшего, но путь ему внезапно преградила высокая фигура, облаченная во все черное. Она показалась молодому королю очень знакомой. Длинные черные волосы, закрывающие пепельно-серое лицо почти целиком, длинный черный балахон, худые руки в перчатках – именно такой облик имел Голос из его кошмарных снов. Эруаль застыл изваянием.

– Ты?! – его легкий изумленный вздох мгновенно перешел в крик, полный подлинного ужаса. Эруаль так страшно побледнел, что стал почти неотличим от покойника.

Лэмар откинул с лица черные пряди, и на его тонких, почти не видных губах зазмеилась тонкая усмешка.

– Вот мы и встретились, темный, – знакомым хриплым неприятным голосом произнес он. – Что, не ожидал увидеть меня не во сне, а наяву?

– Что тебе здесь надо? – непослушными губами прошептал молодой король. – Это твои слуги? Отзови их! Отзови их – и я в твоей власти! Не трогай Лавандину, возьми меня!

– Это не мои слуги, это твои слуги. Ты – темный, и ты – король, – усмешка Лэмара стала еще ехиднее.

– Да что ты такое говоришь?! – взвился Эруаль, страх которого постепенно стал сменяться отчаянием и страстным желанием защитить своих подданных. – Не мешай мне! Я нужен своей армии!

– Армии? Посмотри, что от нее осталось! – не сдержавшись, фыркнул темный эльф. – Это всего лишь жалкие остатки величия, которым Лавандина никогда не обладала. Но... Раз ты просишь, я могу отозвать своих воинов. Если ты согласишься со мной сделку.

– Какую сделку? – мгновенно насторожившись и ожидая любого подвоха со стороны своего опасного собеседника, спросил Эруаль, отчаянно молясь про себя, чтобы как можно скорее объявился Витек.

"Учитель всегда все знает... Почему он не хочет выручить меня?!"

– Ты должен принести клятву, что перейдешь на сторону

темных, что навсегда признаешь себя одним из нас. Ты забудешь, что такое Свет, и слепо и преданно будешь служить Тьме. Тогда я отзову темных, – Лэмар прямо взглянул в глаза молодого короля. Он увидел в них страх, который, бесспорно, порадовал злодея.

– Никогда! – четко и твердо произнес в ответ Эруаль. – Если я окончательно продамся Тьме, это принесет Лавандине еще больший вред, чем ее проигрыш в битве с Кампанеллой. Такая цена для меня слишком высока.

– Тогда ты умрешь! – в руках Лэмара появился шар смолистого черного огня. – Ты был нужен мне, когда дрожал и повиновался. Я возлагал на тебя большие надежды и строил грандиозные планы. Но сейчас ты только усложняешь мне жизнь. А я не могу проиграть какому-то недоученному мальчишке! Защищайся, хоть это тебе и не поможет! Ты сам выбрал свою участь!

И Лэмар кинул шар в Эруалья. Король с трудом успел увернуться и выпустил в противника целую вереницу магических молний. Тот даже глазом не моргнул. Решительным взмахом руки он легко отбил атаку. Эруаль в отчаянии пытался разбить сильную защиту Лэмара, снова и снова посылая в него огненные шары и сверкающие молнии, прежде чем понял, что его магия бессильна перед той пеленой зла, что плотным кольцом окутывала темного эльфа. Тот только презрительно улыбался в ответ на все его выпады и как бы нехотя, с раздражающей ленцой отсылал в ответ сгустки черного огня.

Его тактика была проста: он рассчитывал измаять Эруалья в тщетных попытках пробить его оборону и в необходимости продемонстрировать чудеса ловкости, уворачиваясь от брошенных в него черных шаров, а затем одним ударом уничтожить глупого эльфа.

И его план вполне удавался.

Эруаль довольно долго вертелся юлой, пытаясь хотя бы поранить Лэмара, пока, наконец, не схватился за меч и не нанес удар им. Тут темный, слегка обеспокоившись, уверенной рукой перехватил сверкающий клинок, и тот, при соприкосновении с его пальцами, рассыпался пеплом. Эруаль застыл, ошарашено глядя в черные страшные глаза Лэмара.

– Глупец! – весело рассмеялся темный эльф. – Ты слишком молод и слаб, чтобы победить меня! Я сильнейший из темных эльфов! Я их король! И я предлагал тебе стать моим достойным преемником. Ты же оскорбил меня отказом и заплатишься за это жизнью!

В эту минуту Эруаль отчетливо понял: вот она, его смерть. И эта мысль просто парализовала молодого эльфа. Его руки безвольно повисли вдоль тела, а глаза уже не смогли оторвать взгляда от глаз Лэмара. Быстрым движением пальцев воссоздав из воздуха еще один черный шар, он уверенно бросил его в противника. Смертоносный огонь пронзил грудь Эруалья насквозь и исчез. Почувствовав дикую боль во всем теле, молодой король закричал. Но его крик поглотил шум кипящей совсем рядом битвы. Прижав руки к опаленной и

кровоточащей груди, Эруаль упал на колени. Его прекрасные синие глаза наполнились слезами, мир покачнулся. Образовавшаяся странная пустота в голове и во всем теле поразила умирающего короля. Последнее, страстное желание жить пронзило все его существо, словно удар молнии.

– Я хочу жить!!! – не своим голосом крикнул Эруаль и, почувствовав предательскую слабость, рухнул к ногам Лэмара.

– Все хотят жить, – философски пробормотал темный эльф и передернул плечами.

Брезгливо шевельнув тело молодого короля ногой, Лэмар направился было туда, где его подданные яростно расправлялись с остатками лавандинской армии, но вынужден был остановиться, услышав за своей спиной цокот копыт приближающейся лошади. Обернувшись, Лэмар увидел мчавшегося к нему во весь опор Витека и в первую минуту испытал просто суеверный ужас. Однако, бывший советник Элебрута остановил своего коня рядом с телом Эруаля и, спрыгнув на землю, склонился над ним. Лэмар, стоя в стороне, невольно залюбовался этой картиной.

"Последние минуты жизни молодого короля Лавандины, или учитель хоронит своего ученика", – с неожиданной веселостью подумал он.

Черноволосый эльф, словно не замечая близости своего потенциального врага, приподнял голову своего ученика и взгляделся в пока еще открытые, но уже бессмысленные гла-

за.

– Витек... – прошептал Эруаль, с трудом сфокусировав взор на таком родном лице учителя. – Витек!

До самой последней нотки голос его был пропитан чудовищной болью и страданием!

– Витек, я не хочу умирать! – показалось, этот крик вышел из самого сердца молодого короля, настолько он был страшным, безысходным, неудержимым. Он воплотил в себе все оттенки отчаяния. Эруаль заметался на руках учителя, словно в агонии, и, явственно содрогнувшись, неожиданно вцепился окровавленными холодеющими пальцами в рубашку черноволосого эльфа с такой силой, что грозил порвать ее в лоскутки. – Витек, спасите меня!!! Умоляю!

Судорога произвольно сжала пальцы Эруаля еще сильнее. Он цеплялся за учителя, как будто и вправду думал, что это поможет вернуть ему жизнь. Такая безумная надежда светилась сейчас на белом, как мел, лице молодого короля, такая вера в Витека переполняла каждое слетевшее с его губ слово, такое желание жить было сейчас в его душе!

Но он видел боль и скорбь в глазах учителя, немое отпущение всех грехов. И наконец-то понял: время потеряно, его не спасти.

– Нет! – в страхе прошептал Эруаль и еще крепче вцепился в Витека. – Не отпускайте меня! Пожалуйста! Не надо! Витек! Вите-е-ек!!!

Этот жуткий предсмертный крик еще долго звенел в ушах

черноволосого эльфа, и сердце его сжималось от жалости и горя.

"Он звал меня, он верил мне, – вертелись в голове тревожные мысли, – а я его не спас. Мой Эрваль... Как же больно учителю пережить своего ученика".

Безвольные руки молодого короля, наконец, отпустили Витека. Но долго еще он будет видеть во сне эти полные безысходного ужаса синие глаза и слышать по ночам этот крик, страшный, душераздирающий, охваченный предсмертной агонией. Витек на минуту прикрыл глаза, борясь с нахлынувшими на него чувствами, а затем поднялся на ноги. Резко обернувшись к Лэмару, он нашел взглядом его глаза и, впившись в них с силой кинжала, вонзающегося в мишень, проронил неожиданно спокойным холодным голосом:

– Ты проиграл, Лэмар!

Но темный эльф не нуждался в словах. Он прочитал правду в глазах Витека и ужаснулся своей недалёковидности. Бывший советник Элебрута снова перехитрил его.

– Ты все правильно понял, – Витек подтвердил его догадки медленным кивком. – Я заключил с Небесным Светом особенный договор, о существовании которого ты не мог не знать, но так и не догадался, чего я хотел. В этой игре чисто случайно мы сделали одинаковые ставки, избрав своими пешками Алых цветков. Вот условия, которые я предложил Небесному Свету. Когда умрет последний из династии Алых цветков, Лавандина выиграет войну за Истерский лес.

И Небесный Свет обязуется ей в этом помочь. Сегодня вся армия Кампанелы будет уничтожена, а сама страна, оставшись без защиты, отойдет в руки эльфов. Многолетней войне наконец-то будет положен конец, потому что последний сын Элебрута, Эруаль, мертв. Династия Алых цветков прервана. Я принес тебе в жертву самого дорогого для меня эльфа, только бы ты не добился своего.

– И где же он, твой Небесный Свет? Что-то не торопится появляться! – с необыкновенной злобой в голосе выкрикнул Лэмар, чувствуя, что его провели, как мальчишку, и испытывая по этому поводу сильнейшую досаду.

– Должен появиться с минуты на минуту, – ни один мускул не дрогнул на лице Витека, ни тени неуверенности не закралось в его полный отчуждения голос. – А пока что я подменю его.

Лэмар, как недавно Эруаль, стоял, парализованный обыкновенным страхом, и, не в силах пошевелиться, наблюдал за дальнейшими действиями своего врага. Витек расстегнул рубашку и, вытащив из висевшего на шее мешочка пузырек с заветной жидкостью, откупорил его. Лэмар почувствовал, как его мускулы непроизвольно напрягаются: он не знал, чего ожидать от своего врага. А Витек просто выпил содержимое пузырька.

В тот же миг он начал трансформироваться. Его красивые миндалевидные глаза стали круглыми, как у волка, и зажглись хищным желтым светом. Лицо вытянулось и покры-

лось густой серой шерстью. Тело быстро меняло очертания с эльфийского на собачье. Пару секунд спустя перед Лэмаром стоял огромный волк с длинными клыками и мощными крепкими когтями. Волка окружал легкий голубоватый свет.

До Лэмара с трудом дошло, что сделал с собой Витек, а когда дошло, то было уже поздно. Оборотень кинулся на врага и в один миг перегрыз ему горло. Никакая магическая защита и никакие боевые навыки, которыми в совершенстве владел Лэмар, не могли противостоять сокрушающей мощи Небесного Света.

А волк, расправившись со своей первой жертвой, бросился в самую гущу сражения. Будучи неуязвимым, он рвал на куски и давил огромными лапами кампанельских солдат и темных эльфов, а те, как только поняли, что противостоять ему невозможно, бросали оружие и вынуждены были спасаться бегством. Это было жуткое, но захватывающее зрелище, и эльфы, увидевшие, что им нечего опасаться страшного зверя, заранее ликовали, поздравляя себя с победой.

О своем молодом короле в этот момент никто из них и не вспомнил.

А потом появился Небесный Свет. Две длинноногие девушки в сияющих доспехах спрыгнули из разверзшихся небес на землю и смело вступили в бой вместе с огромным светящимся волком. Втроем они начисто разгромили врагов Лавандины, заставив оставшихся в живых людей спасаться в своей стране, а темных эльфов – прятаться в Истерском лесу.

Увлеченные погоней, девушки из Небесного Света и волшебный оборотень далеко ушли от поля, на котором происходило сражение. Настигнув очередного темного эльфа и насквозь пронзив его острыми, как бритвы, когтями, волк готов был мчаться на поиски следующей жертвы, но Верлея и Фейха неожиданно встали на его пути, преграждая дорогу.

– Хватит, – сухо обронила Верлея. – Условия договора выполнены.

Фейха опустила перед оборотнем на корточки и обняла его за шею. Голубое сияние, окружавшее фигуру зверя, впиталось в ее ладони. Поднявшись, она отошла на шаг, и в тот же миг волк обернулся Витеком. Склонив перед девушками голову, он поблагодарил их за оказанную услугу.

– Не стоит благодарности, Хозяин, – все тем же сухим голосом заметила Верлея. – Это наша работа.

– Почему ты назвала меня Хозяином? – насторожился черноволосый эльф. – Ведь ваш Хозяин – Мариш. Кстати, где он?

– Мариш мертв, – спокойно оповестила его бессердечная Фейха. При этом ни в ее голосе, ни на ее лице не отразилось никаких признаков печали. – Он покончил с собой. В своем завещании он написал, что все время, пока жил в Небесном Свете, чувствовал себя пленником двух кукол. Он не мог больше выносить ни нашего с Верлеей общества, ни образа жизни. Он оставил вместо себя вас. Он заверял, что вы сильнее, чем он, и прекрасно подойдете на роль главы Небес-

ного Света. Эта работа вам по плечу.

– И сегодня мы имели шанс убедиться в правдивости его слов, – добавила Верлея. – Нам нужен такой Хозяин, как вы.

– Пойдите, но ведь для того, чтобы возглавить Небесный Свет, необходимо, чтобы предыдущий глава передал преемнику ту редкую неземную силу, которой он обладает, – нахмурившись, произнес Витек. – Мариш мне ничего не давал.

– А облик волка? Та сокрушающая мощь, которой вы обладали, будучи оборотнем, осталась у вас, – напомнила Верлея.

– Не упрямитесь. Все это напрасно, – добавила Фейха. – Если вы не хотите остаться с нами по доброй воле, мы используем силу.

Витек задумался.

"Вот, значит, о чем умалчивал Мариш при нашей с ним встрече. О том, что он сам боялся Небесного Света и не чаял найти кого-нибудь подходящего, чтобы перевесить на него ответственность. А тут как раз я под руку подвернулся – и он сунул мне пузырек с волшебной жидкостью. Что же, эти девушки всегда настроены очень серьезно. Так просто мне от них не отделаться. Впрочем... Это не так уж меня обременит. Я уже не молод, и когда смерть позовет меня, эти эфемерные девушки найдут себе кого-нибудь еще".

– Я буду вашим Хозяином, – спокойно сказал Витек, и Верлея с Фейхой немедленно преклонили перед ним колени. – Но с условием: я так же свободно буду перемещаться

по земле, как и раньше.

– Это условие для нас приемлемо, – переглянувшись, решили девушки.

– Сейчас я не могу отправиться с вами в организацию, – продолжал Витек. – Мне нужно быть в Лавандине, заняться организацией похорон короля и обнародованием его завещания. Кроме меня сделать это некому. Его жена слишком молода и неопытна в таких вопросах. Надеюсь, вы меня поняли, и я буду свободен от вашего общества на этот день?

– Мы вас проводим до дворца, – девушки выпрямились во весь рост и встали с двух сторон от черноволосого эльфа.

Не рискнув возражать, Витек, подумав, снова обратился в волка и помчался в Лавандину.

Глава 37

В тронном зале за столом для совещаний сидели Витек, Ариадна и еще восемь эльфов, занимавших наиболее высокие посты при покойном короле Элебруте. Они собрались здесь, чтобы узнать последнюю волю так недолго правившего Лавандиной последнего Алого цветка и привести ее в исполнение. Витек выступал в качестве распорядителя: все былые предрассудки на его счет сразу были забыты перед перспективой возникновения волнений в народе, страшщегося неизвестности. А до того, пока воля короля Эруаля оставалась запечатанной в конверте, сохранить порядок в стране мог только бывший советник Элебрута – эльф, которого все знали, и прислушиваться к словам которого давно стало для всех сродни инстинкту.

Витек поднялся со своего места, официально приветствовал собравшихся и сказал несколько слов о том, как все они скорбят по молодому королю Эруалю. Ариадна отчаянно скучала. Она давилась зевотой и то и дело поглядывала на часы, словно куда-то торопилась. Остальные участники совещания слушали с крайне встревоженным видом. Они ждали прочтения завещания и очень надеялись на то, что покойный король указал в нем имя своего наместника. Иначе после затяжной войны за Истерский лес могла последовать другая война, гражданская.

Но вот Витек, сломав печать, вытащил из конверта листок бумаги, исписанный таким знакомым ему почерком. Не удержавшись, он пробежал глазами текст завещания, которое оказалось на редкость коротким. На его лице по обыкновению ничего не отразилось. Сухим спокойным голосом Витек принялся читать вслух.

"Я, его величество король Лавандины Эруаль Алый цветок, пребывая в здравом уме и крепкой памяти, подтверждаю и узакониваю все ниже написанное, а также повелеваю привести в исполнение сразу после моей смерти. Моя последняя воля будет такова:

после моей смерти Витек остается единственным претендентом на трон Лавандины без права отказаться от власти или же передать ее другому лицу. Я хочу, чтобы Лавандина была в его руках до самой его смерти, ибо считаю эти руки – самыми надежными для своей страны;

для вампирессы Катарины Ллотт, которая была мне верным и добрым другом в самую трудную минуту жизни и которую без труда можно разыскать в Истерском лесу, в строгом порядке надлежит доставлять свежую кровь, которую вы можете взять у пойманных преступников, но не у мирных граждан. За неимением таковых (т.е. лиц, преступивших закон), этот пункт завещания можно не исполнять;

мою жену королеву Ариадну повелеваю изгнать обратно в Истерский лес. Там и только там всегда был ее дом и ее настоящая жизнь. В Лавандине ей не место. Внести измене-

ния или отменить этот пункт завещания может, по желанию, только мой наместник Витек.

Король Лавандины
Эруаль Алый цветок"

Витек закончил читать и занялся рассмотриванием подписи Клавелия Мудрейшего, заверившего завещание. Ему было, о чем подумать, и восторга в его мыслях было до ничтожного мало. Он был недоволен своеволием Эруаля, продиктованным минутной вспышкой обиды и заставившим претворить в жизнь свою угрозу поставить учителя у власти в Лавандине. Этим он перечеркнул все планы Витека на дальнейшую спокойную жизнь в Истерском лесу.

"Глава Небесного Света, король эльфийской страны... Честное слово, если Гло Картер оставит мне в наследство свою банду, я сойду с ума", – раздосадовано думал он.

Благородные эльфы продолжали сидеть в оцепенении: более странного завещания им слышать еще не приходилось. И даже Ариадна позабыла о времени и подпрыгнула в своем кресле от охватившего ее нешуточного беспокойства. Она просто не могла поверить в то, что Эруаль, так сильно и преданно любивший ее при жизни, мог так жестоко обойтись с ней после смерти. Вся надежда ее теперь была на Витека, – холодного, безэмоционального, откровенно не любившего ее Витека, – и Ариадна обратила полный мольбы взор на него.

Тот, даже не взглянув в ее сторону, произнес:

– Ну что, благородные господа, мы можем расходиться.

Последняя воля нашего покойного короля более чем ясна. Можете предать ее огласке и распорядитесь начинать приготовления к моей коронации. Я больше никого не держу.

Восемь эльфов с почтительными поклонами покинули тронный зал. Воспользовавшись тем, что они остались одни, Ариадна дала волю чувствам. Она порывисто вскочила на ноги и воскликнула:

– Витек, а что будет со мной?! Ведь Эруаль, по сути, выгнал меня на улицу, ничего не оставив! Это жестоко! Неужели ты исполнишь его волю?! Отмени этот пункт, прошу тебя! Я сделаю все, что ты захочешь, только отмени!

В ее зеленых глазах застыл настоящий страх. Витек с обычным равнодушием отметил это и тихо откликнулся:

– Ты жалеешь только себя. И никогда не думала о чувствах мужа. Я ничего не могу обещать тебе. Дождись, пока я официально не стану королем. Тогда я приму решение.

– Нет, сейчас!

Витек хотел было выйти из тронного зала, но разозленная девушка преградила ему дорогу. Их взгляды схлестнулись. В глазах Витека появилось раздражение, как будто он увидел перед собой кролика, осмелившегося встать поперек горла удаву. В глазах Ариадны читалась злоба и решимость человека, которого загнали в угол и который будет бороться за себя до конца.

– У меня будет ребенок от твоего ученика!

Она добилась желаемого. Глаза Витека расширились от

удивления, но уже через секунду он снова был видимо спокоен и ядовито уточнил:

– От него ли?

– Эльфы славятся своими лекарями, разве не так? И если они не могли ошибиться в сроках, то это была та самая ночь, когда Эруаль набрался храбрости сделать мне предложение! Пусть в тебе нет жалости ко мне, но ты не настолько бессердечен, чтобы избавиться от наследника твоего любимого ученика! Это тот единственный дар, который он оставил тебе на память!

Витек молчал. Патетика и ярость Ариадны были рассчитаны на одно: пробудить в черноволосом эльфе воспоминания о тех днях, когда они с его учеником были неразлучны, и желание снова увидеть маленького Эруаля, воплотившегося в его еще не рожденном потомке, должно было заставить будущего короля смягчить ужасный приговор, вынесенный королем покойным. Но Витек думал совсем о другом. А именно, о войне, которую с такими чудовищными потерями, но удалось прекратить, и в череде этих потерь решающей была – гибель последнего из династии Алых цветков. Оставить возможность возвращения на трон еще одного Алого цветка – значило поставить под угрозу с таким трудом добытый им хрупкий мир.

– Ты права. Такие вопросы надо решать сразу. К вечеру тебя уже не должно быть в Лавандине.

Глава 38

Витек и предположить не мог, какие печальные последствия имела его жестокость.

Рыжеволосая разбойница, изгнанная королева Ариадна вернулась в Истерский лес в той же хлопковой рубашке и штанах, в которых не так давно покидала его в обществе нелюбимого, но богатого мужа. Со словами обиды и проклятий она бросилась на грудь своей матери, но руки той, инстинктивно принявшие гладить взрослую дочь по волосам, сами собой опустились, стоило ей разобрать ее быструю речь. Известие о смерти Эруаля ошеломило и расстроило Гло Картер. Она успела привязаться к этому доброму тихому мальчику и по-матерински полюбить его. По красным, с неровным румянцем щекам старой женщины покатались слезы, и она грубо оттолкнула родную дочь.

– Уходи! – глухо бросила Гло в лицо удивленной и обескураженной Ариадне. – Я не желаю больше ничего знать о тебе! Ты смеешь упрекать в бессердечии Витека, но он справедлив. Бессердечная – ты! Ты должна была быть преданной и надежной спутницей бедному мальчику, и это дало бы ему такой стимул жить, что ни один враг не смог бы причинить ему вред! Вместо этого ты извела его своим равнодушием и погубила своими изменами! Уходи из моего дома! Уходи из Истерского леса! Ты жалеешь только себя!

Последние слова матери, в точности повторившие слова Витека, словно пощечина ударили Ариадну. С обрывающимся сердцем девушка отступила назад и, разрыдавшись, выбежала в коридор.

Не помня себя, она покинула Развалины и еще долго бежала по лесу, ничего не видя за пеленой слез, застилавших глаза. Она сбивалась с тропинки, продиралась сквозь колючий кустарник, спотыкалась о кочки, пока ноги сами собой не вынесли ее к морю Элх. Чувствуя непривычное, тягостное для нее одиночество и опустошение, Ариадна кинулась в серебристые воды и, заплыв далеко-далеко, перестала грести. Она предпочла изгнанию смерть на дне того самого моря, которое породило столь страшную войну, что даже по завершении продолжала забирать человеческие жизни.

Между тем, Витек, встав у власти, и правда принес долгожданный покой в растревоженную последними событиями Лавандину. Он ввел в состав эльфийской страны побежденную Кампанелу и отправил туда в качестве своих наместников восемь эльфов, что присутствовали при чтении завещания. Варлам д' Аруэ был убит в ходе последнего сражения, но в Кампанеле оставался юный Хевингем де' Мортеро, и Витек заключил с ним соглашение: если принц добровольно будет помогать лавандинским делегатам справляться с поставленными задачами, то у него появится шанс по достижении совершеннолетия получить трон своей страны и официальный титул наместника Витека в Кампанеле. Хевингем был

не слишком рад такому стечению обстоятельств, но это было лучше, чем заточение или казнь. Пару раз он пытался навести справки о Виолетте Старшайн в надежде, что она где-то рядом и поможет ему освободиться из-под навязанного ему надзора, но предприимчивой женщины к тому времени и след простыл.

Чтобы не допустить возникновения новой угрозы со стороны темных эльфов, Витек распорядился искать всех, кому удалось спастись, и без промедления сжигать на дворцовой площади. Ненависть к Лэмару и скорбь о единственном ученике, которого он был вынужден принести в жертву своему врагу, делали его неумолимым и жестоким в этом вопросе.

Каждый вечер он приходил в склеп, оставлял на безликой каменной плите одну белую розу и подолгу сидел, низко опустив голову и предавшись самым мрачным мыслям. В такие минуты его никто никогда не беспокоил. Все во дворце уважали его так редко проявляющиеся чувства.

Бедный эльф! Сидит он сейчас и плачет на могиле своего любимого ученика и не знает, что самые горькие его слезы еще впереди. Ведь Эруаль уже прошел путь темных, а Витеку предстояло пройти его заново.